РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD

4(93)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Россия: Еще раз о коррупции
Russia: Once more on corruption

Выборы 2016: Риски для победителей
Election 2016: Risks for the winners

25 лет СНГ: Социальные итоги
25 years of the CIS: Social outcome

Памяти ученого: Академик О.Т. Богомолов
In memory of the scientist: Academician Bogomolov O.T.

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

МОСКВА
2016

УДК 009
ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
Р 75

ИНИОН РАН
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН

Редакционная коллегия:

Ю.И. Игрицкий – кандидат исторических наук, член-корреспондент МАИ, главный редактор, *Л.Н. Верченов* – кандидат философских наук, *В.И. Герасимов* – кандидат филологических наук, член-корреспондент МАИ, зам. главного редактора, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, *Д.В. Ефременко* – доктор политических наук, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, зам. главного редактора, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, *Л.Н. Шаншиева* – кандидат философских наук, *В.М. Шевырин* – кандидат исторических наук

Ответственный секретарь *А.А. Халатов*
Редактор-консультант *И.Л. Беленький*
Ведущий редактор *Д.А. Семенова*
Художник обложки *Г.И. Козубов*

Р 75

Россия и современный мир = Russia and the contemporary world: Научный журнал / РАН. ИНИОН, Институт экономики; Редкол.: Ю.И. Игрицкий (гл. ред.) и др. – М., 2016. – ISSN 1726–5223. – № 4 (93). – 274 с.

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
УДК 009
ISSN 1726–5223
© ИНИОН РАН, 2016

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА		**RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW**
И.Г. Минервин *Живучи на Руси социокультурные стереотипы (Читая историю страны)*	6	*I.G. Minervin* *On the Persistence of Socio-cultural Stereotypes in Russia (Reading the History of the Country)*
С.Ю. Барсукова *Новый российский капитализм: Институционализация коррупции*	21	*S.Yu. Barsukova* *The New Russian Capitalism: Institutionalization of Corruption*
Е.А. Лукьянова *Об итогах парламентских выборов в России: Участь победителей*	40	*E.A. Lukyanova* *On the Results of Parliamentary Elections in Russia: The Fate of the Winners*
А.К. Соловьёв *Старение населения России как фактор бюджетного кризиса*	53	*A.K. Solovyov* *The Ageing of Russian Population as a Factor of Budget Crisis*
Л.С. Ржаницына *«Детский бюджет»: Новая управленческая технология в социальной сфере*	62	*L.S. Rzhanitsina* *«Children Budget»: A New Management Technology in the Social Sphere*
М.Н. Муханова *Занятость сельского населения России в неформальном секторе*	72	*M.N. Mukhanova* *The Employment of Rural Population of Russia in the Informal Sector*
РОССИЯ И МИР, В XXI ВЕКЕ		**RUSSIA AND THE WORLD IN THE 21ST CENTURY**
О.А. Кислицына *Место России в международных рейтингах качества жизни*	86	*O.A. Kislitsina* *Russia's Place in the International Rankings of Quality of Life*

Н.В. Фейт, Э.Я. Шейнин Экономические отношения России со странами Центральной и Восточной Европы	97	*N.V. Feyt, E.Ya. Sheynin Russia's Economic Relations with the Countries of Central and Eastern Europe*
Т.В. Соколова Социальные итоги независимого развития постсоветских государств (К 25-летию образования СНГ)	116	*T.V. Sokolova Social Aspects of the post-Soviet States' Independent Development (The 25th Anniversary of the CIS)*
Е.В. Пинюгина КНР, Россия, Германия, Казахстан: Тенденции развития партнерства	131	*E.V. Pinyugina China, Russia, Germany, Kazakhstan: Trends of Partnership Development*
Ф.О. Трунов Позиции России и Германии по «сирийскому вопросу»: Взаимодействие или взаимное отчуждение?	145	*F.O. Trunov Russia's and Germany's Positions on the «Syrian Crisis»: Cooperation or Mutual Alienation?*
З.А. Дадабаева Присоединение Таджикистана к ЕАЭС: Преимущества и риски	161	*Z.A. Dadabayeva The Tajikistan's Accession to the EAEU: Advantages and Risks*
РАЗМЫШЛЕНИЯ. СООБЩЕНИЯ. КОММЕНТАРИИ		**REFLECTIONS. COMMUNICATIONS. COMMENTS**
И.Г. Шаблинский Российские авторы о двух десятилетиях реформ (Размышления на полях книг)	169	*I.G. Shablinskiy Russian Authors on the Two Decades of Reforms (Reflections on the Margins of Books)*
Л.В. Колпина О специфике российского патриотизма	182	*L.V. Kolpina On the Specific Features of Russian Patriotism*
А. Брглез Организации русских эмигрантов в Словении	190	*A. Brglez Organizations of Russian Emigrants in Slovenia*

В.П. Любин *Анжелика Балабанова* *и итальянские социалисты*	*201*	*V.P. Lyubin* *Angelica Balabanova* *and the Italian Socialists*
В. Мотылёв *О трех источниках марксизма:* *Правда и вымыслы* *(Полемические заметки)*	*208*	*V. Motylyov* *On the Three Sources of Marxism:* *The Truth and Fantasies* *(Polemic notes)*
Р.С. Гранин *Русская религиозно-* *философская традиция: От* *утопизма к тоталитаризму*	*215*	*R.S. Granin* *Russian Religio-Philosophical* *Tradition: From* *Utopism to Totalitarism*
НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ		**SCHOLARLY AND CULTURAL LIFE**
Б.А. Хейфец *Первые* *Богомоловские чтения*	*225*	*B.A. Kheyfets* *The First Readings in Memory* *of O.T. Bogomolov*
Л.В. Митрашенкова *Музей-панорама* *«Бородинская битва»*	*233*	*L.V. Mitrashenkova* *The Museum-panorama* *«Battle of Borodino»*
ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ		**RVEYS. DIGESTS**
Т.Я. Четвернина, *А.В. Четвернина* *Миграционная политика:* *Обзор новых зарубежных* *исследований*	*240*	*T.Ya. Chetvernina,* *A.V. Chetvernina* *Recent Foreign Studies* *of Migration Policy Problems* *(Review)*
МакАллистер Я., *Уайт Ст.* *Лукашенко и его избиратели*	*247*	*McAllister Ya.,* *White St.* *Lukashenko and His Voters*
АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА	*255*	**SUMMARIES**
СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР» ЗА 2016 г.	*267*	**CONTENTS OF «RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD» FOR 2016**

И.Г. Минервин

ЖИВУЧИ НА РУСИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ (ЧИТАЯ ИСТОРИЮ СТРАНЫ)

Минервин Игорь Георгиевич – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

Рассмотрение проблем сегодняшнего дня через призму исторического опыта позволяет показать типические явления российской действительности, влияющие на общественное и экономическое поведение граждан страны. Понять существующие общественные отношения, истоки социального и морального кризиса, охватившего страну после падения квазикоммунистической системы, невозможно, не обратившись к истории. Обратимся к примерам стойкого социокультурного стереотипа (по другой терминологии – культурного кода), в изобилии представленных российскими историческими исследованиями[1].

Говоря о допетровской Руси, т.е. о русском Средневековье, Н.И. Костомаров отмечает, что внутренняя торговля здесь была стеснена бесчисленным множеством сборов и пошлин, трудностью и неудобством путей сообщения. Притом правительство само активно занималось хозяйственной деятельностью, вело торговлю, и с ним невозможна была никакая конкуренция. Уже существовала казенная продажа вина, учреждены кабаки; первые известия об их существовании относятся к последним летам царствования Ивана Грозного,

1. Примеры, в основном, почерпнуты из работы Н.И. Костомарова «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей». Источников для подобного анализа, на самом деле, невероятное множество. Вся великая русская литература представляет нескончаемое повествование о человеке в условиях российской действительности. Здесь есть все: от острых социальных картин (практически вся классическая литература) и социально-политической публицистики Герцена и Салтыкова-Щедрина до конкретных описаний нравственности и культуры, актуальных и сегодня (например, Мамин-Сибиряк, «Сибирские рассказы» и др. или Мельников-Печерский, «Медвежий угол» и др.).

и, как пишет Костомаров, способ увеличивать казну за счет людского пьянства принадлежит ему.

Историки отмечают, что русский человек того времени, если имел достаток, то старался казаться беднее, чем был, боялся пускать свои денежки в оборот, чтобы, разбогатевши, не сделаться предметом доносов и не подвергнуться царской опале, за которой следовало изъятие всего его достояния «на государя», что было общепринятой практикой, особенно при Иване Грозном. «Неуверенность в безопасности, постоянная боязнь тайных врагов, страх грозы, каждую минуту готовой ударить на него сверху, подавляли в нем стремление к улучшению своей жизни, к изящной обстановке, к правильному труду, к умственной работе. Русский человек жил как попало, приобретал средства к жизни как попало; подвергаясь всегда опасности быть ограбленным, обманутым, предательски погубленным, он и сам не затруднялся предупреждать то, что с ним могло быть, он также обманывал, грабил, где мог поживлялся на счет ближнего ради средств к своему, всегда непрочному существованию. От этого русский человек отличался в домашней жизни неопрятностью, в труде ленью, в сношениях с людьми лживостью, коварством и бессердечностью» [Костомаров. Вып. 3, гл. 23].

Русь была совершенно лишена мощного нравственного воздействия, подобного тому, какое испытал древний Китай со стороны учения Конфуция и его последователей, а в западной культуре и в Новое время – моральных философов и пропагандистов деловой этики типа Бенджамина Франклина и Макса Вебера. Церковь по вполне объективным причинам в этом плане свое предназначение в целом не выполнила, несмотря на наличие многих церковных деятелей на протяжении всей истории, которые служили примером высокой нравственности, честности и бескорыстия, не будучи при этом столпами реакционности и консерватизма (таких как митрополит Филипп, архимандрит Дионисий и др.).

Время царствования Алексея Михайловича – это время вызревания будущего переворота в культурной ориентации верхних слоев общества, совершенного Петром I. «Злоупотребления насильствующих лиц и прежде тягостные не только не прекратились, но еще более усилились в царствование Алексея, что и подавало повод к беспрестанным бунтам. …При господстве страха в отношениях подданных к власти, естественно, законы и распоряжения, установленные этой властью, исполнялись настолько, насколько было слишком опасно их не исполнять, а при всякой возможности их обойти, при всякой надежде остаться без наказания за их неисполнение, они пренебрегались повсюду, и оттого верховная власть, считая себя всесильною, была на самом деле часто бессильна» [Костомаров. Вып. 4, гл. 3]. Репрессии, опора на силовые структуры никогда не спасала от бунта, а только задерживала развитие.

Произвол был характерен не только для высших уровней государственной власти. Он был распространен и в отношениях между людьми на всех уровнях общественной жизни, даже между крестьянами. «Находясь в полном повиновении у владельца, крестьяне должны были иногда исполнять, по их повелению, и беззаконные дела; так вотчинные и помещичьи крестьяне, по приказанию господина, нападали на крестьян другого владельца, с которым их господин был в ссоре. Эти явления совпадали с произволом, господствовавшим во всем и повсюду. Сильнейший давил слабейшего; низший исполнял беззаконные приказания высшего» [там же, гл. 3].

Один из фундаментальнейших вековых принципов взаимоотношений российского общества и государства состоит в государственном устройстве, которое обеспечивает максимальную прибыльность для государственной казны и, следовательно, для государственной власти и по этой же причине – для коррупционеров и воров, служащих государственной власти за возможность обирать эту всепоглощающую казну, причем всегда за счет благосостояния народа. Это не проходит бесследно и для самого народа, который остается при всем том невежественным в политике и безнравственным в быту.

Долготерпение и политическое невежество народа служили благоприятной почвой для бесправия и злоупотреблений власти, а последние – для периодических протестов, выливавшихся в бунт, бессмысленный и беспощадный. За этим следовало подавление бунта, водворение старого бесправия, казавшегося власти восстановлением порядка, и все начиналось сначала.

Эпоха Петра – это время величайших социально-экономических преобразований, заложивших основы будущего развития, и одновременно – это новый виток насилия.

Правление Петра I ознаменовалось жестокими, крутыми преследованиями всего противного высочайшей власти, что продолжалось и при его преемниках.

Реформы Петра в невежественной массе воспринимались как происки антихриста. «Русский народ видел в своем царе противника благочестия и доброй нравственности; русский царь досадовал на свой народ, но настойчиво хотел заставить его силою идти по указанной им дороге. Одно давало ему надежду на успех: старинная покорность царской власти, рабский страх и терпение, изумлявшее всех иноземцев, то терпение, с которым русский народ в прошедшие века выносил и татарское иго, и произвол всяких деспотов» [Костомаров. Вып. 6, гл. 15].

Когда Петр отправил за границу молодых людей для обучения морскому делу и другим наукам, это вызвало сильный ропот. В России, жившей столько веков в отчуждении от Запада, постоянно господствовала боязнь, чтобы русские, усваивая знания от иноверных народов, не потеряли чистоты своей веры.

Петр видел реакционную роль церкви и поэтому «задвинул» ее под секулярное управление (ликвидация патриаршества и учреждение Св. Синода) [см.: Церковная реформа Петра I].

Был введен ряд узаконений по переустройству церкви. Например, священник делался слугою государственной власти и должен был ставить интересы ее выше церковных правил. Указом 17 мая 1722 г. в обязанность всем духовным отцам вменено доносить о тех лицах, которые на исповеди сознаются, что они имели злой умысел против государя.

В развитии промышленности и хозяйства в России во время Петра и его преемников поражает переплетение методов и подходов, свойственных различным эпохам и экономическим системам, что, по-видимому, отражает как стремление двигаться вперед за передовыми странами в постоянных попытках догоняющего развития, так и колоссальные трудности в его преодолении, стойкое отставание, консерватизм практически всех слоев общества за исключением отдельных наиболее дальновидных его представителей, общее состояние хозяйственной, трудовой, межличностной культуры, дремучее по-прежнему отношение к личности и ее правам, укоренившиеся стереотипы поведения и, как результат, тяготение к неэкономическим, нерыночным формам организации производства. Постоянно чувствовался «недостаток достойных людей», особенно на местных уровнях управления. Задача создания независимого суда, ставилась неоднократно, в том числе Петром I [Соловьёв С.М. Т. 18, гл. III], но так и не была отмечена реальным прогрессом вплоть до судебной реформы Александра II.

В XVIII в. интенсивно развивается промышленность, во многом благодаря импульсу, заданному Петром I. Обращает на себя внимание значительное участие государства в этом процессе (государственного предпринимательства), что также является прямым наследием исторической траектории. Так, казенные оружейные заводы подчинялись оружейной канцелярии, находившейся в ведении военной коллегии. Многие заводы, особенно в оружейной, металлургической промышленности, оставались казенными или отдавались на откуп с припиской к заводам крестьянских дворов.

Частные фабрики можно было заводить с разрешения мануфактур-коллегии, а без такого разрешения фабрика подвергалась со всеми своими инструментами конфискации. Купцы, получившие «привилегию», пользовались различными преференциями, особенно в случае поставок на нужды армии: предоставлением казенных помещений, освобождением от податей, разрешением покупать крестьян без земли для употребления на фабричные работы, рубить казенный лес, осуществлять беспошлинный импорт материалов в течение ряда лет. Например, всем в России, занимающимся суконным производством, была дана привилегия не брать их крестьян в рекруты, а платить произведенным сукном на армию.

Важной составляющей политики оживления промышленности и торговли были и экономические меры, в том числе учреждение дворянского и купеческого банков. На заведение фабрик выдавались долгосрочные (до десяти лет) казенные кредиты, дозволялась беспошлинная торговля в России на те же сроки.

С одной стороны, правительство понимало необходимость развития рыночных отношений и предпринимательства и стимулировало его с помощью налоговых и кредитных инструментов, с другой – использовало древние, чисто феодальные формы, дозволяя предпринимателям – не только своим, но и иностранным – покупать крепостных без земли, т.е. использовать рабский труд. Возникает вопрос, мог бы Сталин использовать в экономике XX в. армии рабов (заключенных ГУЛАГа) и крепостных (колхозников, лишенных гражданских прав), если бы не опыт, освященный столь давними примерами и столь стойкими традициями. Безусловно, этому способствовали теоретические «изыскания» об отсутствии товарно-денежных, рыночных отношений при строе, названном словно в насмешку социализмом. Такой идеологической поддержки были лишены правители старой России.

Эпоха Николая I в русской истории вполне может быть названа эпохой застоя, открывшей череду подобных времен блокирования сверху всяких попыток какого-либо политического движения, не говоря о модернизации, и на этом фоне – расцвета коррупции, воровства, постепенного падения общественной морали и деградации господствующих социальных слоев. Самая точная и лаконичная оценка дана Гоголем: «Мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет», причем это касается, конечно, и сферы государственного управления. Политическую жизнь, ее внешние проявления можно остановить с помощью жандармского управления, но это не означает остановки социальных процессов, накопления социальной напряженности, ведущего опять-таки к взрыву.

Поэтому Октябрьский переворот 1917 г. можно рассматривать как контрреволюцию, возврат к старым полуфеодальным отношениям, крайний протест против бурного развития капитализма и демократических форм правления в России. История российских реформ от Александра II до Столыпина была, по сути, попыткой изменить историческую траекторию и выйти на новую модель развития, прерванную в октябре 1917 г.

* * *

Эти краткие исторические отступления позволяют выделить некоторые узловые негативные моменты российского социокультурного наследия (культурного кода).

Сакрализация власти. Потрясающая покорность большинства народа власти, даже самой жестокой и несправедливой, во многом объясняется смирением перед Божьей волей, а страдания, выпадающие на долю народа, ниспосланы Богом. Многие эпизоды борьбы за власть, возникавшие в периоды крайнего обострения социальных отношений, окрашивались самозванством, т.е. обращением к тому же фактору сакрализации власти. Конституционное право, согласно которому власть принадлежит народу и народ вправе свергнуть правительство, не выполняющее своего предназначения, т.е. не служащее его интересам, является неотъемлемым элементом исторически сложившейся европейской, а сегодня, пожалуй, и общемировой культуры.

Показная благопристойность и нетерпимость критики. Российские власти для прикрытия внутреннего беспредела всегда очень заботились о внешнем имидже – страны и своем собственном. Внутри страны – терпимость власти по отношению к любым безобразиям, беззаконию и коррупции, но внешне все должно было быть благопристойно. На это была нацелена и царская пропаганда (не нужно думать, что это изобретение большевиков). Разоблачения встречали отпор и попытки опровержения. Примеров много, один из них – остро критичная по отношению к российской действительности XIX в. книга де-Кюстина, на которого правительство Николая I напустило «разоблачителей» в виде лояльных окололитературных деятелей с обвинениями во лжи. Конечно, с Герценом и заграничной печатью большевиков царской власти было сложнее. Здесь надо было не только бороться за имидж, но и тушить искры, чтобы не разгорелось пламя. Не помогло.

То же самое повторяется на новом историческом витке в действиях большевистской власти: кровавый террор внутри и видимое благообразие, представление себя в виде борцов за справедливость и строительство нового общества. Приглашают, принимают, беседуют с иностранными писателями, общественными деятелями, политиками. Для этой цели был использован и М. Горький как авторитетный за рубежом человек.

Консерватизм и роль церкви. Новшество всегда отторгается в пользу привычной старины.

Петр попытался ввести, например, перемены в порядок наследования дворянской собственности, он стремился не только предотвратить ее дробление и постепенное вырождение дворян как класса, но и оказать определенное воспитательное воздействие. Как сказано в принятом указе, разделение недвижимых имуществ после умерших родителей между детьми «великий есть вред как интересам государственным, так подданным и самым фамилиям падение». Но нельзя легко изменить то, что освящено многовековыми привычками, укоренилось в нравах и традициях. Несмотря на старание Петра, майорат, господствовавший в Европе, так и не привился в России.

Консервативное влияние церкви начало проявляться в отношениях с внешним миром под лозунгом борьбы с еретичеством, поскольку этот мир не был православным. Раскол в России стал формой протеста против нового в крайней форме.

О роли церкви в формировании общественного сознания и культуры много написано (Кант, Толстой). Характерная особенность отечественной церкви состоит в том, что она принадлежит по сути своей целиком российской, а не православной в целом культуре.

Еще одна особенность российской церкви – отсутствие чистилища в православном религиозном учении, где есть только два полюса – рай и ад. Такая биполярность, отсутствие середины, промежуточных степеней качества порождает и экстремальное, биполярное, прямолинейное черно-белое мышление, основанное на прямых противопоставлениях – добро – зло, свой – чужой, – и объясняет неизбежный экстремизм революции, как и всякого бунта, и лозунгов типа «кто не с нами, тот против нас» и т.п. Отсюда и последствия неприятия нового, доходящие до бунта, подчас «бессмысленного и беспощадного».

Неприятие изменений. Это, возможно, одна из наиболее примечательных черт рассматриваемого социокультурного стереотипа. Ведь успешность всякой реформы зависит не только от решительности реформаторов и обоснованности самого нововведения, но и от готовности к его восприятию со стороны участников, т.е. всех, кого она касается. Эта черта затрагивает самый широкий спектр сторон жизни, как общественной, так и личной, и коренится во глубине веков (новые правители неизменно обещают возврат к традициям предков).

В теории нидерландского социолога Г. Хофстеда эта боязнь новизны определятся как степень ощущения угрозы, которую чувствуют представители данной культуры в ситуации неопределенности или неизвестности [Hofstede, p. 161]. Потенциальное воздействие на поведение, в том числе и на экономические решения, определяется в данном случае такими факторами, как стремление избежать риска, потребность в более жестких правилах и структурах, предпочтение формализованных контрактов, негативное отношение к конкуренции и т.п. Одним словом, подразумевается правило: «Что ново, то опасно».

Отсутствие естественного стремления к новизне, предпринимательству можно рассматривать как наследие режимов, нетерпимых ко всякой свободе и инициативе, и оно служит мощным препятствием для превращения выдающихся и прорывных изобретений и открытий в инновации, меняющие облик производства и несущих выгоды не только их творцам, но и обществу в целом. Одним из следствий этого поведенческого стереотипа, дошедшего до наших дней, является низкий уровень трудовой и профессиональной мобильности, отрицательно сказывающийся на занятости и уровне жизни.

Синдром кавалерийской атаки. Например, опричнина Ивана Грозного была по своим методам явной кавалерийской атакой с целью устранения массы неугодных людей, мешавших единовластию, и, конечно, завладения их собственностью. Возможно, это стало заразительным примером: придя к власти, можно делать все, что способствует достижению поставленной цели, а это, кстати, вполне ленинский принцип.

Два примера поражают сходством манеры исполнения при противоположности направления: тотальное огосударствление после переворота 1917 г. («кавалерийская атака на капитал») и тотальная приватизация после 1991 г. Захват политической власти в России большевиками в октябре 1917 г. сопровождался установлением экономической власти, которая распространялась на землю, банки, крупные промышленные предприятия, железные дороги, помещичьи имения и т.д. Рабочие занимали предприятия, прогоняли их хозяев, но при этом управление производством переходило не в руки рабочих и крестьян, как утверждалось в лозунгах и политических требованиях, а в руки большевиков.

Захват политической власти «шоковыми терапевтами» в 1991 г. сопровождался тотальным акционированием, обернувшимся в конечном счете захватом экономической власти окологосударственной олигархией. Акционирование в пользу трудовых коллективов быстро провалилось, в том числе из-за полной их неспособности к эффективному выполнению функции собственника, коллективы опять остались ни с чем. Видимо, метод «кавалерийской атаки на капитал», провозглашенный и осуществленный большевиками, пустил глубокие корни в менталитете реформаторов. Такая приватизация, какими бы благими намерениями она ни обосновывалась, есть обман, она по своему существу аналогична тотальному огосударствлению по-большевистски, только с обратным знаком.

Вообще-то рыночная экономика не декретируется, она должна «прорасти» на новом поле, накопить потенциал, постепенно набрать силу, не вызывая диспропорций в сложившихся экономических структурах, связях и стимулах. Капитал создается, а не раздается, создается трудом, изобретательностью и риском предпринимателя, а не решением высокопоставленного бюрократа, тем более с нарочитыми нарушениями закона и нравственных норм.

Кадровая политика и неэффективность бюрократии. Испокон веков на Руси назначения на государственные посты базировались на принципе близости к власти, что сохранилось и после уничтожения местничества. Проблески системы назначений, основанной на merit rating, возникли при Петре I, что внешне выразилось, например, в учреждении ордена Андрея Первозванного. Тем не менее личная преданность так или иначе всегда служила и служит главным критерием. Собственно говоря, иначе и быть не может, и в этом нет ничего сверхъестественно порочного, если не переходить определенные

границы. Каждому руководителю нужна преданная команда, на которую он может опереться. Такая практика назначений свойственна всем формам власти, но при демократических системах она смягчается сменяемостью самой власти. Что касается авторитарных систем, то здесь иные принципы просто невозможны. Вопрос только в том, кому нужно это засилие неэффективной бюрократии. Ответ хорошо известен: всякий правящий режим нуждается в социальной базе, служащей для него политической опорой и источником подпитки.

Принцип личной преданности может оказаться обоюдоострым инструментом, поскольку, во-первых, критерии компетентности при этом отодвигаются на второй план и, во-вторых, преданность может перейти в несогласие, в противостояние и вражду. У маниакально подозрительных лидеров, всеми силами стремящихся удержаться у власти, сознание такой возможности ведет к террору, совершенно необоснованному, не говоря о законности (Иван Грозный, Сталин), что не только не укрепляет, но разрушает систему.

Поэтому так важны моральные основы, нравственное воспитание, укрепляющие человека в преданности благородной идее, справедливым принципам и целям, в служении обществу.

Некоторые восточные общества пошли по линии моральной проповеди, обращенной и к правителям, и к подданным, европейские – по линии укрепления и соблюдения законности. Сегодня, как никогда ранее, необходима конвергенция этих двух императивов. Там где они отсутствуют, перспективы очень мрачные.

Централизация власти и внесистемность построения структур управления. В Древней Руси ее правители представляли одну семью, с тем или иным успехом державшую все – великий и удельные – княжеские столы. Такой тип властных государственных отношений, близкий восточно-деспотическому («ордынскому») типу, установился на Руси еще в доордынский период и характеризовался скорее враждой, чем единением. Фактически это означало отсутствие вассалитета по типу Западной Европы. Вместе с тем стремление к централизации власти, завершающееся неограниченным самодержавием, проходит красной линией через всю историю России. Централизация может быть эффективным методом управления, но только в чрезвычайных ситуациях, как метод антикризисного управления. В противном случае она ведет к отрицанию важнейшего принципа саморегулирования в рамках больших систем.

Обычно аргумент о саморегулировании опровергается доводом о неуправляемости огромной страны, невозможности согласовать деятельность ее частей, опасности доминирования частных интересов и бесконтрольности, открывающей простор для беззакония и коррупции. Дело представляют таким образом, что нельзя управлять большой системой (гигантской страной,

ее хозяйственным комплексом) без жесткой централизации, что в противном случае она якобы распадется. Однако системный подход подтверждает, что именно попытки управлять всем и вся из центра приводят к неуправляемости. Проблема в том, как совместить максимально широкое самоуправление на местах, т.е. приближение локализации принятия управленческих решений как можно ближе к месту возникновения потребности в них, с централизованным контролем, т.е. постоянной сверкой результатов функционирования подсистем с общесистемным целеполаганием и коррекцией отклонений.

Все системы независимо от своего класса (будь то физические, биологические или социальные) обладают общими элементами – входом (для экономики это затрачиваемые ресурсы), выходом (результат функционирования), процессором (механизм превращения затрат в результаты) и обратной связью. Наличие саморегулирования на основе обратных связей на всех уровнях – один из краеугольных принципов системной теории. В сложных системах саморегулирование необходимо и реально существует на всех уровнях (во всех подсистемах) – в социальных системах вплоть до индивида (в биологических – вплоть до уровня клетки), и придает всякой системе устойчивость и жизнеспособность.

Все дело в разделении функций, обоснованном и стабильном. Саморегулирование в виде местного самоуправления вовсе не означает неограниченной самостоятельности или неконтролируемой автономии. Оно означает наличие механизмов, заставляющих подсистемы действовать в нужном для системы в целом направлении. Чем сложнее система, чем из большего числа иерархических подсистем она состоит, тем насущнее для нее наличие свойства саморегулирования. Без него не может существовать никакая система. Многочисленные необходимые при этом формальные органы координации не способны достичь эффективности. Единственным действительным координирующим началом является общность цели. Когда у каждого звена и элемента системы она своя, личная, никакие административные надстройки не помогут.

Демократия, между прочим, есть набор механизмов, обеспечивающих такое саморегулирование в социальной (общественной) системе. Ее элементы (в первом приближении) таковы.

– Электоральная система (именно система, а не результат). Она обеспечивает важные сигналы для власти – а все ли благополучно в царстве-государстве (даже если она, т.е. власть, не меняется, может меняться ее политика). Если выборы сфальсифицированы, то этот элемент фактически отсутствует.

– Народное представительство. Смысл его в учете всех общественных интересов, всех групп и слоев населения, в том числе интересов меньшинства (а не только большинства, т.е. фактически властной элиты, маскирующейся

под большинство). Обычно реализуется с помощью механизма многопартийности. Смысл – в создании механизмов сдержек и противовесов, проще говоря, в защите бедных от богатых и богатых от бедных. Понятно, почему так ненавидят демократию носители марксистской идеи классовой борьбы.

– Разделение властей. Служит предохранителем от произвола и от узурпатора. Различные ветви имеют различные функции и контролируют друг друга.

– Независимая судебная система, обеспечивающая безусловное равенство перед законом. Это элемент разделения властей очень важный, ибо обеспечивает стабильность и общественное спокойствие (если очень хочется, то можно добавить и справедливость).

– Политические свободы и права человека. Здесь демократия сливается с либерализмом (в его политическом смысле), выступает как его воплощение, как демократический либерализм.

– Свободная пресса. Это своего рода вторая и постоянно действующая и очень важная сигнальная система.

Таким образом, видно, как далеко ушло понятие демократии от простого перевода с греческого языка.

Отношение к труду. Саморегулирование в экономической системе – это многообразное явление. Затронем лишь один аспект – мотивацию к труду (отнюдь немаловажный).

В России в системе социокультурных ценностей труд сознательно или, что еще хуже, подсознательно веками воспринимался и продолжает восприниматься как наказание. Снова вспомним о церкви, и в этом нет ничего удивительного, ибо церковь как институт культуры оказывала и продолжает оказывать на нее огромное влияние. Провинившихся верующих и монахов в монастырях наказывали разными работами, причем, как правило, бессмысленными (епитимья). Праздник ассоциировался с бездельем, о чем говорит и семантика слова (праздность – это отсутствие труда, безделье). Как уточнял Антоний Сурожский, праздновать – значит «оставаться без дела». Таких «праздников» церковь насаждала огромное множество. Так и сложилось соответствующее отношение к трудолюбию и добросовестному труду. Между тем было бы правильно в воспитательном смысле наказывать человека отлучением от труда: смотри, все пошли работать, а ты будешь сидеть без дела, пока не поймешь ценность труда.

Прослеживается и связь между такими, казалось бы, далекими друг от друга сферами, как модель взаимоотношения общества и власти, с одной стороны, и отношением граждан, членов этого общества к общественным обязанностям, в том числе и в первую очередь к труду – с другой. Диалектика отношений свободы и ответственности – важнейшая, фундаментальная тема, здесь отметим лишь, что мотивация к труду является одним из элементов

механизма саморегулирования на первичном уровне, т.е. на уровне клеточки хозяйственной системы – человека. Именно этот механизм в нормальных условиях заставляет человека трудиться. Известная сентенция А. Смита здесь вполне уместна – действительно, мы обязаны своим обедом не благожелательности мясника, булочника и зеленщика, а тому, что они тоже хотят есть. Это, конечно, общая формула, в реальности мотивы разнообразны (когда-то их делили на экономические и неэкономические), но они должны быть. А если их нет, то что тогда? Тогда, хотим мы или нет, но возникает необходимость принуждения к труду: сначала общественное порицание, затем суд, потом принудительное нормирование за паек, дальше – прямое принуждение, надсмотрщик с палкой, трудовые лагеря, крепостное право. При этом не надо забывать, что именно свободный труд, т.е. труд мотивированный внутренними стимулами, наиболее производителен. Социализм и его плановое хозяйство на первых порах дали прилив энтузиазма, по крайней мере в некоторых локализациях и периодах, когда люди верили в обещания светлого будущего, когда же они поняли, что их обманули, началось новое крепостное право.

Труд незаинтересованный, без внутренней мотивации и тем более принудительный оказывается существенным тормозом роста производительности и эффективности. Низкий уровень производительности и качества труда может быть связан с отсутствием свободы как главного мотиватора реализации творческих способностей человека, с пережитками не преодоленного крепостного сознания, и не только в части его отношения к власти, начальству, хозяину. Ведь крепостной труд – это, по выражению В.О. Ключевского, «ежеминутный саботаж – работа, низверженная до допускаемого законом минимума» [Ключевский, с. 441].

Недостаточно зрелое осмысление свободы и демократии. Это наследие, к сожалению, ощущается и сегодня. Проблема состоит в том, что прошлое еще не является прошедшим. Как точно сказано у классика «…свобода осмысляется только с определенного уровня сознания» [Солженицын. Красное колесо, Узел 2: Октябрь шестнадцатого, глава 30].

Большевики в соответствии со своей революционной доктриной попытались заменить вековую общечеловеческую мораль коммунистической моралью, основанной на идеологии классовой борьбы, насилия, социального равенства, интернационализма и т.д., в которой было не только плохое, но и хорошее. Однако затея в конечном счете провалилась, «моральный кодекс строителей коммунизма» бесславно ушел в небытие, оставив нравственный вакуум. А общественная природа не терпит вакуума, она требует нравственных законов, иначе – полный беспредел.

Не случайно одна из особенностей нынешней российской власти заключается в попытке найти идеологическую и политическую опору в религии и церкви. Но РПЦ весьма удачно демонстрирует свое бессилие, да иначе

и быть не может, ведь она не выполняла, по сути, свою нравственную миссию на всем протяжении истории.

Задача общества сегодня – вернуться к принципам общечеловеческой морали, укрепить их и сделать основой существования, говорить об этом открыто и откровенно. И никто не вправе упускать свой шанс в этом деле, как бы мал он ни был.

* * *

Печальный вывод состоит в том, что в России при появлении инновационного спроса, благоприятной возможности для предпринимательской инициативы вопрос не решается с помощью частной предпринимательской инициативы, как это происходило и продолжает происходить в развитых экономиках. Отсутствие инициативы снизу или ее блокирование, когда она есть, вынуждает правительство брать на себя эту функцию, вместо того чтобы создавать условия для инициативы, регулировать рыночные экономические отношения. Если такая инициатива и возникает, то государство тут же стремится подавить ее или подмять под себя, даже если она вполне соответствует интересам государства. В результате создаются государственные корпорации на инновационных направлениях развития, вместо того, чтобы дать простор предпринимательской инициативе и помогать ей с помощью административных, законодательных и экономических рычагов.

Со временем это подавление экономической инициативы, инновационного предпринимательства, за редким исключением (Строгановы, Демидовы, которые, по сути, были частными проводниками империалистической экспансии государства, затем короткая эпоха бурного развития капитализма после реформ Александра II и Столыпина), вошло в автоматизм: не дозволено, а почему – потому что без государева соизволения. Самое печальное то, что этот принцип поддерживается не только, может быть даже не столько и не всегда самой властью, сколько менталитетом общества, привычным стереотипом поведения, исторической траекторией.

Засилие государства, неограниченность власти, ее бесконтрольность – традиционные черты, неизбежно, на каждом историческом этапе ведущие к бюрократизации управления, разбуханию аппарата, неэффективности. Смена модели управления, даже политического режима, казалось бы, должна вести к реорганизации, устраняющей эти явления. Отчасти так и происходит в непосредственный послереволюционный период, но очень скоро традиционный процесс бюрократизации возобновляется с еще большей силой. Так было после реформ Петра I и с особой выразительностью дважды в XX в. С одной стороны, самовластие и, следовательно, безудержная централизация власти, ее сосредоточение в руках властителя требует бюрократической

опоры и обеспечения хоть какого-то движения управленческой информации снизу вверх и управляющих воздействий сверху вниз. С другой стороны, слой бюрократов, этих государевых служилых людей становится верной опорой авторитаризма, действующей власти, из рук которой получает соответствующие привилегии и стимулы к размножению.

В условиях государства «ордынского типа», модели авторитарной государственной власти могла ли возникнуть и утвердиться политическая культура, хотя бы среди правящей элиты, не говоря и об обществе в целом – вопрос риторический. Отсутствие политической культуры, неумение согласовывать стратегию и тактику, вырабатывать компромиссы, жертвовать частным ради общего со всей безобразной последовательностью проявились в эпоху двух российских революций XX в. И это до сих пор не стало уроком для политических сил страны.

Необходимо постепенно и целенаправленно изживать исторически обусловленные свойства национального менталитета и стереотипы поведения, воспитывать такие черты, как свободомыслие, предприимчивость, творческое и бережливое отношение к труду. Это ли не актуальная национальная идея – избавиться от тяжелого наследия тоталитаризма в национальном менталитете. Тем более, как показывает опыт предреволюционной попытки реанимации имперского национализма, с одной стороны, и послереволюционной пропаганды строительства нового общества на базе уничтожения старого – с другой, лозунг прославления прошлых достижений и успехов, как реальных, так и мифических, расслабляет, а мобилизуют энтузиазм и творческий потенциал как раз призыв к борьбе с недостатками прошлого, преодолению ошибок и созиданию нового.

Самое тяжкое наследие, которое оставила нам история России, это, пожалуй, отсутствие уважения к человеку, не к людям вообще, а к каждому отдельному и конкретному человеку как к личности, кем бы он ни был. Это важнейшее условие социокультурного и социоэкономического развития, всякого движения вперед. Это основа для создания эффективной и независимой судебной и правоохранительной системы, благоприятного инвестиционного климата, институтов защиты прав собственности и предпринимательства и всего того, о чем сейчас много говорится и мало делается. А между тем именно в этом корень проблемы, а не во многих более частных вопросах типа всяческих реорганизаций, модернизаций и т.п. Первое, что необходимо сделать, это осознать проблему и реальное положение вещей.

Литература

1. Ключевский В.О. Литературные портреты. – М.: Современник, 1991. – 463 с.
2. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. – М.: АСТ, 2011. – Код доступа: http://royallib.com/book/kostomarov_n/russkaya_istoriya_v_gizneopisaniyah_ee_glavneyshih_deyateley.html
3. Солженицын А.И. Красное колесо. – Код доступа: http://eknigi.org/belletristika/27757-aleksandr-solzhenicyn-krasnoe-koleso.html
4. Соловьёв С.М. История России с древнейших времен. – Код доступа: http://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Solovev/istorija-rossii-s-drevnejshih-vremen/
5. Церковная реформа Петра I / Русская историческая библиотека. – Код доступа: http://rushist.com/index.php/tutorials/plat-tutorial/199-plat-tut-113
6. Hofstede G. Cultural consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations. – Beverly Hills (Cal.): Sage Publ., 2001.

С.Ю. Барсукова

НОВЫЙ РОССИЙСКИЙ КАПИТАЛИЗМ: ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ КОРРУПЦИИ

Барсукова Светлана Юрьевна – доктор социологических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

В наиболее общем виде коррупцию можно определить как использование служебного положения в личных целях. Экономисты трактуют коррупцию как проявление рационального поведения эгоистичных автономных агентов, реализующих свои интересы в условиях ограниченности ресурсов. Существует консенсус по поводу негативного влияния коррупции на темпы экономического роста.

Определений коррупции довольно много, но все они акцентируют два момента: коррупция есть, во-первых, «переключение» *от* общественного (ресурсов, мотивов, целей) *к* частному и, во-вторых, это «болезнь», девиация. То есть определения коррупции апеллируют к представлению о жестком *разделении* приватной и публичной сфер в процессе перехода, как писал М. Вебер, от матримониальной структуры власти к рационально-легальной, и основаны на *нормативном* подходе.

Однако в России оба эти признака не проявляются: границы между приватной и публичной сферами размыты, нет традиции «главенства закона», а участие в коррупционной практике стало для населения нормой жизни. Историческим наследием коммунистического периода явилось восприятие власти как самого надежного способа личного обогащения. Поэтому ряд авторов считает, что понятие «коррупция» принципиально неприменимо к посткоммунистическим странам [27; 20].

Рост коррупции[1] в современной России кажется парадоксальным на фоне усиления антикоррупционной риторики политической элиты. Между тем это противоречие лишь кажущееся. Формирование государственно-корпоративного капитализма связано с усилением влияния чиновников на бизнес, а значит и с ростом коррупции. Однако желание хорошо выглядеть в глазах международного сообщества и собственного народа заставляет правящую элиту усиливать антикоррупционные разоблачения. Кроме того, обостряется борьба между группами влияния за доступ к властным ресурсам, и антикоррупционная кампания становится легитимной формой устранения конкурентов.

Культурная укорененность коррупции

Российская коррупция является культурно оправданным и рутинным явлением. Многие граждане считают коррупцию не девиацией, а нормой. В 2005 г. лишь 13% россиян выражали активное неприятие коррупции, а 53,2% были готовы дать взятку представителю органов власти (опрос 2005 г., репрезентативная общероссийская выборка, N = 3100) [6, с. 55]. Решение повседневных проблем с помощью взятки стало социальной нормой. Укорененность российской коррупции в культуре связана с рядом обстоятельств.

Во-первых, в России широко распространена практика одаривания. Граница между взяткой и подарком весьма условна. Подарки придают деловым контактам «тепло человеческих отношений» [5]. Администрация лечебных и образовательных государственных учреждений относится к этому лояльно, считая подарки формой компенсации низкой заработной платы своих сотрудников. Так же лояльно в советский период относились к воровству работников, считая это формой дополнительного заработка.

Во-вторых, в России крайне важны неформальные обязательства помогать родственникам и друзьям. Чиновник оказывается зажатым между формальными требованиями «беспристрастности» и неформальными нормами покровительства. Общество осуждает коррупционеров, но еще больше оно не одобряет тех, кто не помогает другу или родственнику, называя их «слишком

1. Интервью, на основе которых написана статья, проводились в рамках различных проектов в период 2001–2010 гг. при поддержке Научного фонда Высшей школы экономики, Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и по заказу бизнес-ассоциаций. Проекты посвящены специфическим проблемам взаимоотношения власти и бизнеса (таможня, арбитраж, контрафакт, финансирование выборов, пр.). Несмотря на тематическое разнообразие, они неизбежно затрагивали проблему коррупции, ее качественной и количественной динамики. Кроме интервью, анализировались материалы СМИ, данные статистики.

принципиальными». В универсалистских обществах с жестким разделением приватного и публичного и безусловным приоритетом законов говорят: «Человеку нельзя доверять, потому что он всегда окажет преференции своим друзьям». В партикуляристских же обществах, где грань между приватным и публичным размыта, а дружеские отношения приоритетнее законов, существует другая логика: «Нельзя верить тому, кто не поможет другу» [26].

В-третьих, россияне не приемлют коррупцию в высших эшелонах власти, но весьма снисходительны к злоупотреблениям чиновников среднего и низшего звена. Коррупция низового уровня воспринимается людьми как «пространство возможностей» для быстрого и относительно недорогого урегулирования бытовых и мелких деловых проблем. Решение этих вопросов по закону кажется слишком хлопотным и затратным. Многие считают, что отмена коррупции на низовом уровне осложнит их жизнь.

В-четвертых, со времен СССР люди знали, что политическая жизнь страны полна лицемерия и неподконтрольна обществу. Постсоветская политическая коррупция, несмотря на возникшую многопартийность, воспринимается как привычное явление.

Об укорененности коррупции в культуре говорит и то, что ее юридическое определение может не совпадать с границей морально осуждаемого поведения. Люди способны осудить действия, в которых по закону нет состава преступления, и, наоборот, оправдать поступки, трактуемые законом как коррупция.

> *«Ко мне в роддоме прямо в палату пришла медсестра и объяснила, что по их традиции папа должен за девочку дать 300 рублей, а за мальчика 500. Говорит, что это не обязательно, если денег в семье нет, но желательно, все так делают. Я мужу сразу позвонила, чтобы деньги в красивый конверт положил. Ни он, ни я не возмутились. Если по закону судить, это вымогательство денег, но по совести они правы. У них зарплата маленькая, им тоже жить надо» (юрист, 28 лет).*

Взятка в России является не только способом обогащения, но и элементом корпоративной этики. Чиновники берут взятку не только исходя из корыстных побуждений, но и желая продемонстрировать лояльность корпоративным нормам, не прослыть «белой вороной». Отказ от взяток может восприниматься как разрыв с корпоративной культурой.

> *«Чтобы ни говорили, но в милицию идут идеалисты, которые реально хотят людям помогать. Я когда начинал свою карьеру, думал, что на мне взятки закончатся. Но дальше два варианта – либо система тебя выплюнет, либо перемелет. Начинаешь себя уговаривать, что играть по общим правилам, брать по мелочам, с начальством делиться –*

это вроде платы за то, чтобы оставаться в системе и иметь возможность людям помогать. Потому что если меня под каким-то предлогом выгонят, я же ни одного бандита больше не остановлю» (сотрудник полиции, 37 лет) [12].

Коррупция в постсоветский период: Виды, масштаб, динамика

Реформа, начавшаяся при М. Горбачёве, была нацелена на модернизацию социализма с помощью ограниченных рыночных новаций. Лозунгом реформы в конце 1980-х годов был «социализм с человеческим лицом». Этот подход оказался неэффективным. В 1990-е годы, когда началась активная рыночная реформа, ее главным механизмом стала приватизация.

При этом ожидалось снижение коррупции, поскольку исчезли основные причины, ее порождающие. Первая причина – дефицит товаров и услуг, преодолеваемый с помощью взятки. «Блат» стал альтернативной системой доступа к дефициту через сеть неформальных контактов. Вторая причина советской коррупции – запрет на предпринимательскую деятельность. Взятками «подпольные предприниматели» откупались от репрессий. Реформа дала возможность открыто заниматься бизнесом, подпольные капиталы были легализованы. Однако коррупция не сократилась, а выросла и стала более разнообразной.

В постсоветский период возобладали следующие виды коррупции:

– неформальные платежи, сопровождающие отношения власти и бизнеса («деловая» коррупция);

– подношения населения в сфере образования, здравоохранения, правопорядка, судопроизводства и пр. («бытовая» коррупция);

– платежи за заключение сделок между компаниями (откаты);

– лоббирование интересов бизнеса через теневое финансирование партий и политиков («политическая» коррупция) [21; 13; 18].

Что касается количественных оценок, то, по данным Transparency International, индекс восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index – CPI) в России составлял в 1998–1999 гг. 2,4. В 2010 г. ситуация ухудшилась, индекс составил 2,1. Нашими ближайшими соседями стали Папуа-Новая Гвинея и Таджикистан. Отметим, что такой индекс отнюдь не противоречит тому, что россияне вполне лояльно воспринимают бытовую, повседневную коррупцию. Отношение к деловой коррупции более негативное. Существует разрыв между «диагностикой» коррупции международными организациями, руководствующимися универсальным нормативным определением этого явления, и восприятием подобной практики непосредственными участниками [20].

Однако необходимо понимать: в опросах фиксируется не только коррупция, но и общее недовольство населения правящей элитой. Коррупция – это «дискурсная рамка» для предъявления претензий к власти. Почему именно коррупция? Потому что об этом говорит вся страна. Массмедиа заполнены репортажами о коррупционных скандалах, а недееспособность любого ведомства объясняется коррумпированностью чиновников. Утверждая, что власть коррумпирована, респонденты выражают недовольство ею, разочарование реформами. Говорят на том языке, которому их научили.

Что касается объема коррупционного рынка, то, по данным Фонда ИНДЕМ, в 2001 г. на взятки в России ежегодно тратили около 37 млрд долл. (примерно 34 млрд долл. – взятки в сфере бизнеса, 3 млрд долл. – бытовая коррупция)[2]. Это составляло примерно половину доходной части российского бюджета. Опрос, проведенный в 2005 г., показал, что сумма взяток в сфере бытовой коррупции почти не изменилась, зато в сфере деловой коррупции она выросла в 10 раз (с поправкой на инфляцию – примерно в 7 раз), достигнув 316 млрд долл., причем взятки регулярно платят примерно 80% всех фирм[3]. Объем взяток превысил доходную часть российского бюджета почти в 2,5 раза.

Исследователи коррупции, расходясь в абсолютных оценках, единодушны в том, что коррупция в России растет. При этом так называемая «бытовая коррупция», связанная с обслуживанием населения, практически стабилизировалась в первой половине 2000-х и даже немного сократилась за период 2005–2010 гг. в связи с возросшими рисками в ходе антикоррупционной кампании. Сегменты бытовой коррупции имеют различную динамику: растет коррупция в дошкольных учреждениях и автоинспекции, тогда как коррупция вокруг призыва на военную службу, наоборот, сокращается. В целом на рынке бытовой коррупции доминирует высшее образование и дорожная полиция. Наименее коррумпированы государственные органы, связанные с социальными выплатами и пенсиями.

Если бытовая коррупция немного сокращается, то деловая коррупция в последнее десятилетие заметно выросла. Не население, а бизнес является главным субъектом коррупционных отношений.

2. См.: Диагностика российской коррупции. – Режим доступа: http://www.anti-corr.ru/awbreport/index.htm

3. См. Барсукова С.Ю. Коррупция: Научные дебаты и российская реальность. – Режим доступа: http://pandia.ru/text/78/249/85683.php

Усиление антикоррупционной борьбы как признак кризиса власти

Усиление антикоррупционной борьбы в России в последние годы – это проявление не оздоровления системы, а кризиса власти, ее неготовности к реформированию для адекватного ответа на новые экономические и социальные вызовы.

С одной стороны, наверху растет понимание декоративности выстроенной «вертикали власти». Коррупция делает невозможным проведение макроэкономической политики государства, поскольку коррумпированные звенья системы управления искажают передаваемую информацию и подчиняют реализацию намеченных целей собственным интересам.

С другой стороны, власть нуждается в чрезвычайных мерах для поддержания доверия населения, в ярких антикоррупционных шоу. Объектами разоблачений становятся самые нелюбимые населением ведомства (например, полиция). Показателен скандал вокруг хищений государственных средств фирмой «Оборонсервис», деятельность которой курировали непосредственно в Министерстве обороны[4]. Скандал привел к отставке министра обороны А. Сердюкова. При общей нелюбви россиян к представителям власти (что не распространяется на Путина, который воспринимается не как бюрократ, а, скорее, как «отец нации»[5]), это был один из самых нелю-

4. Акционерное общество «Оборонсервис» – коммерческая организация, созданная в 2008 г. для выполнения хозяйственных функций, связанных с деятельностью Министерства обороны России. 100% в уставном капитале «Оборонсервиса» принадлежит Министерству обороны РФ. Осенью 2012 г. разразился крупный коррупционный скандал. Сотрудники «Оборонсервиса» в тандеме с чиновниками из Министерства обороны создали мошенническую схему реализации непрофильных военных активов. Выбирались наиболее ликвидные и престижные объекты, затем в эту недвижимость вкладывались огромные бюджетные средства, после чего имущество продавалось по существенно заниженным ценам аффилированным с «Оборонсервисом» коммерческим структурам. По данным на июль 2013 г., предполагаемый ущерб составляет более 6 млрд руб. О масштабе доходов участников коррупционной схемы говорят детали: например, один из арестованных готовился к юбилею, где для него должна была петь Дженнифер Лопес (см.: «Друг» Сердюкова готовился к побегу: Новости сегодня. – Режим доступа: http://flb.ru/info/53023.html).

5. В Google на запрос «отец нации Путин» появляется множество ссылок. Это устойчивое сочетание, которым пользуется преимущественно оппозиционная пресса. В использовании этого выражения есть два подтекста: с одной стороны, «отцом нации» в советской истории называли Сталина и, перенося это выражение на Путина, подчеркивают авторитарный характер его власти; с другой – в этом клише присутствует ирония по поводу того, что президент лично вникает во все мелкие вопросы. Например, когда 25 апреля 2013 г. В. Путин в прямом эфире отвечал на вопросы россиян, девочка с Дальнего Востока попросила построить детскую площадку. Путин

бимых министров. Именно ему народ приписывал «развал армии». Коррупционные разоблачения в Министерстве обороны отодвинули на задний план проблемы, нерешенные и появившиеся в ходе реформы армии.

Наконец, рост числа коррупционных разоблачений свидетельствует о резком усилении конкуренции за доступ к властным ресурсам, за место во власти. Это связано с тем, что окончательно сформировалась система, при которой властный ресурс является главным фактором экономического успеха. Обвинение в коррупции стало одним из распространенных способов борьбы с конкурентами.

Рост числа коррупционных скандалов в современной России напоминает последние годы советской системы. Тогда были преданы гласности многие коррупционные дела, касающиеся представителей властной элиты. По замыслам команды М. Горбачёва, такие разоблачения должны были свидетельствовать о готовности власти к самоочищению, укрепить ее авторитет в глазах народа. Эффект получился обратный. Демонстрация коррупционных схем внесла значительный вклад в разрушение СССР.

Россия в очередной раз погрузилась в «борьбу с коррупцией». Но сейчас она имеет историческое своеобразие. На излете СССР коррупционные скандалы компрометировали советский строй и расчищали путь к рыночной экономике. Теперь же они воспринимаются как свидетельства недостаточного контроля со стороны государства и обосновывают необходимость расширения полномочий прокуратуры и силовых ведомств, ужесточения репрессий. Антикоррупционная кампания легитимирует установление жесткой моноцентричной власти – для выхода из политического кризиса.

Риск разоблачений повышает значимость личной преданности и лояльности при формировании управленческих команд, что снижает ценность профессионализма. Политические институты и управленческие структуры погружаются в неопатримониальную реальность, свойственную многим развивающимся странам Африки и Латинской Америки [8; 22].

Было бы несправедливо утверждать, что борьбы с коррупцией совсем не ведется. Но ее целями являются: уничтожение политических и экономических конкурентов, ротация чиновничьих команд, улучшение имиджа в глазах международного сообщества, поддержание доверия общества к власти. Антикоррупционные кампании не меняют сущности отношений власти и бизнеса, но способны улучшить положение страны в международных рейтингах.

еще не закончил пресс-конференцию, а региональные власти уже начали по его приказу строительство. Участники прямого эфира, услыхав это, зааплодировали (см.: «Путин преподнес себя как Отца Нации»: Иностранные СМИ о прямой линии с Владимиром Путиным. – Режим доступа: http://www.kommersant.ru/doc/2179320). Даже развод В. Путина в СМИ комментировали как подрыв его образа «отца нации».

Смена модели: Переход от олигархического к государственно-корпоративному рынку

Несмотря на демонстративную антикоррупционную кампанию, деловая коррупция в стране растет, меняется ее характер. В чем главная причина этого? Принципиальный ответ состоит в следующем: рост коррупции в России связан со сменой модели рынка.

Нет единого стандарта рынка как антитезы плановой экономике. Рынок – это не платиновый метр, который хранится в Париже под стеклянным колпаком. Есть континуум «рынков» в виде многообразных институциональных сочетаний власти и бизнеса [14]. Огрубляя, можно назвать три: конкурентный, олигархический и государственно-корпоративный рынки. Во всех этих моделях государство выполняет традиционные обязательства (поддержание правопорядка, защита границ, налоговая монополия), но отношения с бизнесом строит на принципиально разных основаниях.

В начале «перехода к рынку» в России реформаторы в качестве цели декларировали построение *конкурентного капитализма*. В этой модели государство создает и совершенствует институты как универсальные правила, стимулирующие конкуренцию, минимизируя непосредственную включенность чиновников в принятие предпринимательских решений и перераспределение ресурсов, за вычетом социальных трансфертов. Трудно сказать, насколько искренне первые реформаторы (такие как Е. Гайдар) верили в возможность ее реализации на российской почве. Но вышло все иначе: вместо конкурентного рынка был построен рынок олигархический.

Олигархический капитализм в 1990-е годы в России означал:

– доминирование крупных компаний (в том числе монополистов), которым государство дает карт-бланш на развитие в обмен на политическую поддержку;

– имитацию руководящей роли правительства в условиях «приватизации государства» крупными экономическими игроками.

Показательны знаменитые залоговые аукционы накануне переизбрания Б. Ельцина в 1996 г. Тогда правительство получило кредиты от крупных банков, предоставив в качестве залога крупнейшие промышленные предприятия страны, находящиеся в государственной собственности. И банкиры, и правительство понимали – никто возвращать кредиты не станет. Была неформальная договоренность: если на президентских выборах победит Б. Ельцин, то банкирам отдадут эти предприятия как залоговое имущество. А если победит представитель партии коммунистов, то и предприятия не отдадут, и кредит не вернут. То есть банкиры потеряют все. Эти залоговые аукционы являлись, по сути, раздачей олигархических мандатов тем, кто готов был вложиться в под-

держание власти Б. Ельцина. У бизнеса покупалась политическая поддержка. Предоставив ее, крупнейший бизнес и стал государством.

Государственно-корпоративный капитализм построен по другой схеме:

– растет влияние государства в решениях, принимаемых рыночными агентами. Государство фокусируется не на поддержании универсальных институтов конкуренции, а на создании правил (формальных и неформальных) подчинения бизнеса государству;

– делается ставка на рост экономики на базе ограниченного круга отраслей («стратегические отрасли»), где патронаж государства («возвращение командных высот») достигается за счет ограничения предпринимательской свободы;

– крупные корпорации становятся зависимыми от решений власти, которые обосновываются не экономической рациональностью, а «национальными интересами».

Олигархический капитализм 1990-х в 2000-е годы постепенно трансформировался в государственный. Именно этот сдвиг определил рост коррупции и изменение ее качества [9].

В каких формах это происходит? Есть формальные и неформальные способы построения государственно-корпоративного капитализма. Формальные: конвертация задолженности в государственные пакеты акций; реструктуризация задолженности перед государством путем залога пакета акций; акции в обмен на государственные инвестиции; приобретение акций на свободном рынке.

Неформальные: занижение тарифов государственных монополий для «патронируемого» бизнеса; избирательное правосудие, когда все большую роль играет не «буква», а «дух закона» (интерпретация закона с позиции «национального интереса» усиливает зависимость бизнеса от власти); передача госзаказов узкому кругу «своих» фирм при формальном соблюдении конкурсных условий.

Идеологическая установка власти федерального и регионального уровней на «сильное государство», понимаемое в национал-консервативной, а отнюдь не в либеральной традиции, формирует систему ожиданий бизнеса и его готовность либо эмигрировать, либо «лечь под государство».

Парадокс в том, что параллельно протекают два, казалось бы, взаимоисключающих процесса. С одной стороны, растет формальное и неформальное влияние государства на крупный бизнес. С другой стороны, часть государственной собственности по заниженной цене и совершенно непрозрачным схемам переходит в частные руки, происходит необъявленная «приватизация» активов государственной собственности в пользу персон, близких к власти.

Как это отразилось на коррупции?

Изменения характера коррупции в России в связи со сменой модели капитализма (сравнение ситуации в 1990-е и 2000-е годы)

Сравним причины и механизм коррупции в России в 1990-е и 2000-е годы.

Первое. *Коррупция становится более централизованной*. Вымогательства 1990-х годов были интенсивными, но децентрализованными. *Децентрализованная коррупция* – это типичная для слабых государств форма коррупционных отношений, когда предприниматель вынужден искать каналы подкупа относительно самостоятельных государственных агентов. При режиме В. Путина коррупция приобрела более централизованный характер, когда выход на «ключевые» уровни коррупционных пирамид избавляет от поборов, исходящих от нижестоящих чиновников.

Если коррупция гнездится на низовом уровне, то у предпринимателя есть пространство для маневра – не удалось «решить вопрос» с одним бюрократом, можно попытаться договориться с другим. Такой «рынок» коррупционных услуг снижает размер взятки. При централизованной коррупции решения, от которых зависит бизнес, принимаются на высоком уровне и очень ограниченным кругом лиц. Чем значимей должностное лицо, тем сложнее найти ему альтернативу. Централизация коррупции привела к конкуренции за покровительство высоких начальников. Доступ к ним ограничен, что ведет, с одной стороны, к сокращению числа взяток, но с другой – к увеличению их размера.

Конечно, для разных бизнес-проектов уровень решения проблем различается. В одних случаях это могут быть федеральные чиновники, в других – региональные или городские. Речь идет о коррупционном альянсе с руководителями государственных служб, которые в силу должностных полномочий могут создавать для бизнеса особые преференции, т.е. возможность получать дополнительные доходы и делиться с чиновниками.

Централизация коррупции происходит на фоне политики «наведения порядка», антикоррупционной борьбы. Очевидно, что наиболее вероятными кандидатами на разоблачения станут (и становятся) низовые работники. Чтобы обезопасить себя, они вынуждены «брать в долю» начальство, что повышает уровень принимаемых решений и ведет к росту коррупционных платежей. Впрочем, централизация коррупции больше касается среднего и крупного бизнеса. Малый бизнес, неспособный коррумпировать высоких чиновников, по-прежнему откупается от множества мелких представителей государства [23].

Борьба с централизованной коррупцией ведется либо чисто формально и захватывает только нижние этажи коррупционной пирамиды, либо вырождается в противоборство разных групп («молодые коррупционеры» против

«старых коррупционеров», таможенники против прокуратуры и т.д.). Переходя от партикуляристской системы власти к универсалистской, Россия достигла лишь стадии «конкурентного партикуляризма», где действуют разные команды бюрократов, связанные с разными бизнес-группами [20, с. 310]. Антикоррупционные кампании являются инструментом такой борьбы.

Второе. *Коррупция институционализируется, т.е. превращается в неформальный институт защиты прав собственности.* На смену одноразовым коррупционным контактам бизнеса и власти пришли устойчивые схемы их сотрудничества, сформировались теневые альянсы административного и финансового капитала [24; 3]. Чиновники не вымогают взятки, они работают «в доле» с бизнесом, обеспечивая возможности развития. Институциональная коррупция удобнее, чем неупорядоченная и массовая практика поборов, поэтому бизнес, платя все больше, все меньше склонен к протесту: стабильность системы примиряет с ее неэффективностью. Это типичная институциональная ловушка, когда система неэффективна, но устойчива.

> *«Да, у нас коррупция. Но вы спросите меня, хочу ли я проснуться завтра, и чтобы ее не было. Я вам честно скажу – не знаю. С одной стороны, любопытно было бы на это посмотреть. Но, с другой стороны, что я делать буду? Вся схема бизнеса будет порушена» (совладелец фирмы по импорту бытовой техники, 44 года).*

Третье. *Коррупция от «рыночной» смещается к «клановой».* Если с помощью «рыночной» коррупции решают вопросы те, кто может заплатить, то «клановая» оставляет такую возможность только для «своих» [25]; коррупционный канал открыт для людей «со связями» по критерию происхождения, родства, привязанности. С остальными ведется показательная антикоррупционная борьба. В России самый надежный способ быстрого обогащения, не считая бизнеса в нефтегазовой отрасли, госзаказы. В круг бизнесменов, получающих самые крупные государственные заказы, входят родственники, партнеры по спорту или просто друзья высокопоставленных чиновников. Власть выдает карт-бланш на быстрое и гарантированное обогащение только «своим» на условиях теневого участия в прибыли.

> *«Это все пустые слова про принципиальных, которые взятки не дают. Они бы дали, да у них не берут. Все сейчас боятся и берут только у своих, поэтому так ценится адвокат, через которого можно судье дать. Высокий гонорар у адвоката – это почти всегда признак, что у него есть канал для "заноса" денег» (адвокат, 51 год).*
>
> *«У нас давно не взятки дают, а доходами делятся. Улавливаете разницу? Делиться можно только со своими, и войти в круг "своих" –*

это труд и везенье в одном флаконе. Взятки – это так, по мелочи…» (совладелец агрохолдинга, 34 года).

Четвертое. *Меняется роль чиновника*. В 1990-е годы законы часто были неадекватными хозяйственным условиям, противоречивыми, с огромными «дырами». Часть законов сохранилась с советских времен, часть была переписана с западного законодательства как «законы на вырост». Коррупция обслуживала развитие бизнеса в условиях нормативного плюрализма и множественных правовых «дыр». Любого предпринимателя могли осудить за нарушение какого-то закона. Это было время «плохих законов», и чиновник за взятку проводил бизнес по «минному полю», помогал «поймать рыбку в мутной воде». *Коррупция увязывала неадекватные законы с реальными возможностями и потребностями бизнеса*.

В 2000-е годы ситуация изменилась. Законы стали «хорошими», т.е. в них меньше «дыр», и бизнес вполне может обойтись без помощи чиновника, работая в соответствии с законом[6]. В этой ситуации чиновники начали торговать не «буквой», но «духом» закона, взяв на себя роль *интерпретаторов законов с позиций национальных интересов*. Национальные интересы – доминирующая риторика государственно-корпоративного капитализма. Чиновник сменил роль лоцмана в пространстве «плохих» законов на роль гуру в условиях «хорошего» законодательства. И теперь, чтобы получить государственный заказ или просто спасти бизнес от поглощения государством, недостаточно быть законопослушным бизнесменом, нужно быть «на хорошем счету» у власти. Бизнес, понимая ненадежность формальной защиты прав собственности, пытается заручиться поддержкой власти, в том числе используя коррупционные схемы.

Изменение неформальных норм диалога с государством при неизменности формальных законов продемонстрировало «дело ЮКОСа». Налоговые претензии государства строились на том, что фирмы, где концентрировалась прибыль и использовались схемы ухода от налогов, были аффилированы с ЮКОСом. Но формальные признаки аффилированности в этой бизнес-схеме отсутствовали, об этом позаботились высокопрофессиональные юристы ЮКОСа. Суд поставил экономическое содержание выше юридической формы, что вызвало одобрение одних и порицание других, продемонстрировав эластичность в интерпретации юридических норм при отчетливом

6. Очевидно, что хорошие и плохие законы – понятие дискуссионное. Оценки законов различаются с точки зрения участников рынка, населения, государственных ведомств. В данном случае признаками «хороших» законов являются их внутренняя непротиворечивость, согласованность с другими законодательными нормами, а также посильные для бизнеса издержки, связанные с их выполнением.

неформальном давлении власти. Это повысило лояльность остальных бизнесменов, поскольку схемы работы были одинаковыми как у самого государственного «Газпрома», так и у самого частного «ЛУКОЙЛа».

Неверно трактовать пример с ЮКОСом таким образом, что это была компания, которая принципиально не использовала коррупцию, что и сделало ее уязвимой. Вероятнее всего, коррупция широко практиковалась этой компанией, как и другими участниками рынка. Истинные причины разгрома компании так и остались полем для догадок, но большинство аналитиков склоняются к версии о политических мотивах этого дела. Дело ЮКОСа показало, что соблюдение законов отнюдь не гарантирует спокойную жизнь бизнесменам, что «буква» закона стала слишком слабой защитой от претензий государства, и нужно интенсифицировать весь арсенал неформальных способов защиты прав собственности, включая коррупцию.

Пятое. *Изменился субъектный состав коррупционеров.* В 1990-е годы наиболее коррумпированными были представители государственных органов, которые выдают разрешения (патенты, лицензии), устанавливают льготы, распределяют квоты, следят за соблюдением правил пожарной безопасности и санитарных норм, контролируют налоговую дисциплину и т.д. В 2000-е годы самым коррумпированным звеном стали правоохранительные органы – полицейские, представители ФСБ, ГРУ, ФСО и пр., т.е. «силовики». Заметим, представители правоохранительных структур не делают ничего противозаконного: они находят украденное, обеспечивают безопасность, возвращают долги, сопровождают грузы, расследуют преступления и пр. Но делают это не для всех налогоплательщиков, а преимущественно для частных клиентов. Создают правопорядок как частное, но не общественное благо [28; 19].

Эпицентр коррупции сместился туда, где действует право применения силы, имеется мощный аппарат принуждения. Коррупционный рынок, созданный вокруг правоохранительных структур, опирается на вольную интерпретацию законов и селективность применения репрессий. Суды, лишь формально имея статус независимых, стоят на стороне правоохранительных органов, потакая слабой доказательной базе обвинения [7].

> *«В наших судах действует простое правила – прав тот, на ком погоны... Это как-то недавно установилось» (адвокат, 51 год).*

Фактически концентрация коррупционных потоков вокруг «силовиков», пришедшая на смену «размазанности» коррупционных сборов среди органов исполнительной власти, явилась одним из аспектов централизации коррупции в России.

«Вы замечали, что про рэкетиров масса анекдотов была, а про нынешних силовиков – ничего? А я скажу почему: если на вас офицеры наедут, это реально страшно» (фермер, 62 года).

Шестое. *Изменилось соотношение двух разновидностей деловой коррупции: на смену «захвату бизнесом государства» пришел «захват бизнеса властью».*

Конечно, было бы преувеличением утверждать, что переговоры между бизнесом и властью полностью исчезли, и что бизнес в новых условиях абсолютно не влияет на власть, а лишь послушно исполняет ее решения. Очевидно, что это не так. Например, бизнес пытается, и не без успеха, влиять на законодательную власть на стадии выработки проектов законов. Ключевая роль в этом процессе принадлежит бизнес-ассоциациям, которых привлекают для консультаций при выработке новых законов. Кроме того, он защищает свои интересы в переговорах с властью. Но в новых условиях мнение бизнеса учитывается, однако не является определяющим. Лоббизм бизнеса тем успешнее, чем более точно он вписывается в политическую конъюнктуру. Например, накануне вступления России в ВТО российские животноводы пытались доказать, что дешевый и неограниченный импорт мяса погубит их бизнес. Но власть игнорировала эти доводы. И только политические события позволили аграриям достичь своих целей: как только сенат США одобрил Закон Магницкого, российские чиновники запретили импорт американского мяса из-за использования стимулятора роста. Бизнес уже не диктует власти свою волю, а выжидает удобного случая, чтобы напомнить о своих просьбах. «Захват бизнеса властью» означает, что коррупционные схемы запускаются по сигналу «сверху», и эти схемы имеют ограниченный радиус действия, исключая из пространства коррупционного торга «политически важные» решения. *Прежняя асимметрия в пользу бизнеса сменилась асимметрией в пользу власти.*

Изменились не формальные рамки сотрудничества власти и бизнеса, а неформальные правила диалога. Например, формальные нормы позволили «ЛУКОЙЛу» отстоять в арбитражном суде свою правоту по поводу налоговых недоимок, но неформальные предписали эти недоимки (юридически не доказанные) перечислить государству в качестве дара. *Если в 1990-е годы в обмен за свои услуги крупный бизнес требовал от власти специальных привилегий, то теперь надеется на селективное бездействие*.

Политики и чиновники вынуждают предпринимателей делиться доходами в форме как легальных, так и нелегальных платежей под угрозой репрессивных действий [29]. В российском бизнесе существует понятие «двойное налогообложение», – это означает, что обычными налогами отношения с государством не ограничиваются. Хотя формально ничего, кроме налогов,

бизнесмен не должен, но на самом деле вполне легально и «добровольно» он обязан:

– спонсировать различные проекты власти (например, финансировать деятельность «Единой России»);

– быть меценатом[7];

– участвовать в коммерчески невыгодных проектах, если они важны для власти[8].

> *«Моя фирма на день города сотни шариков надула. Это мне еще повезло. Сначала меня склоняли фонтан построить...» (директор молочного завода, 48 лет).*

Распространилось рейдерство как захват бизнеса, в ходе которого используется судебная система и формальная процедура банкротства [15]. Если в начале 1990-х годов под силовым давлением на бизнес понималось вымогательство со стороны организованной преступности (так называемый рэкет), то в современной России силовое давление исходит от официальных представителей власти, которые используют государственный репрессивный аппарат для захвата бизнеса [16; 17; 30; 11].

В советской армии было два главных лица – командир и комиссар. Командиры знали военное дело, а комиссары отвечали за идеологию в армии. Позволим себе историческую аналогию: в любом крупном бизнесе в России есть два ключевых лица – бизнесмен и чиновник, патронирующий этот бизнес. Чиновник – «комиссар при бизнесе». Его слово решающее, потому что он говорит от имени государства. Эта ситуация создает беспрецедентные возможности для коррупции. То, что квалифицируется (журналистами, обывателями и в исключительных случаях судьями) как коррупция, воспринимается российскими чиновниками как передача им части дивидендов от совместного владения собственностью [1].

В 1990-е годы чиновник пользовался бесконтрольной властью, будучи представителем «слабого» государства, в котором не работал ни один институт; коррумпированный бюрократ помогал бизнесу использовать несовершенство законов как инструмент получения сверхприбыли. Теперь же чиновник как представитель «сильного» государства может прибыльно

7. Например, богатейший россиянин В. Вексельберг купил в США и вернул в Россию яйца Фаберже, восстановил зал Врубеля в Третьяковской галерее, а вскоре государство доверило ему возглавить фонд «Сколково».

8. В ходе реализации национального проекта «Развитие агропродовольственного комплекса» (2006–2007) предприниматели начали активно строить свинофермы и птицефабрики. Помимо экономических стимулов нацпроект реализовывался при сильном административном давлении на бизнес [10].

сотрудничать или покарать. «Прибыльное сотрудничество» предполагает патронирование чиновниками и силовиками частного бизнеса и получение за это вознаграждения, воспринимаемого как доля прибыли. Население и закон трактуют эти платежи как коррупцию [2]. Коррупционный «патронаж» бизнеса со стороны власти держится не на «плохих» законах», а на качестве правоприменения, селективном правосудии и вольности в интерпретации формальных норм (табл. 1).

Таблица 1

ИЗМЕНЕНИЕ ХАРАКТЕРА ДЕЛОВОЙ КОРРУПЦИИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Характер коррупции	*1990-е годы*	*2000-е годы*
Степень централизации	Децентрализованная коррупция	Централизованная коррупция
Размер взяток	Множество мелких взяток	Взяток стало меньше, но их размер вырос
Степень институционализации	Коррупция не институционализирована, правила фрагментарны	Коррупция институционализуется, формируется система коррупционных правил
Роль чиновников	«Лоцман» в пространстве «плохих» законов	«Гуру» (интерпретатор) в пространстве «хороших» законов
Доступность коррупционных каналов	«Рыночная» коррупция, доступная для тех, кто может заплатить	«Клановая» коррупция, доступная только для «своих»
Повод для взяток	При «плохих» законах предприниматель априори является нарушителем какого-то закона и может быть наказан за нарушение «буквы» закона	При «хороших» законах практикуется вольная интерпретация законов, и предприниматель может быть наказан за нарушение «духа» закона
Основа коррупции	Качество законов	Качество правоприменения
Наиболее коррумпированный элемент власти	Исполнительная власть	Правоохранительные органы
Структурная рамка коррупции	«Захват государства бизнесом»	«Захват бизнеса государством»

Заключение

Коррупция для России – явление не новое. В СССР основой коррупции был дефицит самых необходимых товаров и услуг, а также запрет предпринимательской деятельности. Ожидалось, что переход к рынку приведет к сокращению коррупции, поскольку в ходе реформы был полностью уничтожен товарный дефицит и сняты все ограничения на занятие бизнесом. Однако вместо сокращения произошел колоссальный рост коррупции.

Объяснялось это плохим качеством законов, которые были противоречивы и неадекватны экономической ситуации. Это было вызвано многими обстоятельствами, высокой скоростью преобразований, механическим заимствованием опыта западных стран. Но главная причина состояла в том, что слабое и недееспособное государство находилось в руках олигархов. Олигархический капитализм, достигший своего пика в период правления Б. Ельцина, не был ориентирован на формирование адекватной правовой среды. Олигархи жили «над законами», а весь остальной бизнес был поставлен в ситуацию неизбежных поборов со стороны чиновников, пользующихся тем, что при «плохих» законах каждый предприниматель являлся потенциальным или реальным их нарушителем.

В. Путин, придя к власти, взял курс на «удаление от олигархов». Поддержка этой политики населением и окрепший бюджет ввиду роста цен на нефть сделали возможным смену олигархического капитализма государственно-корпоративным. В этой ситуации коррупция резко возросла, причем увеличилась именно деловая коррупция, обслуживающая отношения власти и бизнеса. Бытовая же коррупция немного сократилась. Но более серьезные перемены связаны не с количеством, а с качеством коррупции.

Она стала централизованной и институционализированной, с доминированием силовых структур – самых активных претендентов на патронаж бизнеса. Если в 1990-е годы коррупция базировалась на «плохих» законах и невозможности их исполнения, то в 2000-е законы изменились в лучшую сторону, но основой получения взяток стала процедура их применения, вольность в интерпретации формального права, селективное правосудие. Без покровительства со стороны власти бизнес может стать нарушителем не «буквы», но «духа» закона. И бизнес, чтобы избежать неприятностей, готов оплачивать неформальный патронаж власти в виде коррупционного тандема с ней. Это снижает эффективность бизнеса, но повышает его надежность.

Литература

1. Барсукова С. Теневая экономика: Специфика фаз в условиях раздатка // Вопросы экономики. – М., 2012. – № 12. – С. 133–145.

2. Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. – М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2008. – 216 с.

3. Панеях Э. Правила игры для русского предпринимателя / Предисл. Е. Ясина. – М.: КоЛибри, 2008. – 240 с.

4. Паппэ Я.Ш. «Олигархи»: Экономическая хроника, 1992–2000. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000. – 232 с.

5. Сатаров Г.А. Тепло душевных отношений: Кое-что о коррупции // Общественные науки и современность. – М., 2002. – № 6. – С. 18–27.

6. Сатаров Г.А. Установка респондентов и коррупция // Общественные науки и современность. – М., 2008. – № 5. – С. 48–58.

7. Трансформация российской судебной власти: Опыт комплексного анализа / Горбуз А.К., Краснов М.А., Мишина Е.А., Сатаров Г.А. – СПб.: Норма, 2010. – 480 с.

8. Afanas'ev M. The quality of the state – Russia's chief problem // Russian politics and law. – N.Y., 2009. – Vol. 47, N 4. – P. 58–72.

9. Barsukova S. Corruption: Academic debates and Russian reality // Russian politics and law. – N.Y., 2009. – Vol. 47, N 4. – P. 8–27.

10. Barsukova S. Das nationale projekt «Entwicklung der Landwirtschaft» 2006–2007 // Russland-analysen. – Bremen; Berlin, 2009. – N 178. – S. 21–24.

11. Barsukova S. The government and bandits: Similarity and difference in theory and in Russian practice // Law enforcement executive forum. – Chicago, 2012. – Vol 12, N 2. – P. 129–136.

12. Barsukova S., Radaev V. Informal economy in Russia: A brief overview // Economic sociology: The European electronic newsletter. – Harvard, 2012. – Vol. 13, N 2. – P. 4–12. – Mode of access: http://econsoc.mpifg.de/archive/econ_soc_13-2.pdf

13. Barsukova S., Zvyagintsev V. Mechanism of «political investment», or how and why business participates in elections and funds party life // Social sciences: A quarterly journal of the Russian academy of sciences. – Minneapolis, 2006. – Vol. 4, N 37. – P. 76–88.

14. Block F. The role of the state in the economy // The handbook of economic sociology / N. Smelser, R. Swedberg (eds.). – Princeton: Princeton univ. press, 1994. – P. 691–710.

15. Firestone T. Criminal corporate raiding in Russia // International law. – Harvard, 2008. – Vol. 42, N 4. – P. 1207–1230.

16. Firestone T. Armed injustice: Abuse of the law and complex crime in post-soviet Russia // Denver journal of international law and policy. – Denver, 2010. – Vol. 38, N 4. – P. 555–580.

17. Gans-Morse J. Threats to property rights in Russia: From private coercion to state aggression // Post-Soviet affairs. – Abington, 2012. – Vol. 28, N 3. – P. 263–295.

18. Gelman V. The iceberg of political finance // The contemporary Russian politics: A reader / Ed. by Archie Brown. – Oxford: Oxford univ. press, 2002. – P. 187–194.

19. Kosals L. Police in Russia: Reform or business restructuring? // Russian analytical digest. – Zürich, 2010. – N 84. – P. 2–5.

20. Ledeneva A. A critique of the global corruption «paradigm» postcommunism from within: Social justice, mobilization and hegemony / Ed. Jan Kubik and Amy Linch. – N.Y.: New York univ. press, 2013. – P. 297–332.

21. Mironov M., Zhuravskaya E. Corruption in procurement and shadow campaign financing: Evidence from Russia, October 2011. [online] Available as SSRN. – Mode of access: http://ssrn.com/abstract=1946806

22. Neopatrimonialism in Africa and beyond / Ed. by D. Bach and M. Gazibo. – N.Y.; L.: Routledge, 2012. – 265 p.

23. Olimpieva I. Background corruption in small and medium-size business. A «weapon of the weak»? // Russian politics and law. – N.Y., 2009. – Vol. 47, N 4. – P. 28–42.

24. Radaev V. Corruption and administrative barriers for Russian business // Political corruption in transition: A sceptic's handbook / Kotkin S., Sajó A. (eds). – Budapest; N.Y.: Central European univ. press, 2002. – P. 287–311.

25. Scott J.C. The analysis of corruption in developing nations // Comparative studies in societies and history. – Cambridge, 1969. – Vol. 11, N 3. – P. 315–341.

26. Trompenaars A., Hampden-Turner Ch. Riding the waves of culture: Understanding diversity in global business. – 2 ed. – N.Y.: McGraw-Hill, 1998. – XI, 274 p.

27. Varese F. Pervasive corruption in economic crime in Russia // Economic crime in Russia / Ed. by A. Ledeneva and M. Kurkchiyan. – L.: Kluwer law international, 2000. – P. 99–111.

28. Volkov V. Violent entrepreneurs: The use of force in the making of Russian capitalism. – Ithaca: Cornell univ. press, 2002. – 224 p.

29. Yakovlev A. State-business relations in Russia in the 2000s: From the capture to a variety of exchange models? // Working paper WP1/2010/04. – Moscow: Higher school of economics. – Mode of access: https://www.hse.ru/data/2010/06/03/1219803124/WP1_2010_04.pdf

30. Yakovlev A. In search for a new social base or why the Russian authorities are changing their relations with business // Russian analytical digest. – Zürich, 2012. – N 121. – P. 10–15.

Е.А. Лукьянова

ОБ ИТОГАХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В РОССИИ: УЧАСТЬ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Лукьянова Елена Анатольевна – доктор юридических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

«Знакомство с цифрами, обозначающими количество голосов, поданных за единороссов в разных регионах России, создает впечатление, что местные власти откровенно гнались за количеством голосов, а не за легитимностью выборов.

Между тем чрезвычайное преобладание в парламенте одной партии, замещение сколько-нибудь значимых государственных должностей представителями одной группировки создают серьезную опасность как для самой этой группировки, так и для государства в целом.

Получив в результате последних выборов более 3/4 мест в Государственной думе, партия "Единая Россия" создала для своего существования в высшей степени неблагоприятные условия. Настолько неблагоприятные, что поставила под серьезную угрозу собственное политическое будущее. В этом смысле результат выборов для нее столь же плачевен, как и для других думских партий.

Но самое большое поражение потерпело в итоге этих выборов Российское государство»[1].

Так оценил состояние нового политического цикла в России историк права профессор МГУ им. М.В. Ломоносова Владимир Томсинов. И не случайно мои заметки о результатах выборов в Государственную думу 2016 г. начинаются с цитирования его статьи «Участь победителей».

1. См.: Томсинов В. Участь победителей. – Режим доступа: http://legal.report/author-16/uchast-pobeditelej (Дата обращения: 28.09.2016.)

Надо сказать, что я согласна далеко не со всеми доводами профессора Томсинова.

Например, не очень понятно, как сочетаются два не вполне совместимых, на мой взгляд, утверждения: с одной стороны, «политическая система современной России – это перевернутая пирамида, где основанием являются не политические партии и Государственная дума, а институт президентской власти», а с другой – «для поддержания здоровья в государственном организме, для предотвращения личностной деградации среди носителей государственной власти, для принятия правильных, выверенных, учитывающих различные точки зрения государственных решений необходимы мощные партии, оппозиционные правящей группировке», которые «могут возникнуть только при условии соблюдения законности в процессе выборов». Впрочем, не в этом дело. В одном профессор прав безусловно – результаты выборов-2016 *создали для существования партии власти крайне неблагоприятные условия, а Российское государство потерпело на них поражение*.

К сожалению, дойдя до этой совершенно верной мысли, профессор свое рассуждение внезапно остановил. А ведь именно анализ всего спектра рисков и есть главная задача экспертов в области права. Поэтому попробую порассуждать на эту тему. Выводы свои буду подкреплять словами выдающегося русского юриста, философа, историка, публициста и общественного деятеля, свидетеля четырех царствований – от Николая I до Николая II – Бориса Николаевича Чичерина. Прошло более века, но практически все риски, перед которыми стоит сегодня наше государство, давно уже сформулированы им в работе «О народном представительстве»[2].

Итак, каковы же результаты прошедших выборов и чем они опасны для нашей страны?

Часть 1. Результаты

1. Выборы прошли в условиях беспрецедентно низкой явки избирателей.

Существует мнение, что низкая явка избирателей свидетельствует о покое и стабильности, а своим неприходом на выборы люди выражают молчаливое одобрение всему происходящему. Но это иллюзия. На самом деле низкая явка избирателей говорит ровно о противоположном.

За исключением нескольких «специальных» регионов, 18 сентября 2016 г. в России к избирательным урнам НЕ пришли от 65 до 75% избирате-

2. Чичерин Б. О народном представительстве. – М.: Т-во Сытина, 1899. – 836 с. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem4/07.php – Все цитаты Б.Н. Чичерина приводятся по этому изданию.

лей. Причем для половины из них отказ от участия в голосовании явился осознанным выбором – осмысленным отказом от реализации своего права на участие в управлении государством, т.е. формой протеста. В группе тех, кто не пришел на выборы, лишь 31% удовлетворены их результатами. Получается, что партия власти получила три четверти мест в парламенте, но при этом страна оказалась расколота практически пополам: на довольных и недовольных. Респонденты, которые не стали голосовать, чаще всего объясняют свое неучастие двумя причинами: они не доверяют никому из нынешних политиков (25%), а также уверены в том, что результаты выборов предопределены заранее и от их голоса ничего не зависит (21%)[3].

Итоговый, кажущийся не столь шокирующим, процент явки (52%) был достигнут искусственно[4], в том числе за счет выведения среднего по стране показателя при абсолютно диспропорциональном распределении голосования по регионам и при наличии так называемых «особых зон» административного воздействия на результаты. В итоге «судьбу выборов решила низкая явка в зонах относительной электоральной свободы, и на ее фоне решающий вклад внесла зона “особого электорального режима”, или символическая Чечня. В эту зону устойчиво, от выборов к выборам, входят около 20 регионов России, начиная от Чукотки и далее – Тыва, Кемеровская область, Татарстан и Башкортостан (за вычетом продвинутых Казани и Уфы), Мордовия, Калмыкия, Дагестан, Чечня и др. Их суммарный вес в электорате России не превышает 15%. Но когда Большая Россия, или Россия Больших Городов, ложится в электоральную спячку, роль зоны “особого режима” непропорционально возрастает. Если там показывают явку в 80–90%, при столь же консолидированной поддержке одной партии, то в итоговом балансе ее вес увеличивается вдвое и даже больше»[5].

2. В значительной степени выборы были нечестными и несправедливыми.

Даже глава ЦИК Элла Памфилова признала, что выборы не были «максимально честными и максимально справедливыми», хотя и сочла их «более честными и более справедливыми, чем предыдущие»[6]. Прошедшая избирательная кампания, и в особенности день голосования, в очередной раз

3. Волков Д. Астенический синдром // Ведомости. – М., 2016. – 4 окт.

4. См.: Аваков А., Семенович А. Панфилова отменила выборы на девяти участках: «мистические совпадения». – Режим доступа: http://www.mk.ru/politics/2016/09/22/pamfilova-otmenila-vybory-na-9-uchastkakh-misticheskie-sovpadeniya.html

5. Орешкин Д. Гибридные выборы // Новая газета. – М., 2016. – 21 сент.

6. См.: Памфилова объяснила «вбросы» вводом бюллетеней из урн для голосования на дому. – Режим доступа: https://meduza.io/news/2016/09/29/pamfilova-ob-yasnila-vbrosy-vvodom-byulleteney-iz-urn-dlya-golosovaniya-na-domu

продемонстрировали множественные нарушения, приведшие к фальсификации результатов выборов. Вбросы, карусели, завышение явки, массовое голосование по открепительным талонам, кража бюллетеней, незаконное удаление наблюдателей и членов комиссий, принуждение избирателей к голосованию угрозами или за деньги, переписанные протоколы и неравное освещение агитационной кампании кандидатов в подконтрольных власти СМИ сопутствовали этой кампании на всем ее протяжении[7].

Например, на приднестровских участках № 8214 и № 8205 (приписанных к ТИК Ленинского района г. Воронежа), где за «Справедливую Россию», согласно данными первичных протоколов, проголосовали 21 и 22 избирателя соответственно, по завершении голосования в систему ГАС «Выборы» были внесены другие числа, **превышающие оригинальные ровно на 4 тыс. голосов** – по 2 тыс. на каждый УИК[8]. В столице Башкирии Уфе корреспонденты агентства *Рейтер* насчитали на избирательном участке № 284 за весь день 799 избирателей, проголосовавших, а в протоколе таких явившихся оказалось 1689 человек (т.е. приписка составила 890 голосов)[9]. В Саратовской области наблюдатели обратили внимание на «мистическое совпадение»: на 62 участках партия «Единая Россия» получила ровно по 62,2% голосов.

Справедливости ради следует отметить определенные сдвиги в фиксации этих нарушений и в попытке наведения порядка. Впервые за полтора десятилетия ЦИК России отменила итоги голосования по девяти избирательным участкам, расположенным в Дагестане, Адыгее, Мордовии, Белгородской, Ростовской, Нижегородской областях и Санкт-Петербурге. В Ростовской области, где на участке № 1958 был зафиксирован вброс бюллетеней, против секретаря комиссии возбуждено уголовное дело[10]. Всего комиссия намеревается «серьезно» проверить около 160 «существенных» жалоб на нарушения в ходе выборов.

В связи с этим вновь возникает вопрос: какое количество фальшивых голосов нужно для того, чтобы жалобы на нарушения были признаны «существенными» (термин ЦИК), а итоги голосования недостоверными. Говорю об

7. См.: Единый день голосования 18 сентября: Главные нарушения. – Режим доступа: https://meduza.io/feature/2016/09/18/edinyy-den-golosovaniya-18-sentyabrya-glavnye-narusheniya

8. См.: Под давлением ЦИКа глава воронежского облизбиркома Владимир Селянин покинул пост. – Режим доступа: http://www.abireg.ru/n_56555.html

9. Игра без правил на выборах в России: Избиратели-призраки и вброшенные бюллетени // Reuters. Россия и страны СНГ. – 2016. – 20 сент. – Режим доступа: http://ru.reuters.com/article/topNews/idRUKCN11Q1UP

10. См.: Памфилова отменила выборы на девяти участках: «Мистические совпадения». – Режим доступа: http://www.mk.ru/politics/2016/09/22/pamfilova-otmenila-vybory-na-9-uchastkakh-misticheskie-sovpadeniya.html

этом потому, что в заключениях прокуратуры по результатам проверок о соблюдении избирательного законодательства часто встречается фраза: «Выявленные нарушения не оказали существенного влияния на результаты голосования». Но если на одном отдельно взятом участке нарушения и не «влияют существенно», то утверждение об отсутствии влияния этих нарушений на результаты по стране в целом является явным лукавством. В России 96,7 тыс. избирательных участков (в том числе 372 – на территории 145 иностранных государств). То есть если теоретически допустить, что у одной из партий на каждом участке украдено всего по 10 голосов, то общий размер кражи составит почти миллион. В то время как за миллионный порог, по официальным итогам, на прошедших выборах перешагнули всего шесть партий из 14. Но и небольшие расхождения на отдельных участках будут иметь значение для расклада голосов в целом.

Показательна история с выборами в США 2000 г., когда подсчет голосов в штате Флорида при почти 6 млн бюллетеней дал преимущество кандидату в президенты Джорджу Бушу всего в чуть больше 1 тыс. голосов. И это стало основанием для их полного пересчета, поскольку при таком огромном количестве возможны всякие случайности. То есть в стране с большим числом избирателей и избирательных участков по теории больших чисел практически любое нарушение может существенно исказить итоговый результат. Поэтому никакое нарушение не может быть признано несущественным или не «оказавшим существенного влияния на результаты голосования».

3. Недостоверность итогов выборов (сомнительная легитимность и ограниченная представительность парламента).

Низкая явка в сочетании с большим количеством нарушений привели к тому, что итоги выборов оказались не вполне достоверными. Во-первых, потому, что результат считался от фактического меньшинства избирателей. То есть с точки зрения явки избирателей уровень реальной поддержки правящей партии (помимо «вбросов» и «подгонки» цифр) не соответствует распределению депутатских мандатов. Здесь уместно еще раз повторить фразу профессора Томсинова, с которой начинается эта статья: «Знакомство с цифрами, обозначающими количество голосов, поданных за единороссов в разных регионах России, создает впечатление, что местные власти откровенно гнались за количеством голосов, а не за легитимностью выборов». Таким образом, в ходе не вполне легитимных выборов был сформирован не вполне легитимный и недостаточно представительный парламент. Такая ситуация стала возможной вследствие многолетней перманентной и бессистемной трансформации избирательного законодательства, ежегодной точечной его подгонки под сиюминутные обстоятельства (ad hoc) без должной профессиональной экспертной оценки.

Часть 2. Риски

Основные результаты прошедших выборов влекут за собой две группы рисков для Российского государства. Условно их можно разделить на «общие риски» и «парламентские риски». Хотя, конечно, они взаимосвязаны, взаимозависимы и, в той или иной степени, угрожают и государству, и обществу. Просто вторые хоть и проистекают изначально из выборов, но все же опосредованно – через их итог, т.е. сформированный на них парламент.

ОБЩИЕ РИСКИ

1. Деформация политической системы как единственно закономерный и неизбежный результат деятельности власти в условиях отсутствия политической конкуренции и исключения из политического поля реальной оппозиции и вольнодумцев.

По итогам выборов-2016 Россия переместилась в группу политических режимов, где правящая партия контролирует сверх-большинство (более 3/4) мест в парламенте. То есть выборами был окончательно легитимирован возврат к однопартийной системе по образцу стран народной демократии социалистического периода (партия власти в союзническом альянсе с партиями-симулякрами при наличии Народного фронта).

Здесь, мне кажется, не нужно пояснять, почему это опасно для государства. Все аргументы были достаточно подробно изложены почти 30 лет назад в резолюции XIX партийной конференции «О реформе политической системы советского общества»[11]. Тогда речь шла о том, что в центре советской политической системы образовался и длительное время функционировал некий супергигант – государство, частично соединенное с тем, что в Конституции Советского Союза называлось «руководящей и направляющей силой общества» – Коммунистической партией, которая в течение длительного времени частично дублировала функции государства. Подчеркиваю: не подменяла, а именно дублировала. Но поскольку она была организацией в высшей степени авторитетной и сильной, это дублирование во многом превратилось в руководство (сосредоточение хозяйственно-управленческих функций в руках партийно-политического руководства)[12].

Круг замкнулся. Вместо диалектической спирали мы вернулись к ситуации 1988 г., только в худшем варианте. Разрушив одного политического гиганта, мы создали нового, но только менее профессионального и с более

11. Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. – М., 1988. – С. 35, 117.

12. Там же. – С. 38.

серьезными авторитарными претензиями[13]. Сегодняшняя ситуация значительно опасней: поскольку монополизация власти партийно-государственным аппаратом прикрыта фальшивой многопартийностью и некоторыми другими демократическими атрибутами, которые на самом деле либо являются симулякрами, либо жестко ограничены в своей активности. Любые ссылки на формальное наличие значительного числа зарегистрированных партий, оппозиционных СМИ и свободы выражения мнения опровергаются результатами выборов, тиражами и аудиторией оппозиционных медиаресурсов и фактами уголовного преследования за инакомыслие пользователей соцсетей.

Теорией и практикой (в том числе нашей собственной) неопровержимо доказано, что монополия на власть приводит к деформации и деградации политической системы. Общество и государство в таких условиях перестают развиваться и модернизироваться. А это в первую очередь является риском для государства. Аналогичные доказательства существуют и в отношении политической конкуренции – ее отсутствие не только разрушительно для политической системы общества, но также абсолютно гибельно для рыночной экономики, поскольку политическая и экономическая конкуренция – взаимосвязанные и взаимозависимые явления.

2. Падение авторитета государства и самоустранение граждан от участия в принятии государственно-властных решений.

Выборы обнажили недовольство политической ситуацией половины населения страны и зафиксировали недоверие граждан к государству.

Результаты выборов были запрограммированы присоединением к России Крыма весной 2014 г. Поддерживаемая СМИ всеобщая эйфория от возрождающегося величия Державы подняла тогда престиж всех государственных институтов, в том числе и партии власти. Рейтинг «Единой России», просевший к 2013 г. до 25% в целом (при этом намного ниже 20% в крупных городах и в некоторых других регионах), вырос сначала до 40%, достиг максимума 50% к середине 2015 г., и снова начал снижаться, пробив на части территорий отметку в 30%. Чтобы минимизировать падение рейтинга, которое могло только усилиться в конкурентной борьбе с реальными претендентами на депутатские мандаты, было принято решение «сушить выборы» (это такой политтехнологический термин, означающий минимальное информирование населения об избирательной кампании). Именно поэтому выборы многим показались скучными. Но эта тактика оказалась мнимой.

Сомнительная легитимность всей избирательной кампании и ее результатов сыграла роковую роль: через неделю после выборов доверие к Госдуме

13. См. подробнее: Лукьянова Е.А. Круг замкнулся // Вестник Моск. ун-та. – М., 2010. – Сер. 11. Право. – № 1. – С. 130–138.

рухнуло до 22%. Рейтинг Совета Федерации просел практически вдвое (с 40 до 24%). Одновременно снизился уровень доверия граждан к прокуратуре (с 37 до 24%), полиции (с 29 до 24%) и к суду (с 29 до 22%). Даже рейтинг Президента, которому россияне доверяют больше других, упал с 80 до 74%[14].

А ведь это очень тревожный признак. Любое государство тем устойчивее, чем выше его поддержка населением. Своим высокомерно-презрительным отношением к важнейшему конституционному политическому праву граждан – праву избирать и быть избранными – государство само оттолкнуло от себя избирателей, кратно ослабив свои позиции в обществе.

Вот что писал об этом Борис Николаевич Чичерин*: «Сильной может считаться только та власть, которая находит опору в обществе; это верно для всех образов правления. Поддержку власти могут дать только живые общественные силы, а для этого они должны стоять на своих ногах и пользоваться подобающей им самостоятельностью; призвание общественных сил к участию в государственной деятельности служит только к укреплению власти. Польза, приносимая государству народным представительством, не ограничивается свободным проявлением общественной мысли. Гораздо важнее то, что мысль здесь прямо переходит в дело, что общественное мнение становится выражением воли народной, участия граждан в общих делах государства».*

3. Снижение гражданского повиновения, изменение правосознания населения и ослабление правопорядка.

Снижение доверия к государству неизбежно влечет за собой изменение уровня гражданского повиновения и ослабление правопорядка. Происходит деформация правосознания населения – акценты смещаются от исполнения обязательных предписаний в сторону защиты от государства. Недоверие к государству автоматически переносится на его решения, в справедливости и обоснованности которых у граждан возникают сомнения, и они начинают любыми способами уклоняться от их выполнения. Такая ситуация влечет за собой порочный круг ответных действий государства – увеличение аппарата принуждения и контроля за исполнением решений, что еще больше подрывает доверие к нему граждан. И наоборот, государство, обладающее доверием и поддержкой субъектов правоотношений, всегда в гораздой большей степени уверено в том, что его решения будут исполняться добровольно. Больше того, граждане в таких случаях разделяют с государством ответственность за поддержание правопорядка, снимая с него часть этого бремени.

14. См.: Мухаметшина Е. А поутру они проснулись // Ведомости. – М., 2016. – 13 окт.

Особую зону риска представляет собой уровень доверия населения к парламенту, поскольку именно парламент наделен правом принятия актов высшей юридической силы – законов. Снижение доверия к парламенту неизбежно **снижает авторитет закона**. Государству, в котором авторитет закона низок, функционировать всегда кратно труднее, нежели когда этот авторитет высок. Но каких еще общественных последствий можно ждать, если в результате выборов «избран» парламент, который большинство населения, во-первых, не избирало, а избиравшие не вполне уверены в достоверности результатов предъявленного обществу выбора?

Борис Николаевич Чичерин был абсолютно прав: *«Представительные учреждения находятся в самой тесной связи с общественным мнением. От него они заимствуют и силу, и жизнь; оно определяет их состав и направление.* ***Представительное устройство может держаться только там, где общественное мнение дает ему постоянную опору, где общество всегда готово стоять за свои права****»*.

4. Федеративные риски.

При всех попытках и намерениях федеральной власти исправить сложившуюся за три последних избирательных цикла ситуацию с выборами, приведшую к отрешению граждан от государства, сделать этого не удалось. Результаты выборов отчетливо показали: в случаях, когда желания Москвы не во всем совпадают с интересами регионов, они откровенно игнорируют позицию Центра. В том числе и в вопросе соблюдения федерального законодательства.

Наверное, разом преодолеть укоренившуюся порочную практику административно-ресурсной избирательной технологии, доведенную в отдельных регионах до совершенства (уже упоминавшиеся зоны особого электорального режима), невозможно. Есть, конечно, и некоторые положительные сдвиги, наметившиеся благодаря активной позиции ЦИКа. Но они, увы, мизерны по сравнению с объемом нарушений и с упорным противодействием местных администраций, старающихся любым способом сохранить монопольное право командовать избирательным процессом на своей территории.

То есть выборы отчетливо выявили еще одну серьезную проблему современного Российского государства: внешне выглядящая стройной и жесткой вертикаль власти, на самом деле вовсе не является таковой. А это, в свою очередь, несет значительные риски для целостности и управляемости страны.

ПАРЛАМЕНТСКИЕ РИСКИ

1. Эффект карманного парламента.

Избранная в 2016 г. Государственная дума, 3/4 мест в которой занимают депутаты одной политической партии, а ее цели и задачи совпадают с целями и задачами президента и правительства, не может претендовать на роль полноценного парламента. Я бы назвала ее парламентом с ограниченной дееспособностью. И вот почему.

Во-первых, настоящий представительный орган является зеркалом общества. Ненадлежаще сформированный парламент – это кривое зеркало. Парламент, не способный в силу особенностей его формирования учитывать интересы различных социальных слоев, реагировать на многообразные запросы общественного мнения, утрачивает представительный характер, а его деятельность теряет смысл. Если общество не в состоянии влиять на деятельность парламента, он перестает выполнять свою функцию. Поддержка парламента населением обусловлена тем, как он реализует общественный запрос. Не вполне представительный парламент не в состоянии такой запрос полноценно осмыслить и сформулировать.

Во-вторых, в этом парламенте крайне маловероятна какая-либо дискуссия. Заявление нового руководства Думы о намерении ее вести и всячески поддерживать не опирается на реальное соотношение сил, обусловленное особенностью распределения мандатов. Парламентской фракции большинством в 3/4 для принятия решений не нужны никакие другие фракции; она легко может заблокировать любые инициативы и возражения. Однако власть, формулирующая цели и задачи государства в своем узком кругу, сильно рискует. Даже если эти цели и задачи и кажутся ей благими, они могут быть ложными и невостребованными. В условиях функционирования карманного парламента риск расхождение целей власти с интересами общества очень высок. А это, в свою очередь, с большой степенью вероятности предполагает уязвимость и неисполнимость ее решений.

Задача создания «карманных» представительных органов для решения сиюминутных политических задач или удовлетворения властных амбиций является ложной. Власти не только не опасны, а наоборот, полезны и необходимы настоящие, а не декоративные представительные органы.

Борис Чичерин предупредил об опасности карманных парламентов более века назад: *«Тесная духовная связь представителя с избирателями необходима для того, чтобы представительное собрание являлось верным выражением страны. Различные направления общественного мнения, разнообразные интересы народа должны проявляться в нем приблизительно в том же отношении, в каком они существуют в обществе.*

Сильная и твердая власть необходима, но она должна быть направлена на те цели, которые указываются общественным благом, должна руководиться просвещенным пониманием истинных потребностей народа; если она действует им наперекор, то возбуждает всеобщее неудовольствие, которое, накопляясь, может наконец проявиться в опасных взрывах. В такую колею нередко попадают именно те правители, которые всего более дорожат началом власти; преувеличивая его значение, отвергая все остальное, они тем самым подрывают его основы. Избыток всякого одностороннего начала ведет к его отрицанию и тем самым к его падению. При таком направлении исчезает то, что составляет главную внутреннюю силу власти – нравственный ее авторитет».

2. Какократический отбор как причина снижения эффективности парламентской деятельности.

«Какократия», или «власть худших», – диагностированный еще Аристотелем политический симптом. Это такой режим отправления власти, который основан на негативном отборе членов элитных групп и противодействует попаданию в точки принятия решений людей, способных выбрать из всех решений лучшее[15]. Такая власть пропускает кандидатов через особое сито и отсеивает их не по профессиональным качествам, популярности или по уровню доверия граждан, а по другим критериям – например по степени лояльности ей, власти. Отрицательный кадровый отбор плох в любых областях.

Вряд ли стоит пояснять, почему квалифицированный работник лучше неквалифицированного. Избирательная система должна быть организована таким образом, чтобы граждане имели возможность выбрать наиболее способных и независимых людей, признающих приоритет общественного над личным и несущих ответственность не перед вышестоящим начальником, а перед избирателями. Иное состояние избирательной системы приводит в парламент людей, которые не могут удовлетворить потребности общества в эффективном правовом регулировании.

К сожалению, российские выборы демонстрируют явные признаки многолетнего какократического отбора депутатов. И это ни в коей мере не способствует повышению эффективности парламентской деятельности.

Чичерин писал: *«Гражданин, имеющий долю власти, должен действовать не для личных выгод, а во имя общего блага; он должен носить в себе сознание не только своих частных целей, но и общих начал, господствующих в общественной жизни. А для этого требуется высшая способность. Невозможно дать участие в управлении человеку, не понимающему государствен-*

15. См.: Минаков М. Философия свободы: Власть худших на постсоветском пространстве // Ведомости. – М., 2014. – 24 янв.

ных интересов. Поэтому ***неспособные должны быть устранены от участия в политических правах****. Это признается во всех государствах в мире, даже самых демократических, где свобода лежит в основании всего государственного устройства».*

3. Снижение качества законов и других парламентских решений.

Как уже говорилось, не вполне представительный парламент не может полноценно осмыслить и сформулировать в своих решениях общественный запрос. Парламент, не сформированный по принципу отбора лучших, в еще меньшей степени способен на это. Парламент, в котором в силу отсутствия политической конкуренции нет дискуссии, склонен принимать непродуманные и непроработанные решения. Наличие в парламенте всех трех факторов – огромный риск тотального снижения качества законов.

Понятно, что парламент, одна из фракций которого численно превалирует над другими, будет стремиться к сокращению парламентских процедур и к упрощению законодательного процесса. Хотя именно законодательные процедуры суть выработанные человечеством дополнительные фильтры, гарантирующие законодателей от ошибок, дефектов и коллизий. Даже скорость прохождения законопроекта влияет на его качество: чем дольше законодательная процедура, чем активней его общественное обсуждение, чем больше откликов и замечаний он получает от будущих субъектов правоотношений, тем выше качество итогового документа, выходящего из парламентских стен.

Напротив, принятый наспех, не прошедший общественной экспертизы и не обсужденный должным образом в парламенте законопроект, как правило, содержит пробелы и дефекты. Его, скорее всего, придется править и править или восполнять недостатки в подзаконных актах, принимая множество дополнительных разъяснений и инструкций. Не говоря уже о том, что придется долго и трудно корректировать ситуацию, исправляя ошибки в ходе правоприменительной практики. В итоге – неразбериха в законодательстве, снижение исполнительской дисциплины, перегруженность и разрастание ведомств и органов контроля. Дорого, неудобно, трудноисполнимо и, главное, крайне неэффективно.

4. Последовательное снижение качества управленческих решений и эффективности государственного управления.

«Одной правительственной деятельности недостаточно для удовлетворения государственных нужд. Высшее развитие требует большого напряжения сил, а это возможно только при самодеятельности народа. ***Правительство, имеющее в руках одни административные средства, не в состоянии тягаться с тем, которое призывает на помощь всю энергию, лежащую в недрах общества****. Рассеянные и раздробленные суждения соединяются здесь в нечто общее и единое, становятся двигателями госу-*

дарственной жизни. ***Только согласным действием правительственных и общественных сил государство может достигнуть высшего развития****»,* – так звучит чичеринское послание из прошлого современным политикам. Оно вновь и вновь находит подтверждение в государственно-властных реалиях России.

Действительно, закономерным результатом ухудшения качества законов, принятых не вполне представительным парламентом, будет являться снижение качества управленческих решений. «Низкая эффективность системы государственного управления – это один из ключевых факторов, который сдерживает развитие страны. Принимаемые законы не работают в должной мере», – сказал 30 сентября 2016 г. Председатель Правительства России Дмитрий Медведев на форуме в Сочи[16]. С избранием новой Думы риск дальнейшего ухудшения ситуации возрастает.

Исполнительная власть неспособна в одиночку создать условия для нормального функционирования государства. Кабинетное правотворчество исключает возможность учета деталей и особенностей правоприменения. Поэтому ограниченно дееспособный парламент, принимающий некачественные законы, многократно ослабляет эффективность деятельности правительства и усиливает риски принятия ошибочных решений.

16. Выступление Дмитрия Медведева на пленарном заседании XV Международного инвестиционного форума «Сочи-2016». 30 сентября 2016 года. – Режим доступа: m.government.ru.>news/24729/

А.К. Соловьёв

СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ КАК ФАКТОР БЮДЖЕТНОГО КРИЗИСА

Соловьёв Аркадий Константинович – доктор экономических наук, заслуженный экономист РФ, профессор Финансового университета, начальник Департамента актуарных расчетов и стратегического планирования Пенсионного фонда Российской Федерации.

Демографические угрозы пенсионной реформы в России

В последние годы старение населения рассматривается как едва ли не основной фактор возникновения «бюджетного кризиса» 2010-х годов и растущая угроза долгосрочной устойчивости государственной пенсионной системы. Повышению пенсионного возраста придается статус структурной реформы, обеспечивающей соответствие ПФР рыночным экономическим и социальным отношениям. При этом традиционно ссылаются на благополучные во всех отношениях западные эталоны пенсионных систем, где возраст назначения пенсий установлен на уровне 65 лет и даже выше (табл. 1), не акцентируя внимания на макроэкономических и социальных условиях, в которых функционируют все успешные западные пенсионные системы.

Действительно, нельзя не признать, что возраст выхода на пенсию является одним из базовых параметров, от которого непосредственно зависят экономические и социальные результаты функционирования каждой страховой пенсионной системы. Однако, в свою очередь, уровень пенсионного возраста является прямой производной от «внешних» по отношению к пенсионной системе факторов и условий.

Таблица 1

НОРМАТИВНЫЙ ПЕНСИОННЫЙ ВОЗРАСТ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ И В СТРАНАХ ОЭСР

Страна	*Нормативный пенсионный возраст для получения полной пенсии в рамках системы обязательного пенсионного страхования*	
	Мужчины	*Женщины*
Россия	60	55
Австрия	65	60
Бельгия	65	65
Великобритания	65	62
Дания	65	65
Испания	65 лет + 2 мес.	65 лет + 2 мес.
Люксембург	65	65
Польша	65	60
Франция	65	65
Швейцария	65	64
Германия	65 лет + 3 мес.	65 лет + 3 мес.
Нидерланды	65 лет + 2 мес.	65 лет + 2 мес.
Ирландия	66	66
Португалия	66	66
Италия	66 лет + 3 мес.	62 года + 3 мес.
Греция	67	67
Исландия	67	67

Источник: Social Security Programs throughout the World: Europe, 2014; Social Security Programs throughout the World: The Americas, 2013; Social Security Programs throughout the World: Asia and the Pacific, 2014; Всемирный Банк; Евростат.

Одним из этих таких общепризнанных факторов являются демографические характеристики населения страны (табл. 2) как в прошедшие периоды, в которых формировались государственные пенсионные обязательства, так и в будущие (по демографическому прогнозу Росстата), которые будут определять условия реализации накопленных пенсионных прав современных поколений застрахованных лиц.

Кроме демографии, необходимо учитывать неуклонно возрастающую в условиях рыночной экономики значимость таких внешних факторов, как макроэкономика и уровень развития рынка труда, в которых эти пенсионные права будут формироваться. Успешная зарубежная практика материального обеспечения пенсионеров показывает, что именно макроэкономика и социально-трудовые отношения определяют институциональный формат пенсионной системы, который регламентирует экономические отношения между всеми ее участниками: работника (будущего пенсионера), работодателя (финансового агента) и государства (конституционного гаранта прав и обязательств каждой стороны). В нашей стране, которая до сих пор не завершила

переходный период от «развитого социализма» к «развитому рынку», именно макроэкономические и трудовые факторы играют ключевую роль в создании нормальных условий для любых изменений сложившихся параметров выхода на пенсию как на «общих основаниях», так и на «льготных» (досрочных, привилегированных и т.п.).

Таблица 2

ОЖИДАЕМАЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ (ОПЖ) НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ И СТРАНАХ ОЭСР

Страна	*Ожидаемая продолжительность жизни населения в возрасте 65 лет*		
	Мужчины	*Женщины*	*Оба пола*
Россия	12,76	17,1	15,41
Австрия	18,1	21,3	19,8
Бельгия	17,7	21,3	19,6
Великобритания	18,5	20,9	19,7
Дания	17,5	20,2	19,0
Испания	18,7	22,8	20,9
Люксембург	18,4	21,4	20,0
Франция	19,1	23,4	21,4
Швейцария	19,3	22,3	20,9
Германия	18,2	21,2	19,8
Нидерланды	21,0	18,0	19,6
Ирландия	18,0	21,1	19,6
Португалия	17,6	21,3	19,6
Италия	22,1	18,5	20,5
Греция	18,1	21,0	19,6
Исландия	20,1	21,5	20,8

Источник: Social Security Programs throughout the World: Europe, 2014; Social Security Programs throughout the World: The Americas, 2013; Social Security Programs throughout the World: Asia and the Pacific, 2014; Всемирный Банк; Евростат.

Сравнение России со странами ОЭСР в сопоставимых условиях периода «дожития» (продолжительность жизни после определенного возраста), в течение которого должна выплачиваться государственная пенсия, показывает, что ни в обозримом прошлом, ни в настоящее время демографических оснований для аврального повышения возраста назначения пенсии нет. Кстати говоря, долгосрочный прогноз Росстата также показывает наличие большого отставания темпов увеличения продолжительности жизни старших возрастов от западного населения (особенно – мужского).

Тем не менее как в теории, так и в практике экономической и социальной политики цивилизованного государства нормативный показатель пенсионного возраста рассматривается как важнейший, если не ключевой инструмент долгосрочного регулирования не только пенсионной системы, но и макро-

экономической системы страны. Поэтому пенсионный возраст должен быть поставлен в один ряд с тарифной политикой формирования пенсионных прав (отношения работника и работодателя) и институциональной формацией пенсионной системы (отношения застрахованного лица и страховщика: солидарного или индивидуально-накопительного).

Однако норматив пенсионного возраста принципиально отличается от выделенных выше нормативных регуляторов пенсионной системы тем, что он не только сам зависит от комплекса внешних факторов, но и оказывает разнонаправленное и пролонгированное воздействие на социальную политику и многие макроэкономические параметры. Поэтому обоснование и выбор пенсионного возраста должны строиться не на социальных или политических соображениях, а на профессиональных экономических и актуарных расчетах. При наличии определенных демографических изменений в продолжительности жизни нашего населения (отдельных возрастных категорий) в последние годы и долгосрочной перспективе повышение возраста выхода на страховую пенсию необходимо рассматривать в непосредственной взаимосвязи с долгосрочным макроэкономическим прогнозом социально-экономического развития страны.

По прогнозу Федеральной службы государственной статистики (Росстат), в период 2015–2030 гг. будет наблюдаться неуклонный рост численности постоянного населения России, к 2030 г. она составит более 147,6 млн человек. При этом к 2030 г. на 1 тыс. лиц трудоспособного возраста будет приходиться 864 человека нетрудоспособных (дети и лица старше трудоспособного возраста), в то время как сейчас нагрузка составляет 722 человека.

На фоне роста численности населения страны, по нашим оценкам, численность получателей страховой пенсии в последующие 15 лет увеличится на 12% (с 39,7 млн человек до 44,5 млн человек к 2030 г.). При этом драйверами роста служат не только естественные тенденции демографического развития (демографические волны), но и прогнозируемый рост продолжительности жизни населения в общеустановленном пенсионном возрасте. Так, на сегодняшний день ожидаемая продолжительность жизни мужчин, достигших возраста 60 лет, составляет 16 лет, женщин, достигших возраста 55 лет, – 25,3 года. К 2030 г. эти показатели составят – 17,9 лет и 27,2 года соответственно. Приведенные демографические параметры трансформируются в бюджете ПФР в денежный эквивалент неуклонно растущих финансовых расходов, что усиливает нагрузку на федеральный бюджет.

Принимая во внимание позитивные тенденции роста продолжительности жизни населения, некоторые экономисты предрекают необходимость незамедлительного повышения пенсионного возраста в целях сокращения объема трансфертов федерального бюджета бюджету ПФР. Напомню, что действующий порог общеустановленного пенсионного возраста – 55 лет для жен-

щин и 60 лет для мужчин – впервые был введен Постановлением ВЦИК СНК РСФСР от 26.08.1929 г., когда ожидаемая продолжительность жизни мужчин в возрасте 60 лет составляла 14,5 лет, женщин, достигших возраста 55 лет, – 20,7 лет. Следует обратить внимание, что рост этого показателя за прошедшие 86 лет существенно отстает от среднеевропейских показателей. Так, например, за последний полувековой период в странах Европы ОПЖ увеличилась на 150%, в то время как в России – на 110%.

В этих условиях активно обсуждаются комплексы мер, которые должны быть направлены на всех участников пенсионной системы (работодателей, государство – в форме госбюджета), а не только на пенсионеров – путем секвестирования законодательно обоснованных – заработанных пенсионных обязательств перед застрахованными лицами. Такой комплекс мер выходит далеко за пределы самой пенсионной системы и требует не только ее адаптации к бюджетно-финансовым трудностям страховщика, но и всей макроэкономической системы государства.

Дополнительную сложность в решении проблемы пенсионного возраста создают многоукладность отечественной пенсионной системы, связанная с чрезмерной диверсификацией нормативных условий формирования пенсионных прав для различных видов народнохозяйственной деятельности, и высокие финансовые риски переходной экономики.

В таких условиях повышение пенсионного возраста должно осуществляться не из краткосрочных интересов финансовой конъюнктуры или социально-политических соображений, а на основе актуарных расчетов, которые позволяют учитывать весь комплекс факторов, условий и противоречий, которые сопровождают этот исторический процесс.

Проблемы обоснования сценарных условий повышения пенсионного возраста

Актуарные расчеты позволяют найти взвешенный компромисс между социальными функциями пенсионной системы и экономическими интересами общества. Основываясь на страховых принципах эквивалентности пенсионных прав и пенсионных обязательств, актуарные расчеты показывают, что любое изменение пенсионного возраста целесообразно лишь в том случае, если его результатом станет улучшение существующих показателей пенсионной системы, достигаемых в рамках действующего законодательства.

Исходя из постановки задачи о «чрезмерной нагрузке на экономику государственных пенсионных обязательств», критериями эффективности изменения пенсионного возраста предлагается признать сокращение и последующее полное преодоление хронического дефицита бюджета пенсионной системы, а также сокращение и постепенную ликвидацию трансферта государственного

бюджета. При этом такое сокращение должно обеспечить достижение целевых ориентиров проведенной пенсионной реформы (по уровню материального обеспечения пенсионеров), либо как минимум не допустить ухудшения современного положения пенсионеров.

Исходя из принятых критериев эффективности, определим комплекс показателей, с помощью которых можно проследить динамику изменения основных элементов пенсионной системы в процессе повышения пенсионного возраста. Поскольку главной причиной роста расходов бюджета является увеличение численности пенсионеров, следует проследить их динамику в течение всего периода перехода к новому возрасту, который занимает несколько десятилетий. Второй аналогичный показатель, который отвечает за формирование финансовой базы выплаты пенсий, – численность работников-застрахованных лиц, за которых уплачиваются страховые взносы и которые одновременно формируют будущие собственные пенсионные права. Третий показатель, характеризующий финансовую обеспеченность бюджета, – это заработная плата работников, исходя из которой отчисляются страховые взносы.

Интегральными показателями эффективности повышения возраста предлагается признать изменение расходной части бюджета ПФР и соответствующее сокращение федерального трансферта на покрытие государственных пенсионных обязательств.

С социальных позиций повышения уровня жизни пенсионеров традиционно признаются показатели динамики соотношения страховой пенсии и прожиточного минимума пенсионеров (ПМП), а также коэффициента замещения (соотношение страховой пенсии с заработной платой). Указанный комплекс показателей ориентирован на оценку эффективности повышения пенсионного возраста не только по критерию экономии бюджетных средств, но и по критерию улучшения (неухудшения) материального положения пенсионеров.

Для того чтобы получить количественные результаты по комплексу установленных показателей, в актуарной модели повышения пенсионного возраста необходимо учитывать изменения нескольких макроэкономических параметров, определяющих бюджетные характеристики пенсионной системы. Во-первых, необходимо учесть наличие рабочих мест для пожилых людей, остающихся на рынке труда, а также сохранение уровня занятости вновь вступающих на рынок труда (молодежной безработицы)[1].

1. Тем самым обеспечив молодым людям возможности выработки стажа и формирования будущих пенсионных прав.

Во-вторых, изменение численности занятых непосредственно сопряжено с распределением фонда заработной платы, который является базой начисления страховых взносов и источником формирования пенсионных прав. В-третьих, необходимо отразить в модели законодательные нормы по учету страхового стажа и количественного эквивалента пенсионных прав по новой – трансфертной пенсионной формуле (ограничения по минимальному и максимальному количеству баллов).

Следует отметить, что в модели не учитываются внешние (относительно пенсионной системы) финансовые последствия повышения пенсионного возраста, которые увеличивают расходы госбюджета: на выплату пособий по безработице, на выплату социальных пособий по бедности (включая неденежные льготы), социальных пособий по уходу за нетрудоспособными гражданами, на дополнительное медицинское и социальное обслуживание пожилых работников, дополнительное развитие социальных услуг, на создание дополнительных рабочих мест, учитывающих физиологические особенности пожилых работников и др.

Экономический эффект от повышения пенсионного возраста в контексте рассматриваемых показателей представляет собой компромисс между интересами застрахованных лиц – нынешних и будущих пенсионеров – и государственного страховщика (включая субсидиарную ответственность федерального бюджета). Для этого необходимо положительные финансовые результаты сопоставлять с социальными последствиями и в первую очередь – с численностью людей, которые:

1) не доживут до назначения пенсии в связи с установлением нового пенсионного возраста;

2) не смогут найти работу в период увеличенного пенсионного возраста, что не позволит им формировать дополнительный объем пенсионных прав и, соответственно, повысить размер будущей пенсии (не говоря уже о потере источника физического выживания до назначения пенсии);

3) выйдя на пенсию в более позднем возрасте, не смогут вести нормальный образ жизни в связи с ухудшением состояния здоровья.

Страховые принципы пенсионного обеспечения, как показывает практика зарубежных стран, предусматривают поддержание оптимальных пропорций между продолжительностью периодов зарабатывания пенсии (от 20 лет до пенсионного возраста) и ее получения не более 1,5–2,0 (в среднем по странам ЕС – 1,8). В нашей стране этот показатель составляет 2,24 (в расчете на «лучший» за всю перестройку период – 2012–2013 гг.), т.е. практически на треть хуже (несправедливее) общемировой практики. Дополнительное повышение возраста усугубит сложившееся соотношение (особенно для мужского населения).

Помимо отмеченной проблемы увеличения страховой нагрузки на самих застрахованных лиц по причине несправедливого соотношения периодов трудовой и нетрудовой жизни необходимо отметить, что при повышении пенсионного возраста произойдет усиление нагрузки на рынок труда, который в настоящее время и без того «перегружен» теневой занятостью из-за ограниченности легальных рабочих мест.

Так, в частности по данным СПУ[2], более трети застрахованных лиц трудоспособного возраста не заняты деятельностью (31 млн человек из 88 млн человек), подлежащей обязательному пенсионному страхованию, а более 13,5 млн из них с 2002 г. не имеют ни одного дня «легального» стажа.

Более того, начиная с 2002 по 2013 г. уровень занятости застрахованных трудоспособного возраста снизился почти на 10 п.п. (с 74,3% до 64,8%). Причем направленность этой тенденции не изменилась до настоящего времени.

Дополнительная напряженность на легальном трудовом рынке формируется также по причине неполной занятости «легальных» наемных работников. Так, в частности, из общей численности наемных работников полный календарный год заняты только две трети из них (из женщин – 68%, из мужчин – 60), а в сельском хозяйстве (по причине сезонной занятости) еще меньше – лишь половина: 53,4 – женщин и 47,3% – мужчин.

Указанные негативные процессы на сложившемся рынке труда оказывают прямое и косвенное влияние на пенсионную систему как в части формирования пенсионных прав будущих пенсионеров, так и в части финансовой обеспеченности бюджета ПФР по выполнению текущих пенсионных обязательств. Снижение уровня занятости и рост хронической незанятости проявляются в сокращении периода трудового стажа для формирования не только средних, но и минимальных норм для формирования пенсионных прав у лиц, выходящих на пенсию.

В результате этого средняя продолжительность страхового стажа в годовом измерении (в расчете на 2012 г. к 2011 г.) при первичном назначении трудовой пенсии по старости снизилась на 1,3 года. Поэтому численность наемных работников и стаж новых назначений пенсионеров при повышении пенсионного возраста могут сохраниться на уровне, прогнозируемом для базового варианта.

С учетом отмеченных макроэкономических тенденций предлагаются следующие сценарные условия повышения пенсионного возраста.

1. Начало процесса повышения общеустановленного пенсионного возраста – 2016 г., завершение – 2030 г. (у мужчин), 2045 г. (у женщин).

2. Система персонифицированного учета – по состоянию отчетности на 2013 г.

2. Шаг повышения пенсионного возраста – 6 месяцев в год (повышение осуществляется в зависимости от даты рождения).

3. Предельный пенсионный возраст – 65 лет – одинаковый для мужчин и женщин. Повышение возраста осуществляется в зависимости от года рождения застрахованного лица.

4. Повышение пенсионного возраста для получателей досрочных пенсий по старости осуществляется с тем же шагом и на такую же величину, как и для получателей пенсий по старости на общих основаниях.

Результаты актуарного прогнозирования повышения пенсионного возраста

Актуарное моделирование показало, что в современных макроэкономических условиях формирования пенсионных прав повышение пенсионного возраста не только не позволит стабилизировать пенсионную систему, но наоборот, после краткосрочной и незначительной экономии на переходном периоде существенно повышает (несмотря на снижение численности пенсионеров) риски роста расходов бюджета ПФР и соответственно федеральных трансфертов на покрытие дефицита. Причина заключается в том, что финансовые проблемы пенсионной системы обусловлены внешними факторами (макроэкономическими и демографическими), которые не могут быть нивелированы параметрическими настройками внутри пенсионной системы. Поэтому государству необходимо регулировать макроэкономику исходя из необходимости выполнения накопленных пенсионных долгов, а не пытаться их секвестировать, так как это дает лишь краткосрочный эффект с последующим нарастанием комплекса экономических проблем. В частности, трансферты федерального бюджета (на обязательное пенсионное страхование, на возмещение расходов по выплате страховых пенсий в связи с зачетом в страховой стаж нестраховых периодов, на компенсацию выпадающих доходов ПФР в связи с установлением пониженных тарифов) после первоначального снижения существенно возрастут по сравнению с базовым вариантом. Единственным позитивным результатом повышения пенсионного возраста является повышение уровня жизни пенсионеров, которые доживут до повышающегося пенсионного возраста.

Л.С. Ржаницына

«ДЕТСКИЙ БЮДЖЕТ»: НОВАЯ УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Ржаницына Людмила Сергеевна – доктор экономических наук, заслуженный экономист РФ, профессор, главный научный сотрудник ИЭ РАН.

Составление Детского бюджета означает новое качество социальной политики и социального управления в решении проблем демографии, бедности, качества будущего поколения. Эта международно признанная технология позволит определить «цену» воспитания ребенка и на этой основе – необходимую зарплату родителей и расходы государства на социализацию детей. Тем самым Детский бюджет выступает как инструмент обеспечения государственного регулирования доходов, оплаты труда, бесплатных и платных услуг населению, повышения уровня жизни семей с детьми.

В Конвенции ООН «О правах ребенка» государства-участники обязуются обеспечить ребенку такую защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия. К Конвенции присоединились практически все государства мира[1], в том числе Россия. В ней излагаются требования, касающиеся регулирования главных аспектов жизни детей, от экономических до судебных. Однако, признавая важность этого международно-правового документа, следует заметить, что он не затрагивает вопроса о механизме реализации необходимых улучшений.

Для того чтобы перейти от декларирования прав к их реализации, Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) инициировал проект «Города, доброжелательные к детям», цель которого – усилить внимание государственных органов и местных властей к учету интересов и потребностей детей во всех сфе-

1. Кроме США и Сомали.

рах государственных услуг населению, включая образование, медицину, защиту от насилия, пособия и обслуживание семей с детьми, участие детей в управлении и т.п.

Для достижения таких целей требуется на всех уровнях управления предусмотреть специальные расходы в бюджете. Поэтому необходим его особый раздел, называемый «Детский бюджет».

Что это такое? Детский бюджет (далее ДБ) – новая социальная технология программно-целевого управления бюджетом (включая планирование, программирование, анализ), аккумулирующая все затраты государства на поддержку родительства и детства, семей с детьми, содержание и воспитание детей.

Методология ДБ в настоящее время применяется во всем мире. В России она была впервые предложена и опубликована автором еще в 2004 г.[2]; в 2008 г. на основе этой методологии было выполнено исследование по Москве, в результате которого был построен реальный Детский бюджет столицы[3]. «Совет по вопросам управления и развития» определил на 2014 г. расходы на детей в Москве за счет средств города. Они составили 313 млрд руб., включая бесплатные услуги и льготы (276 млрд руб.), пособия и компенсации (37 млрд руб.). Нетрудно представить, сколь существенно надо увеличить зарплату родителей в столице в условиях роста платности услуг (образование, медицина, досуг, отдых и т.п.), чтобы поддерживать уровень жизни семей с детьми!

Но, к сожалению, в РФ, несмотря на реальную потребность в усилении адресности государственных расходов, несмотря даже на прямое требование «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы», система Детского бюджета до сих пор не реализована. В соответствии с Национальной стратегией должны создаваться условия для формирования достойной жизненной перспективы для каждого ребенка, его образования, воспитания, самореализации в социально позитивных видах деятельности. Однако без соответствующей бюджетной политики это невозможно.

Для достижения этих целей в 2012 г. принято Постановление Правительства РФ № 248, которое обязало Минфин ежегодно представлять Федеральному собранию РФ «данные о совокупном объеме финансовых ресурсов, направленных на улучшение социально-экономического положения детей и семей, имеющих детей, в том числе по источникам финансового обеспечения». Это необходимо, указывается там, для формирования оптимальной

2. Ржаницына Л.С. Цена труда – приоритет социально-экономической политики в России. – М., 2004.

3. Ржаницына Л.С., Бессолова О.А. Стандарт экономической устойчивости семьи с детьми в Москве. – М., 2008.

социальной и семейной политики на основе «разработки и утверждения стандартов минимальных гарантий доступа к доходам и социальным услугам, определяющим основные показатели качества жизни детей, включая минимальный гарантированный доход, гарантированное социальное жилье, семейный отдых и качество питания».

И действительно, Минфин представил к проектам федеральных бюджетов 2014–2016 гг. таблицу «Расходы на поддержку семей с детьми». Однако фактически это задание не было выполнено. Дело в том, что федеральный бюджет предусматривает исключительно федеральные социальные обязательства по отношению к детству, но в основном они, как известно, находятся в ведении регионов и их бюджетов. В проекте ФБ 2016 показана цифра – 480 млрд руб., главная статья здесь материнский капитал – 304 млрд руб. Поскольку 17 ноября 2015 г. на заседании Комиссии по реализации Национальной стратегии по детям вице-премьер О. Голодец назвала общую сумму расходов на материнство и детство в РФ в 3,4 трлн руб.[4], получается, что названная Минфином сумма представляет исключительно федеральную часть Детского бюджета при отсутствии региональной. Таким образом, задача введения ДБ – повторим еще раз – на сегодня не решена. Дело в том, что социальные обязательства перед детьми в большей мере выполняются регионами за счет их бюджетов. Поэтому ДБ требуется разработать в форме консолидированного бюджета, куда включается не только федеральный, но и региональные бюджеты, а также суммы внебюджетных фондов социального страхования. Минфин пока выпустил рекомендации по методологии учета расходов на детей только для указанных фондов. Так что регионам еще предстоит включиться в эту работу. Но даже Москва, с ее особой ролью в стране, имея соответствующий законодательный акт Федерации, официально не составляет Детский бюджет. О какой «вертикали власти» здесь можно говорить! Видимо, у аппарата нет желания совершенствовать управление, применять новые методы. Лучше действовать привычно: взять прошлый бюджет и скорректировать его. Так, видимо, спокойнее.

Между тем использование ДБ в управлении значительно усилит обоснованность мер по решению социальных проблем, приведет к более рациональным и адресным затратам, даст желаемую экономию расходов бюджета на выполнение социальных обязательств. По нашему мнению, это эффективнее, чем прямой секвестр социальных затрат бюджета.

Необходимо прежде всего знать, сколько стоит родить и вырастить ребенка до момента его самостоятельности во всех сферах жизни и перехода на режим самообеспечения. Но, как ни странно, до сих пор в России неиз-

4. 12,4% консолидированного бюджета. – http://government.ru›news/20603/

вестна общественно необходимая стоимость детопроизводства, что, по нашему мнению, снижает обоснованность программ развития страны, ибо дети – существенный мотив человеческого поведения вообще и экономического, в частности. С этой точки зрения составление Детского бюджета позволит проводить обоснованную политику поддержки рождаемости подрастающего поколения.

Как известно, затраты на ребенка складываются из нескольких источников. Первый – доходы родителей. Второй – поступления от родственников (либо в денежной форме, либо как неденежная помощь в виде сопровождения, ухода и т.п.). Третий, но не последний по значимости, источник – общественные блага для подрастающего поколения – различные расходы государства на выплаты, льготы и услуги в связи с правами по законодательству – международному (основа – Конвенция ООН по правам ребенка и т.п.), отечественному (основа – Конституция РФ, ст. 39). Именно они отражаются в Детском бюджете в формате государственного управления и регулирования.

Основа конструкции ДБ – консолидированный бюджет, включающий федеральный, региональные бюджеты и внебюджетные фонды. Подчеркнем, что ДБ не есть нечто сверх действующего бюджета, он – его целевая трансформация на основе иной композиции и имеющихся данных.

Главная задача технологии «Детский бюджет» – формирование оптимальной социальной и семейной политики. Он позволяет управленцам:

– оценивать эффективность государственных расходов в интересах семей с детьми;

– выявлять нуждаемость в государственной поддержке семей с различным составом трудоспособных членов и иждивенцев;

– измерять влияние на положение детей мер, связанных с расширением пособий, льгот, услуг;

– разрабатывать нормативные расходы на детей в сфере услуг и выплат;

– измерять последствия введения платных услуг для детей в семьях с различным уровнем доходов.

Таким образом, имея ДБ, государственные органы получают инструмент определения приоритетов в бюджетной политике, ее соответствия социальным обязательствам власти.

Детский бюджет представляет собой новую технологию управления, учитывающую переход к программно-целевому планированию, решению задач в области демографии, охраны здоровья, поддержки материнства при одновременном экономном расходовании затрат на поставленные цели.

ПРИМЕРНЫЙ СОСТАВ ДЕТСКОЙ БЮДЖЕТНОЙ МАТРИЦЫ, ЕЕ ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ

Виды расходов бюджета	*Источники*
Услуги и льготы	
Образование (детские дошкольные учреждения, школы, профтехобразование, содержание и питание в школах, лицеях, внешкольная работа, компенсация платы в детсады, начальное и среднее профобразование и пр.)	Все уровни бюджетов
Здравоохранение и физкультура (охрана здоровья матерей и детей, лечение, родовспоможение, родовые сертификаты, обеспечение новорожденных, лекарства, дома ребенка, спорт для детей и пр.)	Все уровни бюджетов, фонды медстраха
Социальное обслуживание детей (интернаты для инвалидов, реабилитационные центры, протезирование, технические средства, льготы на проезд и телефон, натуральная помощь, налоговые скидки и пр.)	Региональные бюджеты
Организация детского отдыха, оздоровление детей (загородные и городские лагеря, санатории)	Региональные бюджеты
Жилье для детей-сирот, программы по молодым семьям, скидки и субсидии по квартплате отдельным группам семей (дети-инвалиды, многодетные семьи и т.п.)	Все уровни бюджетов
Пособия и пенсии	
Ежемесячные выплаты малообеспеченным семьям, имеющим детей	Региональные бюджеты
Пособие по уходу за больным ребенком	Фонд соцстраха
По беременности и родам, на рождение, по уходу до 1,5 лет и другие родительские пособия (федеральные пособия и региональные доплаты к ним)	Фонд соцстраха, федеральный и региональные бюджеты
Пособия на детей одиноких матерей, многодетным семьям, при уклонении от уплаты алиментов, на детей и беременных жен военнослужащих срочной службы, студенческим семьям, на детей до трех лет и др.	Региональные бюджеты
Социальные пенсии сиротам, пособие опекунам, зарплата приемным родителям, другие выплаты на сирот	ПФР, федеральный и региональные бюджеты
Пенсии и ежемесячная денежная выплата детям-инвалидам, пенсии потерявшим кормильца, другие выплаты	ПФР, региональные бюджеты
Единовременные выплаты и компенсации многодетным, молодым семьям, женщинам, уволенным в связи с ликвидацией организации, на рост стоимости жизни и пр.	Региональные бюджеты
Материнский капитал	Федеральный и региональные бюджеты

Согласно разработанной методологии ДБ, формируется база для экспертизы проводимых бюджетных решений по родительству и детству, определения эффективности их исполнения. В современных условиях это затруднено, так как в бюджетном процессе приняты функциональная и ведомственная

классификации затрат и отсутствует социальная по конечному адресату. В разработанной модели целевой адрес мероприятий и затрат на них становится прозрачным и может контролироваться органами управления и общественными организациями. В ней аккумулируются целевые расходы по статьям, программам, межбюджетным трансфертам в части бесплатных услуг, льгот и денежных выплат (пособий и пенсий) из всех источников и на всех уровнях бюджетного планирования – федеральном и региональном. Таков и международный подход к этой социально-финансовой технологии.

В 2010 г. Министерство финансов впервые представило данные о расходах государства на детей и семейную политику, где они измерены на уровне 4% ВВП. В свою очередь, ЮНИСЕФ в том же году опубликовал итоги научного исследования, проведенного совместно с Государственным научно-исследовательским институтом системного анализа Счетной палаты РФ. В нем доля расходов на детей в РФ определяется ближе к 5% ВВП. Но главное – Национальная стратегия действий в интересах детей на период 2012–2017 годов (НСИД) предусмотрела создание условий для планирования бюджетных ассигнований в интересах детей по новым, программно-целевым принципам. В решении Координационного совета по НСИД правительству рекомендовано проработать вопрос о формировании консолидированного «детского бюджета», включив в него бюджетные расходы всех уровней на оказание услуг в этой сфере и затраты на развитие социальной инфраструктуры детства[5].

Но пока этот пункт Стратегии не реализован ни в масштабах России, ни в регионах, ни в столице. Ранее выполненные расчеты ДБ не носят системного характера, ибо не включены напрямую в Бюджетный кодекс РФ или другие руководящие финансовые документы. К тому же они имеют существенные недостатки: нет научного обоснования единой методологии расчетов, отсутствует опора на четкие первичные данные бюджетной классификации, где адресатом является материнство и детство, расчеты не стандартизированы и нужен весьма подготовленный эксперт, «домысливающий» недостающие показатели и пропорции и пр. Так что не ясно, из чего складывается упомянутая О. Голодец цифра в 3,4 трлн руб. расходов бюджета на поддержку семьи и детей.

Возьмем, к примеру, расчеты Минфина 2014–2016 гг. по позиции проекта бюджета «Расходы на поддержку семьи и детей»: они составлены по ограниченному кругу исходных данных – *только на федеральном уровне в системе федерального бюджета (ФБ)*. Однако ответственность за социальную сферу ныне практически целиком перенесена на региональные бюджеты. Сбор же

5. РИА Новости 17 ноября 2015 г.

региональных данных достаточно затруднен, для этого *нужно определить консолидированный бюджет Федерации и субъектов*, а наиболее доступным документом его является одна страничка приложения к ежегодному проекту ФБ о расходах по отраслям социального блока, без какой-либо расшифровки. А между тем в реальном управлении в первую очередь нужны проектные предложения – что, где, как практически менять в действующем процессе бюджетирования.

К тому же для измерений недостаточно позиций только бюджета: значительную роль играют и внебюджетные фонды государственного социального страхования (Пенсионного – пенсии потерявшим кормильца, инвалидам, Социального страхования – по беременности и родам, по уходу, Медицинского страхования – затраты на родовспоможение и здоровье детей и пр.).

Есть и вторая проблема в определении расходов консолидированного бюджета. Если цифры по детским, материнским и семейным пособиям, пусть с опозданием, но всё же доступны для экспертов, то в финансовой информации *не выделяются (хотя должны выделяться) специальные статьи по услугам для детей* – например, в образовании (школы, техникумы, дома-интернаты), в здравоохранении (расходы на педиатрию, акушерство, детские поликлиники и больницы), в социальной политике (адресная материальная помощь на детей и пр.).

Переход на программный метод ничего не изменил в сложившемся формировании бюджета, ибо программы практически строятся по отраслевому признаку. В Москве, к примеру, это: Столичное образование, Столичное здравоохранение, Социальная поддержка жителей Москвы и т.п., практически представленные одноименным ведомством. И остается задача выделить из них встроенные сюда расходы на детей, чтобы затем объединить в целом по конечной цели. Помимо прочего, сложно реструктурировать по возрасту многие позиции в подпрограмме «Социальная поддержка семей с детьми». К примеру, статьи Оказание адресной помощи распространяются не только на детей, но и на взрослых граждан; не разделены компенсационные выплаты учащимся и студентам государственных образовательных учреждений и др.

Чтобы все же действительно ввести технологию ДБ в реальный бюджетный процесс, Минфин РФ должен выполнить требование Национальной стратегии о переходе при составлении первичных данных *на социальную классификацию расходов бюджета с выделением расходов на поддержку семей с детьми в консолидированном бюджете (т.е. на всех уровнях бюджета и внебюджетных фондов)*. И тем самым – построить первичные коды расходов на родительство и детство.

При составлении модели Детского бюджета в нашем проекте была использована и адаптирована *потребительская корзина и ее натуральные составляющие по нормативам для ребенка* (питание, промтовары, услуги,

включая детское питание, коляску, велосипед, отдых, досуг, частичную плату за образование и медицину) на основе обследования семейных бюджетов Росстата. Натуральное потребление далее *умножается на цены*, также по данным Росстата, итого в расчете на членов семьи различного состава получается семейный доход. Если такой доход должны обеспечивать трудоспособные члены семьи (обычно папа и мама), то нетрудно определить, сколько им надо зарабатывать. Отсюда понятен размер зарплаты (дохода) для рождения и содержания одного, двух и так далее детей на уровне материального достатка, каковым мы считаем базовый уровень потребления нижней страты среднего класса. В него не входит покупка машины и квартиры, но зато не надо обращаться за социальной помощью к государству для удовлетворения текущих нужд.

Использование привлеченной к составлению ДБ информации позволяет провести анализ и обоснование мероприятий в ряде направлений государственной социальной, демографической и семейной политики. В частности, определить изменение материального положения семьи с ребенком при проведении некого мероприятия, к примеру индексации пособия. Бюджеты содержат данные о денежных доходах семей с детьми. Далее, зная новый и старый размер пособия (эта информация отслеживается), подсчитаем повышение уровня жизни типичной семьи или семьи, получающей конкретный вид пособия. Значение обследования бюджетов еще и в том, что такой расчет можно выполнить по особой категории населения, по семье с детьми-инвалидами: учтен их доход, законом определяется величина выплаты или иной социальной поддержки, затем подсчет итога – чистая арифметика. Полученная сумма расходов годится для использования в планируемом госбюджете.

Та же методика используется, когда требуется измерить эффективность планируемой меры. Предположим, если реально вводится электронный продовольственный сертификат в 1 тыс. руб., то в бюджетной статистике известны потребительские расходы семьи: в 2014 г. – 24 тыс. руб. на душу, в том числе на питание – 5,4 тыс., или на типичную семью с детьми – 18 тыс. в месяц. Значит, 1 тыс. руб. сертификата меняет ситуацию с питанием всего на 5%. Но поскольку сертификат выдается малообеспеченной семье, ее расходы на питание меньше – порядка 9 тыс. руб. на всех, тогда 1 тыс. руб. означает улучшение на 11%.

Решение подобного типа задач требуется при повышении налогов и платежей. В последнее время это – платежи на капитальный ремонт. В бюджетах представлена информация о средней жилищной обеспеченности семьи: семья с одним ребенком имеет 16 м^2 на душу, все жилье – 48 м^2; с тремя детьми – 12 м^2, всего 60 м^2. Отсюда несложно понять, что исходя из поддержки многодетных, надо установить им льготы на плату за капремонт.

Проблема в том, чтобы *иметь всю статистическую информацию о детях и их позициях в формате бюджетного финансирования в соответствии с законодательством, федеральным и региональным*, чтобы суметь рассчитать каждое направление бюджета по теме и получить итоговую информацию о результате. К примеру, вы хотите определить расходы на детское здравоохранение. Здесь надо знать численность детей в возрасте до 18 лет и государственные гарантии медицинской помощи по ее видам в форме повозрастных нормативов. И еще нужны нормативы медобслуживания (расходов) по полу, с учетом материнской функции женщины, поддержка которой входит в обязанности бюджета.

К сожалению, таких дифференцированных по полу-возрасту нормативов недостаточно и придется разработать их систему по всем видам государственных услуг. Без системы дифференцированных нормативов расходов не создать Детский бюджет, не выполнить требование Национальной стратегии действий в интересах детей.

Новые, начиная с 2011 г., единовременные статистические обследования об условиях жизни населения, об использовании социальных льгот и пр., могли бы помочь отработать методологические вопросы о круге учитываемых и их характеристиках, необходимых для устранения социальных диспропорций. Но иметь эти данные следует не только по РФ в целом, но и регионам. Пока же выборка недостаточна, регионов в ней нет, а без них бюджеты в социальных проблемах «не работают».

Подчеркнем: при составлении ДБ объем информации и знаний предмета гигантски возрастает. К примеру, самый неразработанный блок ДБ – расходы на здоровье детей. Для его разработки надо знать: номенклатуру лечебных учреждений, оказывающих им услуги; численность пациентов по указанным учреждениям по полу-возрасту; виды услуг, обращаемость, объем услуг по видам, их продолжительность, особенность финансирования (из системы ОМС), финансовые нормативы на каждый вид услуги и группу пациентов и т.д. Из всего перечисленного пока есть только нормативы расходов (размер гарантии) медицинского страхования на обратившегося с некоторой дифференциацией по возрасту – от 12 месяцев до 17 лет. Для экономичного управления этого явно недостаточно.

При имеющейся информации расчет для ДБ по здравоохранению приходится делать весьма укрупненно. Сколько детей были обслужены медучреждениями? С учетом распределения численности по возрасту рассчитаем средневзвешенный норматив расходов на детей по выделенным возрастам (других нет). Он составит – 1,76. Отсюда расход ОМС на ребенка приходится

грубо считать так: 23 095 руб. × 1,76 = 40 645 руб. в год[6]. А на всех детей, к примеру, Москвы, если данных по обращаемости по возрасту нет, вынуждены считать на всех: 40 645 руб. × 1,8 млн детей = 73 161 млрд руб. А при более дифференцированных нормативах по полу–возрасту можно было бы планировать расходы более точно, в частности по посещаемости, ее видам и пр.

Из приведенного примера понятно, как ДБ в огромной степени зависит от достаточности информационной базы, иначе есть риск получить весьма приблизительный его объем. Причем идентично повторить расчет в следующий временной период невозможно, а для анализа важна тенденция, положительная или отрицательная. Но это необходимо: больше знаний – более эффективные и обоснованные решения.

Составление Детского бюджета на основе программно-целевого подхода раскрыло бы основные проблемы и направления решений в области уровня жизни, трудовых отношений, демографической и семейной политики. Оно помогло бы усовершенствовать управление бюджетом, повысить его эффективность и поднять квалификацию отвечающих за него работников.

6. Грубо, поскольку средний показатель уже включает затраты на детей, точнее было бы непосредственно определить дифференцированные по возрасту нормативы на ребенка.

М.Н. Муханова

ЗАНЯТОСТЬ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В НЕФОРМАЛЬНОМ СЕКТОРЕ

Муханова Мария Николаевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН.

Российская экономика вступила в период падения цен на нефть, а финансовые санкции заставляют государство минимизировать риски, исходящие от рынков, которые невозможно контролировать. Теперь уже рост экономики, по мнению специалистов, во многом определяется развитием сельского хозяйства. Оно, в свою очередь, зависит от качества человеческого капитала, состояния трудовых ресурсов. Экономическая стагнация 2013 г., резкие социально-экономические изменения второй половины 2014 г. и кризис в 2015 г. актуализировали проблему неформальной занятости в сельском хозяйстве и АПК в целом. Поэтому важно проследить состояние рынка труда на селе, оценить масштабы и особенности неформального сектора в АПК, перспективы развития занятости селян.

Для работников неформального сектора характерны нацеленность на выживание, а не на накопление капитала; их трудовые права не защищены, обычно отсутствует договор с работодателем. Переход к рынку, в частности в аграрном секторе, сопровождался у нас ростом безработицы, бедности, появлением разных форм самозанятости сельского населения.

В России занятые в неформальном секторе определяются статистикой как «лица, которые в течение обследуемого периода были заняты, по меньшей мере, в одной из производственных единиц неформального сектора независимо от статуса занятости и от того, являлась ли данная работа для них основной или дополнительной. В качестве критерия определения единиц неформального сектора принят критерий отсутствия государственной регистрации в качестве юридического лица» [8, с. 90]. В нашем обследовании измерение занятости в неформальном секторе структурируется по следующим признакам: 1) работающие на предприятии индивидуального предпринима-

теля, семейном предприятии; 2) в фермерских хозяйствах (ФХ), главы которых зарегистрированы в качестве индивидуальных предпринимателей без образования юридического лица; 3) предприниматель без образования юридического лица (ПБОЮЛ); 4) по найму у индивидуальных предпринимателей; 5) на индивидуальной основе; 6) работающие в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции [8, с. 90].

Таким образом, структуры неформального сектора на рынке труда отличают следующие признаки: включенность в рыночную систему социально-трудовых отношений в качестве работодателя, наемного работника и самозанятого; получение дохода от нанимателя или потребителя услуг; рабочие места в неформальном секторе устанавливаются на основе устной договоренности, сопряженной с нарушением трудовых и социальных гарантий.

Концентрация и уровень занятости сельского населения в производственных отраслях служат основой изменений в социальной структуре села. Внутри нее наблюдаются существенные различия между социальными группами по образованию, условиям найма, профессиональной занятости, доходам. Изменения численности занятых по видам экономической деятельности обусловливают структурную мобильность – перемещение в отраслях АПК.

Трансформация социальной структуры и рынка труда обусловливают непостоянство, нелинейный характер не только занятости, но и повседневной жизни крестьян, социокультурные и ценностные изменения в их сознании и образе жизни. По словам З. Баумана, «неопределенность наших дней является могущественной индивидуализирующей силой… она разделяет, вместо того, чтобы объединять. В условиях, когда занятость становится краткосрочной, лишается четких перспектив, остается мало шансов для укоренения и укрепления взаимной лояльности и солидарности» [2, с. 30–31]. Таким образом, процесс индивидуализации разрывает старые связи внутри сельских локальных сообществ, порождает новые модели отношений, основанные на распаде старой коллективной идентичности.

Анализ занятости сельского населения в неформальном секторе основан на данных Росстата. «Комплексное наблюдение условий жизни населения» – первое обследование домохозяйств и их членов, проведенное Росстатом в 2011 и 2014 гг. во всех субъектах РФ. В 2011 г. методом интервью опрошены 5763 селян с 16 лет и более, проживающих в 2835 сельских домохозяйствах. В 2014 г. сельская выборка была увеличена и составила 34 596 селян, проживающих в 17 820 сельских домохозяйствах, в 85 субъектах в девяти федеральных округах, в том числе Крымском ФО[1]. В качестве вспомогательного

1. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ14/survey0/index.html – Массивы с результатами обследования Росстат выставил на сайт в конце января 2016 г. Данные для вторичного анализа обработаны автором на SPSS.

материала для анализа было использовано обследование домохозяйств «Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах», проведенное Росстатом в 2012, 2014 гг. в 83 регионах страны во всех административно-федеральных округах. В 2012 г. в обследовании участвовали 5800 индивидов от 16 лет, проживающих в 2754 сельских домохозяйствах. В 2014 г. сельская выборка увеличилась и составила 32 753 респондентов от 16 лет, проживающих в 13 248 домохозяйствах[2]. Было также использовано ежеквартальное «Обследование населения по проблемам занятости» 2005–2014 гг.[3]

Социально-территориальное неравенство в российском обществе характеризуется тем, что жизненно важные для общества ресурсы распределены неравномерно, их потоки сосредоточиваются в столицах и крупных городах. Российские сельские поселения в большинстве своем не являются местом прохождения финансовых и производственных потоков. Производственная локализация и замкнутость сельских поселений часто приводит к экономической отсталости. Даже когда в сельском поселении находится крупное транснациональное или российское предприятие, например агрохолдинг, это не означает, что селяне будут востребованными на этом рынке труда. Одно из проявлений неравенства состоит в том, что в разных частях пространства существуют различные шансы превращения ресурсов в капитал [10].

Отраслевая занятость работников неформального сектора

Отраслевая занятость работников неформального сектора неоднородна. В сельском хозяйстве неформальный сектор представлен самозанятыми селянами, у которых основное место работы в личном подсобном хозяйстве (ЛПХ) и крестьянско-фермерском хозяйстве (КФХ).

Домохозяйства, занимающиеся производством сельхозпродукции на базе ЛПХ, делятся на два типа: производящие продукцию для собственного конечного потребления и для реализации полностью или частично. Последние являются основным видом занятых в неформальном секторе. Органами статистики они учитываются как экономически занятые, хотя большинство из них не имеют статуса индивидуального предпринимателя. По мере роста доходов и изменения состава населения их число сокращается. По данным

2. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/USP/survey0/index.html – Массивы с результатами данного обследования Росстат выставил полностью на сайт в феврале 2016 г. Данные обработаны автором с помощью статистической программы SPSS.

3. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766

Росстата, в 2014 г. по сравнению с 2009 г. сократилась численность товарных ЛПХ – на 14%, потребительских – на 21%. В среднем товарные ЛПХ составляют около 20–22%.

В постсоветский период эта форма хозяйствования стала условием выживания и основным видом занятости для большинства сельского населения. В социальной структуре современной сельской России в ЛПХ самозанятые составляют большую социальную группу, более трети от всех занятых.

Хотя удельный вес ЛПХ сокращается, тем не менее в 2014 г. на него приходилось 41,4% производства продукции сельского хозяйства. В фермерских хозяйствах уровень производства продукции составил 10%. Таким образом, в совокупности сектор малых форм хозяйствования обеспечивает более 50% объема производства валовой продукции сельского хозяйства [15, с. 5].

Другая группа, занятая в неформальном секторе, – фермерские хозяйства, количество которых составляет более 216 тыс. единиц.

Однако численность фермерских хозяйств в стране ежегодно снижается. На начало 2014 г. по сравнению с 2012 г. их количество сократилось более чем на четверть (27,6%) [17]. Возможно, в сфере производства сельхозпродукции сохранятся лишь самые сильные из них. Специалисты отмечают, что деньги, выделяемые на сельское хозяйство, в том числе на импортозамещение, идут в банки и крупные корпорации, т.е. 20 сельскохозяйственных олигархов получают 95% господдержки. Остальные 5% кое-как делят между собой более 52 тыс. сельхозорганизаций (бывшие колхозы и совхозы), 27 тыс. микропредприятий, а также КФХ. В этой ситуации особенно сложно фермерам, поэтому они не выдерживают конкуренции и вынуждены уходить, в основном в ЛПХ [1, с. 2]. Гранты, выделяемые правительством фермерам, настолько незначительны, что вряд ли на них можно развивать хозяйство [13].

Другая важнейшая проблема для фермеров – это земля. Она находится в частной собственности хозяев, которые в трудные времена скупили земельные паи за бесценок у крестьян и сдают их фермерам в аренду. Они могут в любой момент отказать в аренде земли, уже обработанной фермером, или продать ее. По этой причине в Краснодарском крае, например, в одном из сельских муниципальных образований можно наблюдать десятки заброшенных ферм [14]. Остроту вопроса показали августовские события – акции кубанских фермеров, пытавшихся привлечь внимание Москвы к фактам захвата земли и коррупции. Между тем министр сельского хозяйства А. Ткачев не увидел нарушений в решении земельного вопроса на Кубани: «Все документы подтверждают правомерность передачи земель фермеров агрохолдингам» [21].

Таким образом, слабость законодательных норм, регулирующих землепользование и решение других проблем (например, погектарных субсидий), служат основным тормозом для развития фермерских хозяйств.

С каждым годом растет численность селян, занятых несельскохозяйственной деятельностью. Доля сельского населения занятого в неформальном секторе в 2010 г. по сравнению с 2008 г. снизилась, но с 2012 г. стала увеличиваться (табл. 1). В сельском хозяйстве работает половина (48%) занятых в неформальном секторе, составляя большинство, хотя с 2006 г. их стало меньше почти на 20%. Зато растет занятость селян в несельскохозяйственных отраслях – торговле, ремонте авто- и мототранспортных средств, бытовых изделий, в строительстве, транспорте и связи.

Таблица 1

ЗАНЯТОЕ СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В НЕФОРМАЛЬНОМ СЕКТОРЕ ПО ВИДАМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ОТРАСЛЯМ) 2006–2014 гг., в тыс. человек, %

Отрасли	*2006*	*2008*	*2010*	*2012*	*2013*	*2014*
Всего, тыс. человек неформального сектора	5475	5478	4793	5345	5376	5412
Итого, %	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство и рыболовство	67,6	56,5	57,3	53,3	50,8	48,6
Обрабатывающие производства	5,8	7,2	7,0	7,3	7,6	7,3
Строительство	4,2	8,2	7,7	8,3	9,0	9,9
Оптовая и розничная торговля; ремонт авто- и мототранспортных средств, бытовых изделий	16,6	19,5	18,4	20,5	20,5	20,9
Транспорт и связь	2,4	4,1	4,3	4,8	5,4	5,9
Образование, здравоохранение	0,4	0,4	0,7	0,7	0,9	0,9
Другие отрасли*	3,0	4,1	4,6	5,0	5,6	6,5

Источник Росстат: Обследование населения по проблемам занятости, 2006–2014 гг.

* Другие отрасли: добыча полезных ископаемых; производство и распределение электричества, газа и воды; гостиницы и рестораны; финансовая деятельность и др.

Сопоставление занятости селян по отраслям в формальном и неформальном секторах в 2012 и 2014 гг. (табл. 2) показывает, что в сельском хозяйстве высокий уровень занятости демонстрируют работники неформального сектора по сравнению с формальным. Правда, численность первых значительно снизилась по сравнению с предыдущим периодом, и только каждый пятый работает в сельском хозяйстве. Причиной, возможно, стал их отток в формальный сектор или миграция.

Таблица 2

ОТРАСЛЕВАЯ ЗАНЯТОСТЬ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПО СЕКТОРАМ АПК, в %

Отрасли агропромышленного комплекса	*Вид сектора занятости на основной работе*			
	Занятые в формальном секторе		*Занятые в неформальном секторе*	
	2012	*2014*	*2012*	*2014*
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство	15,1	14,5	33,0	22,0
Производство, включая энергетику	15,7	17,0	8,8	11,8
Строительство	6,1	5,8	7,1	16,1
Торговля, ремонт, гостиницы и рестораны, транспорт и связь	17,3	14,2	41,8	40,4
Финансовая деятельность, операции с недвижимым имуществом	5,4	6,1	5,8	4,9
Государственное управление и обеспечение военной безопасности	11,2	9,8	–	0,2
Образование	15,6	18,2	–	0,4
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	9,7	10,6	–	0,6
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	3,6	3,8	2,4	2,8
Прочая деятельность	0,2	–	1,0	0,8
Всего ответивших	2509 100,0	10 015 100,0	294 100,0	2576 100,0

Источник Росстат: «Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах», 2012, 2014 гг.

В несельскохозяйственных отраслях неформального сектора доля занятых в сфере обслуживания, торговле, транспорте, связи втрое превышает долю занятых в формальном секторе. Более чем вдвое по сравнению с предыдущим периодом увеличилась доля работников строительства. В целом же доля сельского населения, занятого в сельском хозяйстве, в общей численности занятых селян ежегодно сокращается. В 2014 г. они составляли 20,9% по сравнению с 24,2% в 2009 г. [16].

Если рассматривать занятых в неформальном секторе по федеральным округам, то традиционно этот показатель был существенно выше в Северо-Кавказском, Южном, Поволжском, Сибирском, Северо-Западном округах. В 2014 г. по сравнению с 2012 г. их численность заметно сократилась, особенно в ЮФО, СЗФО, СибФО. Зато в СКФО неформальная занятость увеличилась на 10,7%. Высокий уровень занятости сельского населения в неформальном секторе демонстрирует Крымский федеральный округ (40%).

Доля сельского населения в РФ в среднем составляет 27%, в том числе в СКФО (50%), ЮФО (37,1), ПФО (22,3) и Крымском ФО (58%), которые состоят из регионов с традиционно развитым сельским хозяйством и сильным производственным аграрным потенциалом.

На развитие неформального сектора влияет региональная безработица. Наиболее высок ее уровень в СКФО – 14,3%, СФО – 10,3, ДФО – 11,0, ЮФО – 8,2%. По-прежнему весьма высок уровень безработицы в Республике Ингушетия (46,3%), Чечне (26,1), Тыве (29,7%) [7, с. 15]. По всей вероятности, фактическая численность безработных выше, так как политика и условия регистрации в Центрах занятости состоит в том, чтобы побудить самих безработных самостоятельно искать работу, назначив им минимальное пособие [22, с. 88–89].

Очевидно, сравнительно высокий уровень занятости сельского населения в неформальном секторе, особенно среди молодежи, можно объяснить трансляцией социальных издержек из формального сектора в неформальный.

Занятость сельского населения в структурах неформального сектора

Распределение работающих селян в структуре неформального сектора (табл. 3) показывает, что в 2014 г. наемными работниками были около 70% всех занятых. По сравнению с 2011 г. значительно сократилась численность занятых на предприятиях индивидуального предпринимателя, семейном предприятии. Внутри этой группы большинство занятых (77,5%) работают в качестве наемных работников за зарплату и вознаграждение. В фермерском хозяйстве доля наемных работников составила 75%, в сфере предпринимательской деятельности без образования юридического лица – 28%.

Таблица 3

ЗАНЯТОСТЬ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ОСНОВНОЙ РАБОТЕ В СТРУКТУРАХ НЕФОРМАЛЬНОГО СЕКТОРА, в %

Занятые в структурах неформального сектора	*2011*	*2014*
На предприятии индивидуального предпринимателя, семейном предприятии	40,3	30,0
В фермерском хозяйстве	9,2	8,2
В сфере предпринимательской деятельности без образования юридического лица	5,9	6,0
По найму у индивидуальных предпринимателей	30,4	39,0
На индивидуальной основе	10,3	13,0
В собственном домохозяйстве по производству товаров, продукции	3,9	3,8
Всего ответивших	727	4285
Итого	100,0	100,0

Источник Росстат: «Комплексное наблюдение условий жизни…», 2011, 2014 гг.

Сопоставление показателей занятости по условиям найма демонстрирует, что в формальном секторе практически каждый работник принят на постоянную работу (92,0%), а в неформальном секторе – только каждый второй (48,6%). На основе устной договоренности без оформления гражданско-правового договора работали более трети работников неформального сектора (36%), в формальном – всего лишь единицы. Если рассмотреть условия найма по профессиональной структуре, то большинство в неформальном секторе работает на основе устной договоренности, без оформления, а значит без каких-либо социальных гарантий – квалифицированные работники – 41,5%, неквалифицированные рабочие – 38, работники сферы обслуживания – 16%.

Большинство работающих в неформальном секторе (58,3–70,5%) работают не по специальности. В формальном секторе таких работников насчитывается половина (48%). Фермеры (91,5%) или работники по найму у индивидуальных предпринимателей (86,5%) не получали специальной профессиональной подготовки для выполнения нынешней работы. Только половина работающих в неформальном секторе имеют навыки или квалификацию для выполнения более сложной работы.

Изменения, произошедшие в сфере образования в 1990-х годах, привели к резкому снижению численности учащихся профессиональных училищ, приобретающих высокую квалификацию. Среди работников неформального сектора только каждый десятый (10,7%) имеет высшее образование, что в 2 раза ниже чем в формальном секторе (24,0%). Каждый третий из них имеет начальное профессиональное образование, каждый четвертый – среднее общее или среднее профессиональное образование. Сравнительно невысокий уровень образования работников неформального сектора не обеспечивает им достаточно безопасных условий труда. Поэтому большинство из них характеризуют свою работу как тяжелую и средней тяжести (76%), более половины (55%) – как опасную, связанную с нервным напряжением и воздействием вредных производственных факторов. Четверть работников неформального сектора ищут подходящую работу с хорошей зарплатой продолжительностью 35 час. в неделю. При этом они понимают, что такую работу найти сложно.

Межсекторное сопоставление возрастных показателей занятых не обнаруживает значительных различий. Доля молодежи (16–29 лет) в неформальном секторе выше (19,4%), чем в формальном (15,3%). Каждый второй занятый в обоих секторах принадлежит к средней возрастной категории (30–49 лет). Зато селян старшей возрастной группы (50 лет и более) больше в формальном секторе (35,8%), чем в неформальном (29,2%).

По гендерному составу более половины занятых в неформальном секторе мужчины (64%), доля женщин составляет примерно треть (36%.) В формальном секторе они, соответственно, составляют 48 и 52%. Высокая доля мужчин, занятых в неформальном секторе, обусловлена тем, что большинство из

них квалифицированные и неквалифицированные рабочие. Женщины в основном работают в бюджетных организациях – в образовании, здравоохранении, этим и объясняется высокий уровень их занятости в формальном секторе.

Анализ данных показывает, что большинство занятых селян в неформальном и формальном секторах проживают в населенных пунктах с численностью 1001–5000 человек (42,5%), четверть – с численностью более 5 тыс. человек (25,0), треть работников живут в селах с численностью 201–1000 человек (32%). Сложившийся сельский рынок труда с низкой зарплатой и высоким уровнем сельской безработицы – 12,1% (по РФ – 5,8%), ограниченностью территориальных ресурсов обусловливает маятниковое передвижение. Поэтому более трети работников неформального и формального секторов имеют работу не по месту жительства, а с временным пребыванием в другом населенном пункте. Регулярно, почти ежедневно, используют муниципальный или коммерческий транспорт в равной доле (по 42%) работники обоих секторов. Большинство занятых в неформальном (84%) и формальном (74%) секторах добираются до работы на собственном автомобиле.

Социально-профессиональная структура занятых в неформальном секторе

Для анализа внутригруппового профессионального распределения был использован Общероссийский классификатор занятий ОК 010-2014 (МСКЗ-08), разработанный Министерством труда и социальной защиты РФ.

В 2014 г. модальными профессиональными группами в неформальном секторе являлись квалифицированные (23,1%) и неквалифицированные рабочие (23,7%). Если рассмотреть внутригрупповое распределение квалифицированных рабочих, то большинство из них в основном представители строительных специальностей (9,7%) – каменщики, кровельщики, плиточники, штукатуры-маляры, сварщики, электрики, плотники, а также работники различных промышленных предприятий – швеи, пекари и пр.

Квалифицированные сельскохозяйственные рабочие (6,0%) представлены в основном фермерами различных профилей, полеводами, овощеводами и товаропроизводителями личных подсобных хозяйств.

Неквалифицированные рабочие в основном заняты как разнорабочие на строительных объектах (3,0%) и на сельскохозяйственных работах (6,0%) – это грузчики, сборщики овощей, фруктов, а также представители простых профессий (домашняя и гостиничная прислуга, уборщики и др.).

Следующая крупная профессиональная группа в неформальном секторе – работники торговли и сферы обслуживания. В групповом распределении значительной долей представлены работники мелкой розничной торговли – уличные торговцы, продавцы палаток и рынков (11,7%), продавцы магазинов

(3,2), работники общественного питания (2,8) и бытового обслуживания (2,2%).

Профессиональная группа машинистов установок и машин в основном представлена водителями автотранспорта и операторами подвижной техники. В этой группе основную долю составляют водители легковых автомобилей, такси (9,2%), водители грузового автотранспорта (3,5), водители тракторов, комбайнов, уборочных машин (2,5%).

Профессионалы с высшим образованием в неформальном секторе составляют 6,0%, их доля существенно выросла по сравнению с 2011 г. Значительную часть в этой группе составляют бухгалтеры, экономисты, инженеры, механики, агрономы, ветеринары, врачи различных профилей, учителя, юристы, программисты, священники.

В структуре специалистов со средним специальным образованием (5,0%) доминируют работники бухгалтерии, кассиры банков, электрики, механики, операторы различного оборудования, мастера (бригадиры) промышленных предприятий, экспедиторы, медработники, фармацевты, воспитатели, работники спорта и фитнес-клубов, сферы культуры, офис-менеджеры, служащие церкви.

В структуре органов управления всех уровней неформального сектора (3,6%) доминирует группа директоров небольших предприятий оптовой и розничной торговли, общепита (1,6%); в формальном секторе их значительно меньше. Следующие по численности – директора организаций досуга, директора небольших предприятий сельского хозяйства, руководители отделов на предприятиях строительства, обрабатывающей промышленности.

Степень удовлетворенности работой и зарплатой в неформальном секторе

В условиях, когда работа носит временный характер, она становится низкооплачиваемой. «Трудовая жизнь, – говоря словами З. Баумана, – насыщается неопределенностью» [2, с. 30]. Результаты исследования свидетельствуют, что половина работников неформального сектора обеспокоены ненадежностью работы.

Более половины занятых в обоих секторах не удовлетворены зарплатой. Среднемесячная номинальная зарплата работника неформального сектора составила около 10 тыс. руб., медиана – 8700 руб., 50% из них имели зарплату ниже уровня медианы. Это меньшее, чем у работника в формальном секторе: соответственно – 15 311 руб., медиана – 12 500 руб. Средний и медианный уровень зарплаты работника неформального сектора практически находятся на уровне прожиточного минимума работающего, который составил в 2014 г. – 8885 руб. [18]. По данным Росстата, средняя зарплата селянина

в 2014 г. составляла 17 724 руб. Это почти в 2 раза ниже средней зарплаты по экономике в целом (32 495 руб.) [9]. Показатели средней зарплаты и ее медианный уровень у работников двух секторов далеки от среднего показателя как по отрасли, так и по экономике, т.е. доходы подавляющего большинства населения смещены в область очень низких зарплат.

За последние десять лет объем финансирования аграрной отрасли из федерального бюджета увеличился в 12,5 раза и составил 1325 млрд руб. [19, с. 3]. Однако это практически не отражается на ключевом показателе – рентабельности аграрного производства. По мнению экспертов, дело прежде всего в диспаритете цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, которая изымается из результатов крестьянского труда и зарплата почти вдвое занижается по сравнению со средней по экономике [3, с. 10].

Удовлетворенность другими сторонами работы у работников неформального сектора также ниже, чем у работников формального сектора. Показатели соотносятся следующим образом: удовлетворенность выполняемыми обязанностями, соответственно, 67 и 77%, условиями труда – 60 и 71%, режимом работы – 72 и 83,4%, моральное удовлетворение – 61 и 69%, профессиональное удовлетворение – 55 и 64%.

Материальное и финансовое положение домохозяйств в неформальном секторе

В 2010 г. произошел резкий рост доли выплат государства в доходах россиян: 30%-ное повышение пенсий с последующей индексацией на фоне гораздо более медленного роста зарплат на несколько лет обеспечило доходам населения высокую зависимость от бюджета. С 2014 г. регионы, столкнувшись с серьезными проблемами, начали сокращать социальные выплаты или прекращать их индексацию. При этом наблюдаются различия в оплате труда по регионам [11, с. 37–38].

Рассмотрим средние совокупные доходы домохозяйств. Каждое десятое домохозяйство в неформальном секторе имеет доходы в среднем за месяц до 7,5 тыс. руб. В формальном секторе они в 2 раза меньше (4,5%). В равной доле в двух секторах треть домохозяйств имели доходы 22,5–27,5 тыс. руб. Если в формальном секторе 40,7% домохозяйств имели совокупный ежемесячный доход более 35 тыс. руб., то в неформальном секторе – 32,0%.

Анализ данных показывает, что самые низкие доходы – до 7500 руб. – наблюдались в каждом пятом домохозяйстве, занимающемся производством продукции, в каждом шестом – у фермеров, в каждом десятом – у работающих по найму у физических лиц. Это не покрывает даже прожиточного минимума на работника (8885 руб.). В России под официальное определение бедности подпадает население с доходами ниже прожиточного минимума.

Более половины домохозяйств имели доходы до 17 500 руб., т.е. всего лишь до двух прожиточных минимумов.

Материальное положение домохозяйств работников неформального сектора показывает, что многих из них можно отнести к бедным слоям населения (см. табл. 4).

Таблица 4

ОЦЕНКИ УРОВНЯ МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ СЕЛЬСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ ПО СЕКТОРАМ, в %

Оценки материального положения	*Формальный сектор*		*Неформальный сектор*	
	2011	*2014*	*2011*	*2014*
Доходов не хватает даже на еду	5,6	3,7	5,7	3,0
На еду денег хватает, но покупать одежду и оплачивать ЖКХ затруднительно	37,2	31,9	35,1	33,5
Денег хватает на еду и одежду, но не можем себе позволить товары длительного пользования	40,9	44,5	45,0	45,0
Можем себе позволить покупать еду, одежду, необходимые товары длительного пользования, но не можем – автомобиль	11,4	11,7	8,8	11,0
– квартиру, дачу	3,0	5,0	2,4	5,0
Средств достаточно, чтобы купить все, что считаем нужным	2,0	3,1	3,1	2,5
Итого домохозяйств	1045	8415	422	1921

Источник: Комплексное наблюдение условий жизни.., 2011, 2014 гг.

По данным обследования, среди сельского населения доминируют ценности выживания. 35% домохозяйств вынуждены держать личные подсобные хозяйства. Более чем для трети домохозяйств затруднительно купить одежду и оплачивать ЖКХ, а половина домохозяйств не могут позволить себе товары длительного пользования. Среднемесячная оплата ЖКХ в октябре-декабре 2014 г. для сельских домохозяйств составила 3300 руб. Четверть домохозяйств за услуги ЖКХ платила более 4 тыс. руб. (25%), из них 14% платили более 5 тыс. руб.

Согласно исследованию, 40% сельских домохозяйств имеют легковые автомобили, 3,8% – грузовой автомобиль или микроавтобус. Основными источниками поступления доходов в домохозяйствах селян являются зарплата (60,5%), пенсии всех видов (26,0), доходы от ЛПХ (8,3%).

Низкий уровень комфортности проживания на селе влияет на миграционные настроения молодежи. За последнее десятилетие из сельской местности выбыли 42% молодежи в возрасте 15–29 лет. В 2011 г. произошел самый

массовый исход молодежи из села, доля ее составила более 58% (411 тыс. человек) [20, с. 22–23].

Целое поколение сельской молодежи и селян среднего возраста выросло в условиях потребительского общества, сформировавшего у них отрицательное отношение к сельскому образу жизни. Привлекаемые возможностями большого города выпускники сельскохозяйственных вузов остаются там. В сельскую местность, согласно данным кадрового мониторинга Тимирязевской сельхозакадемии [11, с. 32], возвращаются лишь 3% их них.

Рыночная экономика с ее прагматизмом и рационализмом разрушает традиционный сельский уклад жизни, стимулирует индивидуализм, особенно среди молодежи. Утрачиваются традиции соседского общения и взаимопомощи, «человеческие связи рвутся и распадаются. И в труде, и в соседском общении, и в быту» [5, с. 147–148]. Таким образом, происходит распад старой коллективной идентичности, свойственной социальным отношениям на селе.

Занятость в неформальном секторе сельского хозяйства – ЛПХ и фермерских хозяйствах и распространение ее в несельскохозяйственных отраслях (сфера обслуживания, транспорт, строительство на селе и др.) выполняют важную социальную функцию. Несмотря на то что неформальный сектор отличается примитивным технологическим уровнем, низкой капиталоемкостью, невысоким уровнем человеческого капитала, тем не менее он смягчает издержки социального развития российского общества, поглощая трудовые ресурсы, которые в противном случае не нашли бы себе применения. На наш взгляд, это одно из объяснений относительной социальной стабильности на российском селе.

Литература

1. Акулова О. Нефть на хлеб не намажешь // Сельская жизнь. – М., 2015. – № 16. – С. 2.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество: Пер. с англ. – М.: Логос, 2002. – 325 с.
3. Буздалов И. Теоретические основы формирования эффективной системы аграрных отношений // АПК: Экономика, управление. – М., 2014. – № 2. – С. 3–14.
4. Бурдье П. Социология политики: Пер. с фр. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
5. Виноградский В.Г. Конец «живого беспорядка» // Социологический журнал. – М., 2011. – № 3. – С. 137–153.
6. Глущенко Е. К земле-кормилице с поклоном. Дискуссия аграриев в Общественной палате // Сельская жизнь. – М., 2015. – № 11. – С. 8–9.
7. Доклад об устойчивом развитии сельских территорий РФ. Совет при Президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике. – М., 2015. Обращение 15.04.2016. URL http://www.akkor.ru/sites/default/files/doklad.pdf
8. Занятость в неформальном секторе // Экономическая активность населения России (по результатам выборочных обследований). 2014. Стат. сборник. – М.: Росстат, 2014. – 143 с.
9. Заработная плата в сельском хозяйстве в 2014 г. Дата обращения 22.02.2016. – URL http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/

10. Ильин В.И. Российская глубинка как социологическая категория // Социология и общество: Глобальные вызовы и региональное развитие. Материалы IV Всероссийской социологической конференции. РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. – М.: РОС, 2012. – 1 CD ROM.

11. Муханова М.Н. Сельская молодежь России: Настоящее и будущее // Россия и современный мир. – М., 2015. – № 3. – С. 26–42.

12. Муханова М.Н. Трансформация социально-профессиональной структуры российского села (1994–2009 гг.). // Общественные науки и современность. – М., 2012. – № 1. – С. 47–55.

13. На выделенные гранты фермерам не купить даже техники. Дата обращения 01.03.2016. – URL http://polit.ru/news/2016/03/01/farms_com/

14. Нас тормозит земельный вопрос. Почему фермеры не могут накормить страну. Дата обращения 22.12.2015. – URL: http://www.aif.ru/money/economy/nas_tormozit_zemelnyy_vopros

15. Основные показатели сельского хозяйства в России в 2014 г. – М.: Росстат, 2015. – 60 с.

16. Плотников В.Н. Экономическая эффективность и социальная значимость семейных фермерских хозяйств. Дата обращения 17.04.2016. – URL: http://www.akkor.ru/statya/64-vystuplenie.html

17. Показатели производства сельскохозяйственной продукции и удельный вес малых форм хозяйствования за 2009–2013 гг. Дата обращения 22.12.2015. – URL: http://www.akkor.ru/analitika-i-obzory-27.html

18. Прожиточный минимум в 2014 г. Дата обращения 06.02.2016. – URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/111.htm

19. Рыбаков А. Доходность – основа успеха // Сельская жизнь. – М., 2015. – № 48. – С. 3.

20. Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга. 2011 г. – М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2012. – Вып. 13. – 260 с.

21. Ткачев связал марш фермеров на Москву с выборами. Дата обращения 03.10.2016. – URL: http://polit.ru/news/2016/10/02/farmer_voting/

22. Черныш М.Ф. Социальная политика и рынок труда // Наемный работник в современной России / Отв. ред. З.Т. Голенкова. – М.: Новый хронограф, 2015. – 368 с.

О.А. Кислицына

МЕСТО РОССИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ РЕЙТИНГАХ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Кислицына Ольга Анатольевна – доктор экономических наук, заведующая сектором проблем измерения качества жизни ИЭ РАН.

В последние годы наблюдается возрождение интереса к идее о том, что экономический рост является недостаточным и неадекватным показателем прогресса [5; 10; 13]. Приводится пример США, где за последние 50 лет ВВП увеличился в 3 раза, однако удовлетворенность жизнью осталась без изменений [6], а уровни депрессии и тревоги резко возросли [12].

Исследователи приходят к выводу о том, что «настало время перенести акцент с измерения экономического производства на измерение благополучия людей» [13]. При этом наравне с термином «благополучие» в качестве синонимов используются такие понятия, как «качество жизни», «счастье», «удовлетворенность жизнью», «процветание» [7]. Благополучие выступает мерой развития различных сфер жизни общества, в той или иной степени оказывающих влияние на все население, отдельного индивида и, таким образом, становится лакмусовой бумажкой эффективности государственной политики [1; 2]. Но при этом остается нерешенным до конца вопрос об измерении благополучия. Одним из подходов к этой проблеме является построение композитных индексов, объединяющих отдельные меры благополучия в единый сводный индекс. В международной практике существует ряд индексов, позволяющих исследовать качество жизни в отдельных странах и регионах мира.

Индекс развития человеческого потенциала ООН (Human Development Index(HDI))

Пожалуй, самым известным композитным индексом качества жизни является Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) ПРООН [9], который ежегодно публикуется, начиная с 1990 г. Основные компоненты ИРЧП:

1) ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) – оценивает долголетие; 2) уровень грамотности населения страны, измеряемый с помощью среднего количества лет, потраченных на обучение, и ожидаемой продолжительности обучения; 3) уровень жизни, оцененный через валовый национальный доход (ВНД) на душу населения по паритету покупательной способности (ППС) в долларах США. В соответствии с индексом все страны условно разбиты на четыре группы: с очень высоким (0,944–0,802), с высоким (0,798–0,702), со средним (0,698–0,555), с низким (0,548–0,348) уровнем ИРЧП.

Самый высокий ИРЧП имеют страны, относящиеся к так называемой западной цивилизации. Топ-5 стран с самым высоким ИРЧП в 2014 г. составили Норвегия (0,944), Австралия (0,935), Швейцария (0,930), Дания (0,938), Нидерланды (0,922). Самый низкий уровень ИРЧП наблюдается в африканских странах, расположенных южнее Сахары. Топ-5 стран с самым низким ИРЧП: Бурунди (0,400), Чад (0,392), Эритрея (0,391), ЦАР (0,350), Нигер (0,348).

Россия занимает 50-е место в списке из 187 стран с ИРЧП, равным 0,798, и, таким образом, входит в группу стран с высоким ИРЧП. Показатель развития человеческого потенциала в России превышает среднее значение в группе стран с высоким ИРЧП (0,744) и государств Европы и Центральной Азии (0,748).

После снижения ИРЧП в России в 1990-х годах, начиная с 2000 г., наблюдается его устойчивый рост. В результате к 2014 г. ИРЧП увеличился на 10 и 9% по сравнению с 2000 г. и 1990 г. соответственно. Такая динамика ИРЧП связана с положительными изменениями показателей, составляющих индекс. Так, с 2000 г. ожидаемая продолжительность жизни при рождении выросла почти на пять лет, среднее число лет обучения – на 0,7 года, ожидаемая продолжительность обучения – на 2,6 лет, валовый национальный доход на душу населения – примерно на 73%.

В 2010 г. индекс подвергся существенной корректировке. В дополнение к используемому ИРЧП был рассчитан новый индекс, учитывающий социально-экономическое неравенство в стране: индекс развития человеческого потенциала, скорректированный с учетом социально-экономического неравенства (ИРЧПН), который в России в 2014 г. составил 0,714, т.е. потерял 10,5 процентных пункта по сравнению с ИРЧП.

Глобальный индекс благополучия Gallup–Healthways (Gallup–Healthways Global Well-being Index)

Начиная с 2005 г., Гэллап проводит опросы в более чем 160 странах в рамках Всемирного опроса Гэллапа (Gallup World Poll). С 2008 г. совместно с организацией Healthways была разработана и внедрена методология расчета

Индекса благополучия США, и в 2013 г. она была применена для построения Глобального индекса благополучия в 135 странах [8]. Исследование основывается на национальных опросах. В большинстве стран в процессе исследования собираются 1 тыс. ответов. В ряде крупнейших стран, в том числе и в России, их число увеличивается до 2 тыс. Глобальный индекс благополучия включает пять основных аспектов: успех (связь между каждодневными делами и мотивацией для достижения целей), социальный (наличие поддержки и любви), финансовый (управление экономической ситуацией с целью снижения стресса и повышения безопасности), физический (хорошее здоровье и достаточный запас энергии для осуществления ежедневной работы) и общественный (ощущение безопасности и гордость за принадлежность к обществу). В основе каждого аспекта лежат два показателя (вопроса). В соответствии с ответами Гэллап распределяет участников обследования по трем категориям для каждого аспекта благополучия: «процветает» (хорошее качество жизни), «борется» (среднее качество жизни), «страдает» (плохое качество жизни). В каждой стране высчитывается доля тех, кто «процветает», «борется» и «страдает». Затем все страны разбиваются на группы в соответствии с долей «процветающих» по трем или более аспектам благополучия: 1) >40,0%; 2) 30,1–40,0%; 3) 20,1–30,0%; 4) 10,1–20,0%; 5) ≤10,0%.

Во всем мире только 17% населения процветают по трем или более аспектам.

Америка имеет самые высокие уровни благополучия по всем составляющим индекса. Это частично объясняется менталитетом латиноамериканцев, как правило, чаще демонстрирующих положительные эмоции. А самый низкий уровень благополучия наблюдается в африканских странах южнее Сахары. В государствах бывшего СССР к категории «процветающих» по трем или более аспектам благополучия можно отнести только 14% населения. Обращает на себя внимание тот факт, что только 15% жителей бывшего СССР «процветают» в плане физического благополучия. Это самый низкий показатель среди всех регионов.

Панама, Коста-Рика и Дания являются единственными странами в мире, в которых по меньшей мере 40% жителей являются «процветающими» по трем или более аспектам. Среди африканских стран, жители которых менее благополучны по сравнению с жителями других регионов, самая низкая доля «процветающих» наблюдается в Демократической Республике Конго, Чаде, Мадагаскаре, Гаити. Хуже, чем в вышеперечисленных странах, качество жизни только в Сирии и Афганистане.

Россия попадает в четвертую группу по уровню процветания. Среди россиян только 16% можно отнести к категории «процветающих» по трем или более аспектам благополучия. Граждане России достигли наибольших успехов в области финансового и социального благополучия: эти показатели

немного выше, чем в мире в целом (25%) и в странах бывшего СССР (24%). Однако финансовое благополучие значительно ниже, чем в Европе (37%). Надо отметить, что при этом велика доля «страдающих» (33%), что свидетельствует о высоком неравенстве. Количество «процветающих» россиян превышает мировые показатели по такому аспекту благополучия как успех и социальное благополучие. Это заметно ниже, чем в Америке. Россия существенно отстает по общественному и физическому благополучию. Только 17% россиян «процветают» в области физического благополучия. Этот показатель намного меньше, чем в мире в целом (24%) и в Европе (22), однако немного выше, чем в странах бывшего СССР (15%). Что касается общественного благополучия, то число «процветающих» в этой области (20%) сопоставимо только с тем, что наблюдается в странах Африки южнее Сахары (18%).

Индекс лучшей жизни ОЭСР (OECD Better Life Index)

Индекс лучшей жизни ОЭСР рассчитывается с 2011 г. для сравнения благополучия в 38 странах (страны, входящие в ОЭСР, плюс ключевые партнеры ОЭСР, такие как Россия, Бразилия, ЮАР) в соответствии с 11 аспектами, которые ОЭСР определила как важнейшие составляющие благополучия с точки зрения материальных условий (жилищные условия, доходы, работа) и качества жизни[1] (общество, образование, экология, гражданские права, здоровье, удовлетворенность, безопасность и баланс работа / отдых)[2]. В основе каждого аспекта лежит от одного до трех показателей, полученных из официальных источников, а также Всемирного опроса Гэллапа. На сегодняшний день сравнивать изменения индекса, происходящие со временем, нельзя, поскольку его методика все еще отрабатывается.

Согласно методике расчета индекса, каждый пользователь может определить значимость каждой компоненты благополучия. Если все категории имеют равный вес, самое высокое место из 38 стран занимает Норвегия, самое низкое – ЮАР. Россия находится на 6-й позиции с конца, опережая, помимо ЮАР, такие страны, как Мексика, Турция, Бразилия, Чили.

По нескольким аспектам Индекса лучшей жизни показатели России значительно ниже среднего уровня по ОЭСР: жилищные условия, доход, здоровье, экология, гражданские права, безопасность, субъективное благополучие. Россияне проживают в стесненных условиях: на одного человека приходится 0,9 комнат (для сравнения: средний показатель по ОЭСР – 1,8). При этом

1. Интересно, что ОЭСР не считает качество жизни синонимом благополучия, а рассматривает его как одну из компонент.

2. http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/

14,4% жилищ не имеют удобств, что значительно выше, чем в ОЭСР (2,1%). Чистый семейный скорректированный доход россиян после уплаты налогов на душу населения в среднем в 1,7 раз меньше, чем по ОЭСР (17 006 долл. против 29 016 долл.). Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в России (71 год) на девять лет меньше, чем в среднем по ОЭСР (80 лет). При этом доля тех, кто оценивает свое здоровье как хорошее и очень хорошее, почти в 2 раза ниже (39 против 69%). Качеством используемой воды удовлетворены лишь 49% населения, что почти в 1,5 раза меньше, чем в среднем по ОЭСР (81%). Явка избирателей (показатель общественного доверия правительству и участия граждан в политической жизни) во время последних выборов составила 65%, что ниже среднего показателя по ОЭСР (68%). Уровень убийств в России почти в 3 раза выше, чем в среднем по ОЭСР (на 100 тыс. 11,3 против 4,1). Чуть больше половины жителей нашей страны (53%) чувствует себя в безопасности, гуляя в темное время суток, что значительно ниже, чем в странах ОЭСР (68%). Россияне менее удовлетворены своей жизнью: средняя удовлетворенность жизнью по 10-балльной шкале составляет 6 баллов, в то время как в среднем по ОЭСР – 6,6.

И только по четырем аспектам индекса (работа, баланс работа / отдых, образование, общество) Россия не уступает странам ОЭСР: 69% россиян в возрасте от 15 до 64 лет имеют оплачиваемую работу, что немного превышает средний уровень занятости по странам ОЭСР (66%). В нашей стране значительно ниже уровень долгосрочной безработицы (1,5 против 2,6%). При этом доля работников, которые трудятся сверхурочно, в России незначительна (0,2 против 13%). Почти всё (95%) взрослое население России в возрасте от 25 до 64 лет имеет диплом о полном среднем образовании, что существенно выше среднего показателя по ОЭСР (76%). Что касается качества образования, то здесь Россия проигрывает странам ОЭСР: по уровню грамотности, чтения, знаний по математике и естественным наукам в рамках Программы ОЭСР по международной оценке учащихся (PISA) они в среднем набрали 481 балл, что ниже среднего показателя по ОЭСР (497 баллов). Высокий процент (91) населения России считает, что им есть на кого положиться в трудную минуту; это больше, чем в среднем по ОЭСР (88%).

Всемирный индекс счастья (Happy Planet Index (HPI))

Всемирный индекс счастья разработан в 2006 г. британским исследовательским центром «Фонд новой экономики» («New Economics Foundation» (NEF)) совместно с экологической организацией «Друзья Земли! («Friends of the Earth»), гуманитарной организацией «Движение мирового развития» («World Development Movement») и группой независимых международных

экспертов [4]. Основные компоненты индекса: ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ), опыт благополучия (ОБ) и экологический след (ЭС). Экономические показатели в методологии расчета индекса не используются. Индекс рассчитывается следующий образом:

$$\text{Всемирный индекс счастья} = \frac{\text{Опыт благополучия} \times \text{Ожидаемая продолжительность жизни}}{\text{Экологический след}}$$

Опыт благополучия оценивается с помощью вопроса под названием «Лестница жизни» Всемирного опроса Гэллапа. Респондентов просят представить себе лестницу от 0 до 10, где ступень 0 означает наихудшую жизнь, а ступень 10 – наилучшую жизнь, и показать, как им кажется, на какой ступени они стоят в настоящее время. Экологический след вычисляет Всемирный фонд дикой природы (WWF) в качестве меры потребления ресурсов. Это мера количества земли в расчете на душу населения, необходимой для поддержания уровня потребления в стране, измеренная в терминах глобальных гектаров (g ha), которые представляют собой гектар земли со средней продуктивной биоемкостью.

В 2012 г. исследование охватило 151 страну. По каждой компоненте индекса страны были разделены на следующие группы: 1) хорошие (ОПЖ>75, ОБ>6,2, ЭС<1,78); 2) средние (ОПЖ 60–75, ОБ 4,8–6,2, ЭС 1,78–3,56); 3) плохие (ОПЖ<60, ОБ<6,2, ЭС 3,56–7,12); 4) очень плохие (ЭС>7,12). Итоговый индекс счастья изменяется в пределах от 1 до 100. Чем выше индекс, тем больше счастье. В соответствии с индексом страны делятся на шесть групп – страны, у которых: 1) все три компоненты индекса хорошие; 2) две компоненты хорошие, одна средняя; 3) одна компонента хорошая, две средние; 4) три компоненты средние; 5) одна из компонент плохая; 6) две плохие компоненты или одна компонента очень плохая.

В 2012 г. ни одна из стран не попала в «самую счастливую» группу, в которой все три компоненты индекса принадлежат к категории «хорошие». В среднем Всемирный индекс счастья равен 42,5. В число самых счастливых попали в основном государства Латинской Америки и Карибского бассейна (топ-5 самых счастливых стран составляют Коста-Рика (64,0), Вьетнам (60,4), Колумбия (59,8), Белиз (59,3), Сальвадор (58,9)). Все эти страны объединяет то, что они принадлежат ко второй (две компоненты хорошие, одна средняя) или третьей (одна компоненты хорошая, две средние) группам.

К самым «несчастным» странам принадлежат в основном африканские страны южнее Сахары (топ-5 самых несчастных стран: Мали (26,0), ЦАР (25,3), Катар (25,2), Чад (24,7), Ботсвана (22,6)). Все они представляют шестую группу (две плохие компоненты или одна компонента очень плохая).

Интересно, что страны западного мира попали в пятую или шестую группу. Несмотря на высокие показатели ожидаемой продолжительности жизни и опыта благополучия, низкая оценка экологического следа в этих странах снижает их рейтинг качества жизни.

С индексом 34,5 Россия находится на 122-м месте, попадая в пятую группу (одна компонента плохая). Наша страна в рейтинге счастья намного отстает от таких государств, как Туркменистан (95-е место с индексом 39,1), Украина (100-е место с индексом 37,6), Белоруссия (103-е место с индексом 37,4), Казахстан (119-е место с индексом 34,7). В то время как рейтинг России находится на среднем уровне по таким компонентам индекса, как продолжительность жизни и опыт благополучия, низкая оценка экологического следа снижает общий индекс.

Индекс процветания (Prosperity index)

Начиная с 2009 г., крупнейшая независимая британская частная инвестиционная компания *Legatum Group*, частью которой является *Legatum Institute*, рассчитывает Индекс процветания для 142 (ранее 110) стран мира[3]. Индекс процветания вычисляется на основе 89 различных показателей (как объективных, так и субъективных), которые представляют восемь аспектов: экономика, бизнес, управление, образование, здоровье, безопасность, личные свободы, социальный капитал. В соответствии с рейтингом по индексу все страны разбиты на четыре группы: 1) с высоким уровнем процветания (рейтинг 1–30); 2) с уровнем процветания выше среднего (рейтинг 31–71); 3) с уровнем процветания ниже среднего (рейтинг 72–112); 4) с низким уровнем процветания (рейтинг 113–142).

К самым процветающим относятся государства западной цивилизации (топ-5 самых процветающих стран: Норвегия, Швейцария, Дания, Новая Зеландия, Швеция). Самыми неблагополучными считаются государства, расположенные южнее Сахары, и страны ближнего Востока и Северной Африки (топ-5 самых неблагополучных стран: Бурунди, Чад, Гаити, Афганистан, ЦАР).

Россия в 2015 г. занимала 58-ю позицию и, таким образом, входила в группу стран с уровнем процветания выше среднего. Среди 40 стран Европы она по уровню процветания находится на 9-м месте с конца. Хуже, чем в России, дела обстоят в Черногории (60-е место), Белоруссии (63-е место), Македонии (65-е место), Украине (70-е место), Сербии (73-е место), Албании (83-е место), Боснии и Герцеговине (86-е место), Молдавии (92-е место). Среди стран СНГ Россия находится на 3-м месте, немного уступая в мировом

3. http: www.prosperity.com

рейтинге процветания лишь Казахстану (56-е место) и Узбекистану (57-е место).

«Слабыми местами» России являются государственное управление, безопасность и личные свободы (106-е, 91-е и 111-е места в мировом рейтинге). Наиболее всего наша страна преуспела в области образования (29-е место). Остальные показатели относятся к среднему уровню.

В 2015 г. Россия значительно улучшила свой рейтинг процветания (после существенного падения в 2014 г.) на 10 пунктов по сравнению с 2014 г. и на 4 пункта по сравнению с годом начала исследования – 2009 г. (для сравнения: 2009 – 62, 2010 – 63, 2011 – 59, 2012 – 66, 2013 – 61, 2014 – 68, 2015 – 58). Такая динамика была обусловлена улучшением в области социального капитала, управления и личных свобод, которые были вызваны, преимущественно, улучшением субъективных показателей. Например, доля одобряющих действия правительства по сравнению с 2014 г. увеличилась на 27%, доверие к армии выросло на 13%, выборам – на 21, судам – на 9%.

Индекс социального прогресса (Social Progress Index)

Индекс социального прогресса разработан некоммерческой организацией *Social Progress Imperative*, впервые представлен в 2013 г. на шестом форуме министров ООН [11] и рассчитывается в соответствии с 12 аспектами, которые определяют социальный прогресс с точки зрения таких компонент, как основные человеческие потребности (ОЧП) (питание и базовое медицинское обслуживание, вода и санитария, приют, личная безопасность), основы благополучия (ОБ) (здоровье, устойчивость экосистемы, доступность основных знаний, средств информации и коммуникации) и возможности (В) (личные права, свобода и выбор, толерантность и интеграция, доступ к расширенному образованию). Итоговое число показателей, лежащих в основе всех аспектов, составляет 54 [3].

В соответствии с индексом 133 страны распределены по шести группам: 1) с самым высоким уровнем социального прогресса (88,36–86,42); 2) с высоким уровнем социального прогресса (84,68–77,38); 3) с уровнем социального прогресса выше среднего (74,8–67,10); 4) с социальным прогрессом ниже среднего (66,34–55,33); 5) с низким уровнем социального прогресса (53,96–43,31); 6) с очень низким уровнем социального прогресса (41,04–31,42).

Десять стран, входящих в топ-10 государств с самым высоким уровнем социального прогресса: Норвегия (88,36), Швеция (88,06), Швейцария (87,97), Исландия (87,62), Новая Зеландия (87,08), Канада (86,89), Финляндия (86,75), Дания (86,63), Нидерланды (86,5), Австралия (86,42). Как правило, эти страны имеют высокие показатели по всем трем аспектам индекса:

средняя оценка компонент ОЧП – 94,77, ОБ – 83,85 и В – 83,07. Очевидно, что высокие показатели в области основных человеческих потребностей, а также большей части основ благополучия и возможностей являются ключевыми для обеспечения высокого уровня социального прогресса. Тем не менее даже у лидирующих в плане социального прогресса стран существуют нерешенные проблемы. Например, почти все страны данной группы имеют низкие показатели устойчивости экосистем – в среднем лишь 66,08.

Завершает рейтинг социального прогресса группа, состоящая из восьми стран с очень низким его уровнем, представляющих в основном государства южнее Сахары: Эфиопия (41,04), Нигер (40,56), Йемен (40,30), Ангола (40,00), Гвинея (39,60), Афганистан (35,40), Чад (33,17), ЦАР (31,42). Здесь средняя оценка показателей, составляющих ОЧП – 38,46, ОБ – 48,55 и В – 26,05. Очевидно, что крайняя нищета и низкий уровень социального развития идут рука об руку. Тем не менее эта группа показывает, что экономическое развитие не гарантирует социальный прогресс. Например, Ангола занимает 129-е место в рейтинге социального прогресса с индексом 40,00, хотя ее ВНП на душу населения довольно высок – 7488 долл. Следует отметить, что в данной группе стран (так же как и в предыдущей, с низким уровнем социального прогресса) средняя оценка показателей, составляющих основные человеческие потребности, ниже, чем основ благополучия. Это говорит о том, что они еще не достигли уровня экономических ресурсов, которые позволили бы обеспечить основные человеческие потребности.

Россия, так же как и большая часть других стран бывшего СССР (за исключением прибалтийских государств), входит в четвертую группу по величине индекса социального прогресса (71-е место с индексом 63,64). И при этом наша страна значительно отстает по уровню социального развития не только от государств, имеющих схожие экономические показатели (Малайзия (46-е место), Латвия (33-е место), Чили (26-е место), Хорватия (37-е место), Венгрия (32-е место), Чехия (22-е место), Эстония (23-е место), Литва (35-е место), Польша (27-е место), Греция (34-е место)), но и от многих стран бывшего СССР (таких как Грузия (60-е место), Армения (61-е место), Украина (62-е место), Беларусь (66-е место), Молдова (70-е место)). Хуже, чем в России, ситуация обстоит только в Азербайджане и странах Средней Азии (Казахстане, Узбекистане, Таджикистане, Киргизстане).

К «сильным» сторонам России можно отнести удовлетворение основных человеческих потребностей, а самыми «слабыми» являются основы благополучия и, особенно, возможности.

Из всех компонент, которые составляют аспект основных человеческих потребностей, самые хорошие показатели в России наблюдаются в таких областях, как питание и базовое медицинское обслуживание (45-е место), а самые плохие – в области личной безопасности (107-е место), что обуслов-

лено высокими уровнями политического террора (119-е место), восприятия преступности (94-е место), смертности в результате ДТП (81-е место), убийств (77-е место). Из компонент, относящихся к основам благополучия, наша страна наиболее преуспела в области доступа к основным знаниям (34-е место), а наибольшее отставание наблюдается в области здоровья (131-е место), что связано с высокими уровнями суицидов (128-е место), смертности от неинфекционных заболеваний (128-е место) и смертности, обусловленной загрязнением атмосферного воздуха (117-е место). Из компонент, составляющих аспект возможностей, Россия демонстрирует хорошие показатели в области доступа к расширенному образованию (2-е место), но существенно отстает в области личных прав (122-е место), толерантности и включенности (114-е место), а также личных свободы и выбора (90-е место).

* * *

Краткий обзор международных рейтингов качества жизни (благополучия) и места России в них позволяет сделать следующие выводы. Рейтинги существенно различаются в зависимости от методики построения индекса, от выбора индикаторов благополучия. Россия относится к странам с высоким качеством жизни, занимая 50-е место из 187 стран, в соответствии с расчетами Индекса развития человеческого потенциала, но в то же время попадает в группу стран с качеством жизни ниже среднего, находясь на 122-м месте из 151 страны в соответствии с Индексом счастливой планеты и на 71-м месте из 133 стран в соответствии с Индексом социального прогресса. Основные проблемы, оказывающие влияние на качество жизни россиян, связаны со здоровьем (высокий уровень суицидов, смертности от неинфекционных заболеваний, низкая самооценка здоровья), личной безопасностью (высокий уровень восприятия преступности, смертности в результате ДТП, убийств), экологическим загрязнением. Использование при построении индекса качества жизни таких показателей, как толерантность к национальным и сексуальным меньшинствам, мигрантам, а также оценки международными организациями состояния гражданских прав и свобод, приводят к существенному снижению рейтинга качества жизни в России.

Литература

1. Айвазян С.А. Анализ качества и образа жизни населения. – М.: Наука, 2012.

2. Бобков В.Н., Масловский-Мстиславский П.С. Качество жизни: Концепция и измерение. – М.: ВЦУЖ,1998.

3. Кислицына О.А. Новый подход к измерению качества жизни – индекс социального прогресса: Место России в мировом рейтинге // Проблемы современной экономики. – 2015. – № 3 (55). – С. 126–129.

4. Abdallah S., Michaelson J., Shah S., et al. Happy Planet Index: 2012 Report. A global index of sustainable well-being. – London: NEF, 2012. – Mode of access: http://www.happyplanetindex.org/assets/happy-planet-index-report.pdf

5. Afsa C., Blanchet D., Marcus V., et al. Survey of Existing Approaches to Measuring Socio-Economic Progress. Paper for the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. – Insee-OECD, 2008. – Mode of access: http://www.insee.fr/fr/publications-et-services/dossiers_web/stiglitz/doc-commission/Survey_of_Existing_Approaches_to_Measuring_Socio-Economic_Progress.pdf

6. Diener E., Seligman M. Beyond money: Toward an economy of well-being // Psychological Science in the Public Interest. – 2004. – N 5 (1). – P. 1–31.

7. Easterlin R.A. Building a Better Theory of Wellbeing // IZA Discussion Paper. – 2003. – N 742. – P. 1–56.

8. Gallup Inc., Healthways Inc. State of global well-being. Results of the Gallup–Healthways Global well-being index, 2014.

9. Jahan S., et al. Human Development Report 2015: Work for Human Development. – New York: United Nations Development Programme, 2015. – Mode of access: http://report.hdr.undp.org/

10. Nordhaus W., Tobin J. Is growth obsolete? / In: Nordhaus W. and Tobin J. (Eds.). Economic Research: Retrospect and Prospect. – NBER, Volume 5: Economic Growth, 1972. – Mode of access: http://www.nber.org/chapters/c7620.pdf

11. Porter M.E., Sterns S., Green M. Social progress index 2015. – Washington: Social Progress Imperative, 2015. – Mode of access: http://www.socialprogressimperative.org/system/resources/W1siZiIsIjIwMTUvMDUvMDcvMTcvMjkvMzEvMzI4LzIwMTVfU09DSUFMX1BST0dSRVNTX0lOREVYX0ZJTkFMLnBkZiJdXQ/2015%20SOCIAL%20PROGRESS%20INDEX_FINAL.pdf

12. Seligman M. E.P. Flourish: A visionary new understanding of happiness and well-being. – New York: Simon & Schuster, 2011.

13. Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. – Paris: The Commission, 2009. – Mode of access: http://www.communityindicators.net/system/publication_pdfs/9/original/Stiglitz_Sen_Fitoussi_2009.pdf?1323961027

Н.В. Фейт, Э.Я. Шейнин

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ СО СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Фейт Надежда Владимировна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН.

Шейнин Эдуард Яковлевич – кандидат экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН.

Социально-экономическая трансформация в странах бывшего социалистического содружества сопровождалась в 1990-е годы разрушением хозяйственных связей и резким спадом экономического обмена России с восточноевропейскими партнерами. Вовлечение стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) в процессы экономической и политической интеграции в евроатлантические структуры ослабили конкурентные позиции России и стран данного региона на взаимных рынках. На фоне усиления позиций западных стран на европейском рынке повысилась уязвимость российского присутствия в экономике стран ЦВЕ. Возникла необходимость достижения договоренностей с Евросоюзом о соблюдении режима Сообщества, в том числе и в отношениях России со странами – его членами (таможенного режима, норм товарообмена, в том числе по отраслям).

На развитие экономических отношений России и стран ЦВЕ отрицательно влияют особенности современной политико-экономической ситуации. Напряженность в политических отношениях России с рядом стран ЦВЕ, экономические трудности в обоих регионах, падение спроса на различные группы товаров, стремление Евросоюза либерализовать рынок энергетических ресурсов в Европе, диверсифицировать источники поступления энергоресурсов в страны ЕС и, наконец, введение в 2014 г. Западом экономических санкций против России негативно отразились на темпах роста российской экономики. Он снизился до 1,3% в 2014 г. и до 0,6% в 2015 г. Отношение к экономическим санкциям среди стран ЦВЕ неоднозначно. Здесь нет

единства позиций. Однако, будучи членами ЕС или готовясь к вступлению в него, они вынуждены подчиняться этим решениям.

Динамика и структура экономического обмена России и стран ЦВЕ

В динамике взаимного экономического обмена с начала 1990-х годов и до конца десятилетия отразилось изменение курса во внешнеэкономической политике стран ЦВЕ. С подписанием договоров об ассоциировании с ЕС и вступлением их в силу в 1995 г. экспортные поставки стран ЦВЕ в ЕС к 2000 г. выросли в 2,3 раза, в Россию – сократились вдвое. Четыре пятых российского экспорта приходилось на топливно-сырьевые товары. Отрицательный дисбаланс в торговле России и стран ЦВЕ за этот период вырос вдвое и составил более 72% всего объема товарооборота [13].

В 2001–2008 гг. активному расширению внешнеэкономических связей стран ЦВЕ способствовал устойчивый рост экономики. Внешнеторговый оборот этих государств, рассчитанный в евро, увеличился за эти годы в 2,8 раза, стран, вступивших в ЕС, – в 2,9 раза. Товарообмен с Россией также заметно вырос – в 2,7 раза[1].

Наметилась тенденция к постепенному снижению роли их взаимной торговли [21]. Доля стран ЦВЕ в российском товарообороте в 2001–2008 гг. снизилась с 15,5 до 12,3% (в экспорте – с 18,5 до 14,5%, в импорте сохранилась на уровне 7–8%). В товарообороте стран ЦВЕ доля России сократилась, соответственно, с 6,4% в начале века до 4,8% в 2008 г. Тем не менее растущий рынок России (в 2001–2008 гг. ВВП РФ вырос в 4 раза) становился одним из наиболее привлекательных для стран ЦВЕ вследствие своей географической и традиционной значимости.

Кризис 2008 г. и сложная экономическая ситуация в России и в странах ЦВЕ внесли коренные изменения в динамику и балансирование взаимного развития экономического обмена. Товарооборот РФ (в долл.) с ними в 2009 г. сократился на 44%. Выход из кризиса наметился в 2010–2011 гг., когда заметный рост товарообмена (на 68% за два года) несколько стабилизировал ситуацию. К 2012 г. дали положительные результаты усилия стран, направленные на освоение российского рынка. Их экспорт в Россию в 2012 г. вырос на 9%, в 2013 г. еще на 4%, создавая благоприятные предпосылки для дальнейшего продвижения.

Углубление глобального экономического кризиса и неприкрытая экономическая блокада России со стороны западных стран, развернутая под предлогом участия России в украинском кризисе, вовлечение восточноевропей-

1. Товарооборот в долларовом выражении увеличился в 3,6 раза.

ских стран в противостояние с Россией резко изменили возможности для экономических отношений России со странами ЦВЕ.

Негативные последствия этой войны испытывают и страны ЦВЕ, утратившие возможности продвижения на российский рынок, как из-за разрушения преимуществ, созданных присоединением России к ВТО, так и особенно от введения эмбарго на ввоз в Россию ряда товаров в ответ на санкционную политику. Разрушены шансы на достижение компромиссных решений в вопросах сотрудничества в энергетике, таможенно-тарифном регулировании, в правилах визового режима.

В итоге изменилась динамика развития торговли России со странами Восточно-Европейского региона. Рост товарообмена, связанный с преодолением кризиса 2009 г., сменился неустойчивым процессом развития связей между ними. Произошло дальнейшее снижение доли торговли стран ЦВЕ с Россией (до 5,6% в 2014 г.). В российском товарообороте на страны ЦВЕ приходилось только 11% его объема. Восстановление торгового обмена в 2010–2011 гг. несколько улучшило ситуацию, но не обеспечило основы для стабильного его развития. Падение товарообмена РФ со странами ЦВЕ наметилось уже в 2012 г. и достигло максимального уровня в 2015 г. (табл. 1). Объем торговли России с ними составил в 2015 г. 53,2 млрд долл. против 86,1 млрд долл. в 2014 г. и против 93,2 млрд долл. в 2008 г. Падение товарооборота в 2015 г. достигло 39,8%, в том числе российского экспорта – на 36,5%.

Таблица 1

ДИНАМИКА ТОВАРООБОРОТА РОССИИ СО СТРАНАМИ ЦВЕ (в %)

	Среднегодовой прирост за 2001–2008 гг.	*Среднегодовой прирост за 2010–2011 гг.*	*Годовой прирост снижения к предыдущему году*		
			2012	*2013*	*2014*
Все страны ЦВЕ					
товарооборот, всего	17,2	29,0	-1,0	2,2	-8,2
экспорт РФ	14,9	30,4	-7,7	1,4	-8,8
импорт РФ	28,2	28,1	9,1	4,0	-6,9
Страны ЦВЕ – члены ЕС					
товарооборот, всего	17,3	29,2	-1,2	2,4	-8,6
экспорт РФ	15,0	30,2	-5,1	1,5	-9,2
импорт РФ	28,8	27,1	9,2	4,5	-7,2

Источник: Расчет по данным Таможенной статистики внешней торговли РФ.

Российский экспорт неизменно остается определяющим фактором развития торгового обмена России с регионом. До настоящего времени на него приходится до 70% его объема. К 2008 г. положительное сальдо российской

торговли со странами ЦВЕ составляло 46,3 млрд долл., что в 2,1 раза превышало встречные поставки товаров, объем которых вырос по сравнению с 2000 г. в 10 раз. К 2014 г. показатель превышения сальдо в пользу РФ над поставками из стран ЦВЕ в Россию снизился до 1,2 раза, в 2015 г. – повысился до 1,5 раза.

Показательно, что до 2014 г. товарообмен России со странами ЦВЕ сохранял увеличение даже в условиях стагнации всего внешнеторгового оборота страны, как это имело место в 2013 г. Заметный спад произошел в 2014 г., когда товарообмен с регионом упал на 8,2%, вследствие снижения цен на основные товары внешней торговли России на рынках ЦВЕ, падения курса рубля, затруднившего продвижение товаров и услуг на российский рынок, сокращения спроса в странах ЦВЕ в условиях глобального кризиса, введения санкций в отношении России, к которым присоединились страны ЦВЕ, и российского эмбарго на ввоз сельхозпродукции из этих стран. Неблагоприятные последствия для отношений России со странами ЦВЕ имеет и отказ от проекта «Южный поток». Обрушение торговли в 2015 г. свидетельствовало о нарушении возможностей развития связей.

При всем наличии разных проблем, определяющих динамику российских связей с Восточно-Европейским регионом, объединяющим страны мотивом их развития, остается стремление укрепиться на российском рынке. Со стороны руководства ряда стран, на уровне глав правительств (Венгрия, Чехия, Словакия) выражается нежелание жертвовать возможностями бизнеса в России [10].

Активность восточноевропейских стран, преимущественно членов ЕС, в вопросах продвижения товаров и услуг в Россию позволяла им постепенно решать проблемы балансирования внешнеторгового обмена с Россией. Показатель покрытия импорта этих стран из России экспортными поставками свидетельствовал о тенденции улучшения их внешнеторговой позиции во взаимоотношениях с Россией: 2000 г. – 13,7%, 2008 – 32,9, 2013 – 42,9, 2014 г. – 45,1%. Однако пока наиболее успешные результаты балансирования внешнеторгового обмена обеспечивают отношения с партнерами из Евросоюза. В совокупном товарообороте стран ЦВЕ покрытие импорта экспортом достигло в 2014 г. 98,8% [15].

Претерпела коренные изменения структура взаимного экономического обмена под влиянием трансформации в экономике и политике стран. В отличие от развития связей стран ЦВЕ на внешнем рынке на основе углубления кооперационных связей с западноевропейскими компаниями, отношения с Россией все более приобретали характер межотраслевого торгового обмена, углубляя противоречия интересов по мере роста структурных различий. Коммерческий подход к определению взаимных поставок обеспечил повышение доли энергоносителей в российском экспорте.

Поставки нефти и газа повысили долю товарной группы «Топливо и минеральные продукты» в структуре российского экспорта к 2000 г. до 75%, а к 2008 г. – до 90%, чему в этот период способствовал рост цен на энергоносители. Для стран ЦВЕ, испытывающих прессинг долговых обязательств, значение этого фактора постоянно повышалось, определяя политику стран на энергетическом рынке. Россия поставляла в Восточно-Европейский регион около 45 млн т нефти и более 30 млрд $м^3$ газа. Половина поставляемой в регион нефти направляется в Польшу, половина газа – в Польшу и Венгрию. На страны ЦВЕ приходится 15,6% объема поставок группы минеральных продуктов в структуре экспорта РФ.

Проблема обеспечения стран ЦВЕ энергетическими ресурсами является одной из наиболее актуальных.

Произошли заметные изменения в структуре потребления энергоресурсов (табл. 2). В странах ЦВЕ растет доля нефти (исключение – Болгария), доля природного газа (за исключением Литвы) падает, значение угля в энергетическом балансе повысилось в Болгарии, Польше и Словакии, отмечается рост (хотя и не везде значительный) доли атомной энергии (за исключением Румынии). Сказывается стремление стран ЦВЕ диверсифицировать структуру потребления энергоресурсов.

Таблица 2

СТРУКТУРА ПОТРЕБЛЕНИЯ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ В РЯДЕ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (в %)

	Нефть		*Природный газ*		*Уголь*		*Атомная* энергия*	
	2013	*2014*	*2013*	*2014*	*2013*	*2014*	*2013*	*2014*
Болгария	21,6	21,2	14,4	13,4	35,3	36,3	19,2	20,1
Венгрия	28,2	30,0	40,3	37,5	11,2	11,0	17,0	17,5
Литва	45,6	46,3	42,1	45,6	5,3	3,7	–	–
Польша	24,2	24,9	15,2	15,4	56,7	55,2	–	–
Румыния	25,8	26,7	34,7	31,4	17,8	17,2	7,9	7,7
Словакия	21,3	23,3	28,4	22,0	20,7	22,7	21,3	23,3
Чехия	20,4	22,5	18,3	16,6	39,4	39,1	16,8	16,9

Источник: Global Energy Statistics. 2015; расчеты авторов.

* Без других возобновляемых источников энергии.

Далеко не все страны ЦВЕ располагают сколько-нибудь существенными совокупными запасами топливно-энергетических ресурсов. Преимущественно за счет импорта покрываются потребности большинства стран в нефти, природном газе (за исключением Румынии) и атомной энергии. Только для рассматриваемой группы стран, по нашим расчетам, импорт нефти составляет примерно 54 млн т; природного газа – 33,6 млн т в нефтяном эквиваленте.

Исключение составляет уголь, потребление которого за счет собственного производства в значительной мере покрывается во многих странах.

Энергетическая составляющая играет важную роль и в экономическом взаимодействии России и стран Центральной и Восточной Европы. По-прежнему, поставки нефти и газа из России покрывают основную часть (более 50%) потребности стран ЦВЕ в топливно-энергетических ресурсах. Кроме того, Россия осуществляет транзитом через эти страны до 75–80% своего экспорта энергоресурсов [12]. Экономика Латвии, Литвы, Словакии, Эстонии практически полностью зависит от российского газа, Венгрия, Польша, Чехия – на 2/3 и более. Для России – это рынок сбыта и источник доходов от экспорта энергоносителей.

Сокращение размеров потребления природного газа основной группой стран ЦВЕ, начавшийся процесс либерализации рынка энергоресурсов, стремление Евросоюза диверсифицировать импорт энергоресурсов и ослабить монопольное положение российских компаний на рынке нефти и газа привели к уменьшению доли России в импорте энергоресурсов.

Не все страны ЦВЕ поддерживают нынешнюю энергетическую политику ЕС, стремясь защитить свои интересы. Но, будучи членами ЕС, они вынуждены придерживаться основных принципов энергетической политики Евросоюза, выполнять решения Еврокомиссии. Снижение зависимости страны от импорта российских энергоресурсов, как одна из задач, зафиксировано, например, в «Основных направлениях энергетической политики Венгрии на период 2007–2020 гг.» [1].

Основным поставщиком природного газа в страны ЦВЕ остается российский «Газпром». По газопроводу «Союз» российский газ поставляется в Венгрию, Румынию, Словакию, Словению и Чехию, а также обеспечивает транзит в Западную Европу. Но под влиянием энергетической политики ЕС идут поиски альтернативных путей транспортировки природного газа.

Среди новых проектов – газопровод Nord Stream-2. Между «Газпромом» и рядом европейских энергетических компаний подписано обязывающее акционерное соглашение о его строительстве. В этом блоке «Газпром» будет владеть контрольным пакетом акций, англо-голландская компания *Shell*, немецкие компании *E.On* и *Wintershall*, австрийской *OMV* получат по 10%, французская компания *Engie* – 9%. Новая труба мощностью 55 млрд $м^3$ в год может полностью избавить «Газпром» от необходимости транзита газа через Украину. Система соответствует европейскому законодательству и Третьему энергетическому пакету ЕС. Однако против строительства газопровода Nord Stream-2 выступили Польша и Словакия. Но как заявил еврокомиссар по политике соседства и расширению Йоханнес Хан: «Для Европы важно сохранить конкурентоспособность и энергобезопасность, однако…

также важно соблюдать законодательные нормы Евросоюза и тех инфраструктурных проектов, которые им соответствуют» [4].

Поставки нефти в страны ЦВЕ осуществляют Россия, Азербайджан, государства Африки, другие регионы мира. По поставкам нефти в Европу Россия занимает второе место после стран – экспортеров Ближнего Востока. Растет объем транспортировки нефти танкерами, важной остается и роль европейских нефтепроводов «Дружба», Баку – Тбилиси – Джейхан, Одесса – Броды, несмотря на то что в последние годы были выведены из эксплуатации участки нефтепровода «Дружба» в направлении Латвии и Литвы и сокращен транзит через Белоруссию в Польшу и Германию, через Украину в Венгрию, Словакию и Чехию.

Актуально развитие сотрудничества с ними в создании энергетической инфраструктуры. В Болгарии, например, функционирует крупнейший на Балканах НПЗ, принадлежащий нефтеперерабатывающему и нефтехимическому комбинату «ЛУКОЙЛ България». Компания «ЛУКОЙЛ», располагая в Венгрии 74 АЗС и одной оптовой базой, контролирует 6,1% венгерского рынка нефтепродуктов.

Проводя курс на диверсификацию структуры энергетического баланса, ряд стран, например Болгария, Венгрия, Словакия, Чехия, уделяет внимание повышению роли атомной энергетики в обеспечении потребностей в энергоресурсах.

В общем объеме потребляемых энергоресурсов на долю атомной энергии в 2014 г. приходилось в Болгарии 21,2%, Словакии – 25, Венгрии – 17,7, в Чехии – 17%. На повестке дня – модернизация АЭС, строительство новых блоков и продление срока их эксплуатации. Однако по ряду причин участие России ограничено.

Условия осуществления экспорта энергоносителей активно влияют на позиции России на восточноевропейском рынке. Страны ЦВЕ, как члены ЕС, так и кандидаты на вступление, применяют Специальный режим Сообщества в торговле энергетическими товарами, в том числе положения единой газовой директивы (третий энергопакет). Предлагается разработать концепцию создания единого энергетического рынка, что находит активную поддержку в Польше, Румынии, Болгарии.

Развитие отношений России со странами ЦВЕ требует поиска компромиссов не только с отдельными странами, но и с органами Евросоюза. Ситуация последних лет не создает для диалога благоприятных условий. Низкая заинтересованность восточноевропейских партнеров в расширении роли российского энергетического бизнеса способствует активной поддержке странами европейской энергетической политики. Набирает силу тенденция к снижению спроса на энергоносители. Доля их в импорте стран из России снижается, в том числе под влиянием снижения мировых цен на нефть, хотя

и остается исключительно высокой. О снижении потребностей в импорте газа из России в связи с падением производственного спроса заявили Венгрия, Словакия, Румыния, Польша.

В отличие от тенденции формирования структуры российского экспорта в восточноевропейские страны, структура торговли стран ЦВЕ с Россией испытала со вступлением в ЕС влияние политики активного продвижения на российский рынок готовых промышленных изделий. Одновременно ухудшались условия для встречных российских поставок продукции промышленной переработки из-за обострения конкуренции в условиях открытого европейского рынка, слабых возможностей российского машиностроительного комплекса и разрушения прежних кооперационных связей.

Конкурентами российских экспортеров в регионе стали не столько местные производители, сколько крупные западные фирмы и транснациональные компании, которые постепенно заняли ведущие позиции в поставках электроники, вычислительной техники, транспортных средств. На этом фоне доля машинотехнических изделий в российском экспорте до 2008 г. постоянно снижалась, свидетельствуя о вытеснении России с рынка стран ЦВЕ в обмене продукцией промышленной переработки.

С момента вступления стран ЦВЕ в ЕС в 2005 г. и до кризиса 2009 г. российский экспорт машин и оборудования вырос на 55%, но оставался ниже уровня 2000 г. в 1,8 раза. За этот же период поставки машиностроительной продукции из стран ЦВЕ в Россию выросли в 8 раз, что увеличило их долю в экспорте в Россию с 25 до 60% [11].

Экономический кризис 2009 г. и современная санкционная политика заметно осложнили структурные трансформации во взаимоотношениях стран. Среди отраслей, определяющих экспортный потенциал восточноевропейских стран для российского рынка, стали транспортное машиностроение, производство промышленного оборудования. Высокотехнологичная продукция, на которую могут распространяться санкции, в поставках в Россию практически отсутствует. Скорее российские изделия высокотехнологического уровня испытывают сопротивление продвижению на восточноевропейский рынок (в атомной энергетике, в военно-технических областях).

В 2014 г. импорт машиностроительной продукции из стран ЦВЕ в Россию в 10 раз превышал встречные российские поставки. Значимость российского рынка как для машиностроителей, так и для потребителей машиностроительной продукции в странах ЦВЕ чрезвычайно мала. На Россию приходится около 5% (в 2014 г. – 5,3%) общего объема их экспорта машиностроительной продукции (в Польше, Чехии и Венгрии, которые обеспечивают половину поставок машин в Россию, – 3,8%). Встречный импорт машинотехнической продукции из России в 2014 г. составил 0,6% ввоза этой группы товаров на восточноевропейский рынок.

Среди других товарных позиций, обеспечивающих развитие товарообмена между Россией и странами ЦВЕ, важную роль играют поставки в Россию химической продукции и металлопродукции.

Мировая практика свидетельствует, что наиболее эффективную географическую и товарную структуру торговли определяют взаимосвязанные производства, характерные для отраслей высокого и среднего технологического уровня. Отношения России со странами ЦВЕ не отвечают требованиям этой глобальной тенденции. Как свидетельствуют данные таблицы 3, в экспорте России, несмотря на некоторое снижение, более 4/5 приходилось на топливо и минеральные продукты, несколько увеличилась доля химических товаров. В импорте к 2014 г. преобладали товарные группы машин, оборудования и транспортных средств, а также химпродуктов (более 70%). При этом если доля машиностроительных изделий увеличилась в 2014 г. по сравнению с 2005 г. в 2 раза, то в импорте химической продукции наблюдалась понижательная тенденция. Что касается продовольствия, в последние два года (2015–2016) импорт его сохранился в связи с введением эмбарго России в ответ на санкции Запада.

Таблица 3

СТРУКТУРООПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ТОВАРНЫЕ ГРУППЫ ВНЕШНЕТОРГОВОГО ОБМЕНА РОССИИ СО СТРАНАМИ ЦВЕ – ЧЛЕНАМИ ЕС (в % к объему экспорта и импорта)

	Экспорт РФ				*Импорт РФ*			
	в страны ЦВЕ – члены ЕС (7)		*в страны ЦВЕ – члены ЕС (11)*		*из стран ЦВЕ – членов ЕС (7)*		*из стран ЦВЕ – членов ЕС (11)*	
	2005	*2008*	*2008*	*2014*	*2005*	*2008*	*2008*	*2014*
Топливо и минеральные продукты	89,4	90,3	88,6	85,0	0,5	0,4	0,7	0,9
Машины, оборудование, транспорт	2,0	1,7	2,0	2,2	25,9	60,0	56,4	51,5
Химические продукты	3,2	3,6	3,6	5,8	28,0	16,9	16,9	20,5
Текстиль и другие продукты пром. переработки	0,1	0,03	0,05	0,15	2,4	1,9	2,7	3,4
Металлы, металлопродукция	3,1	3,5	3,5	3,4	5,4	5,2	5,3	5,1
Продовольствие	0,08	0,1	0,4	1,2	15,3	6,9	8,8	10,4

Источник: Таможенная статистика внешней торговли РФ 2005 – с. 699–703, 2008 – с. 307–345; 2014 – с. 327–367.

Участие российских компаний в развитии экономики стран ЦВЕ

Для России, заинтересованной в освоении рынков в странах ЦВЕ, перспективным направлением остается создание плацдарма широкого экономического и научно-технического сотрудничества. Чистый товарообменный подход сегодня снижает потенциал сотрудничества. Реальная интеграция национальных экономик может успешно продвигаться лишь на основе прямых хозяйственных связей предприятий и организаций России и стран ЦВЕ. Стремление именно к такому взаимодействию предприятий наблюдается в обоих регионах.

После резкого снижения в 2012 г. темпов роста валового национального продукта в ряде стран ЦВЕ в 2014 г. он заметно вырос: общий реальный ВНП 13 стран ЦВЕ и Балтии увеличился на 2,4% (в 2012 г. – на 0,8%), в том числе в Болгарии на 1,7% (в 2012 г. – на 0,5%), Венгрии – на 3,6 (1,5), Македонии – на 3,8 (0,5), Польше – на 3,4 (1,8), Румынии – на 2,8% (0,6%) [16]. Экономический рост в 2014 г. по сравнению с 2012 г. отмечался в Словении и Словакии. Снижение темпов роста наблюдалось в странах Балтии, хотя и сохранилось их положительное значение. По оценкам Capital Economics, прогнозируется дальнейший экономический рост во многих странах региона. Наряду с основными факторами, влияющими на динамику экономики, снижение цен на нефть, восстановление европейской экономики, адекватная экономической стадии проводимая в отдельных странах ЦВЕ политика правительств, положительную роль сыграла и программа денежного стимулирования ЕЦБ, которая привела к снижению процентных ставок. Но, по оценкам экспертов МВФ, возможно, ключевую роль сыграло повышение внутреннего спроса в странах Центральной и Восточной Европы. В первом квартале 2015 г. темп роста потребительских расходов в Восточной Европе оказался самым высоким с 2008 г. [3]. Развитие внутреннего спроса – весьма актуальная задача для региона. Начала восстанавливаться, хотя и медленно, инвестиционная активность. Несколько оживился приток иностранного капитала, преимущественно из экономически развитых стран ЕС. Объем накопленных прямых иностранных инвестиций в 15 странах ЦВЕ за 2009–2014 гг. увеличился на 23,2%. Наибольший рост достигнут в Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии, Словакии, Чехии. Прямые инвестиции из России в страны ЦВЕ в течение 2012–2014 гг. выросли только на 8,3%.

Определенное восстановление экономического роста обусловливает потребности стран ЦВЕ в развитии энергетики, металлургии, производстве телекоммуникационного оборудования, продукции ряда отраслей машиностроения, в частности атомного энергомашиностроения, фармацевтической и пищевой промышленности, сельского хозяйства, инфраструктуры, строи-

тельства и туризма, банковской сферы, открывает и для российских компаний возможности активизации экономического сотрудничества.

Однако сегодня роль российских компаний в развитии экономики стран ЦВЕ едва заметна. В общей сумме притока прямых иностранных инвестиций в эти страны на долю российских приходится около 4%. Сложившееся в течение 1950–1980-х годов их экономическое и научно-техническое сотрудничество фактически было разрушено в начале 1990-х годов и до начала 2000-х годов не являлось приоритетом внешнеэкономической политики руководства России. Вступление стран ЦВЕ в ЕС означало разворот вектора их внешнеэкономических связей на Европу, что не могло не повлиять на инвестиционные потоки между Россией и странами ЦВЕ, что видно из данных таблицы 4. В большинстве стран динамика прямых инвестиций из России была неустойчивой, особенно после 2009 г. Лишь в Латвии, Эстонии и некоторых республиках бывшей Югославии наблюдалось их некоторое поступательное движение.

Таблица 4

ДИНАМИКА ПРЯМЫХ ИНВЕСТИЦИЙ РОССИИ В СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И БАЛТИИ, млн долл. США

	2008	*2009*	*2010*	*2011*	*2012*	*2013*	*2014*
Болгария	441	261	319	522	716	554	308
Босния и Герцеговина	55	287	94	104	149	78	123
Венгрия	542	1789	48	-2724	67	155	67
Латвия	166	78	147	328	348	568	513
Литва	57	64	49	66	28	46	-66
Польша	-50	13	-2	30	-2	73	31
Республика Македония	0	0	0	1	3	1	3
Румыния	25	39	196	-96	-1	-101	-1
Сербия	11	609	208	372	63	-39	-42
Словакия	29	7	11	19	49	32	28
Словения	9	2	3	10	18	29	101
Хорватия	75	13	23	103	31	71	111
Черногория	173	85	117	160	185	173	187
Чешская Республика	319	142	360	337	265	340	277
Эстония	29	11	21	30	85	120	149
Итого	1881	3400	1594	-738	1937	2100	1789

Источник: www.cbr.ru/statistics/

Прямые инвестиции России в страны ЦВЕ осуществляются в форме участия в капитале их компаний. Существенно сократилась доля долговых инструментов (кредитов).

В последние годы растет внимание российских деловых кругов к венгерскому рынку, к инвестициям на территории этой страны. По данным Министерства национального развития Венгрии, в стране действует 2,3 тыс. совместных предприятий с участием российского капитала. Суммарный объем накопленных российских инвестиций в Венгрии – свыше 3 млрд долл. [20]. Интенсифицировалось инвестиционное сотрудничество между Россией и Македонией. Совокупные инвестиции России составили около 300 млн долл. В настоящее время насчитывается более 30 македонских предприятий с российским участием в капиталовложениях [5]. В деловых связях российских и чешских предприятий инвестиционное сотрудничество играет незначительную роль.

Благоприятный политический фон сформировался для углубления экономического сотрудничества России и Сербии, для расширения инвестиционных связей в выполнении перспективных проектов. Российские компании участвуют в обеспечении энергетической безопасности и развитии транспортной инфраструктуры, стабилизации финансовой системы страны.

Конкретные примеры экономических связей России с отдельными странами ЦВЕ позволяют выявить структурные направления этих связей.

В структуре прямых инвестиций российских компаний в страны ЦВЕ выделяются энергетический сектор, операции с недвижимостью. Присутствие российского капитала особенно ощутимо в энергетике. Речь идет об участии российских предприятий в развитии нефтяной промышленности, электроэнергетики, прежде всего атомной. Участие российского капитала в развитии нефтяной отрасли происходит путем развертывания сети автозаправочных станций на территории Болгарии, Венгрии, Македонии, Хорватии.

Определенный интерес для российских компаний представляет реализация инвестиционных проектов в атомной энергетике. Так, в соответствии с утвержденной правительством Венгрии долгосрочной национальной стратегии развития энергетики планируются замена действующих блоков и строительство новых энергоблоков на Пакшской АЭС. Специализированные российские компании во главе с ГК «Росатом» участвуют в расширении этой станции и строительстве двух новых энергоблоков. Проект официально одобрен Еврокомиссией. Сотрудничество между Россией и Венгрией включает также поставки ядерного топлива нового поколения, комплектующих и запасных частей, оборудования предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, хранения и вывоза отработанного ядерного топлива, подготовки и обучения специалистов [20].

Атомная энергетика занимает приоритетное место в экономических связях России и Чехии. Реализуются долгосрочные контракты по оказанию российскими предприятиями технического содействия в работе двух АЭС – «Дукованы» и «Темелин». АЭС укомплектованы реакторами российской конструкции. В соответствии с подписанными контрактами для АЭС поставляется из России ядерное топливо. Формированию производственной базы российского атомного энергомашиностроения способствует приобретение компании Skoda JS (инжиниринг и производство оборудования для АЭС) и создание совместного предприятия «Alvel» с участием российских и чешских производителей оборудования для АЭС [6].

Российские компании в Македонии расширяют сотрудничество в нефтегазовой и горнодобывающей отраслях. Эта сфера сотрудничества становится все более перспективной. Российские и македонские компании, проектные организации и строительные фирмы получают необходимую поддержку государственных органов двух стран при проведении тендеров по модернизации, реконструкции и строительству новых мощностей в области электроэнергетики и использования возобновляемых источников энергии. В частности, на основе контракта, подписанного между ОАО «Силовые машины» и компанией «ELEM» (Македония) осуществляется производство энергооборудования для модернизации энергоблоков ТЭС «Битола» [5].

Другими перспективными областями сотрудничества России со странами ЦВЕ с учетом их интересов являются добывающая промышленность, атомное энергомашиностроение, металлургия, транспорт, сельское хозяйство, строительная индустрия. Так, производство телекоммуникационного оборудования, некоторые отрасли машиностроения, пищевая промышленность, строительство – объекты продолжающегося сотрудничества компаний России и Хорватии [7].

Отдельные страны проявляют интерес к развитию связей в высокотехнологичных отраслях. Так, Соглашение о сотрудничестве между российско-венгерским совместным предприятием ООО «Наново» и венгерской фирмой ООО «Амазон» предусматривает производство товаров широкого потребления с использованием российских нанотехнологий [2].

Среди актуальных проблем, требующих своего решения, – финансирование заключаемых деловых контрактов. Учитывая сложное финансовое положение в экономиках и стран ЦВЕ, и России, ее решение весьма затруднено. Многое зависит от позиций правительств стран. Государственная финансовая поддержка – необходимое условие успешного выполнения проектов. Например, для вступления соглашения между Будапештским транспортным предприятием и российской компанией ОАО «Метровагонмаш» о реконструкции подвижного состава третьей линии метро в Будапеште было заключено дополнительное соглашение о финансовом обеспечении проекта. В конце

августа 2015 г. правительство Венгрии одобрило выделение кредита в размере 60 млрд форинтов (примерно 200 млн евро) и предоставило государственные гарантии. Финансовые средства на реализацию проекта предоставил консорциум в составе банков OTP, Erste, UniCredit, K&H, MKB [19].

Острота проблем финансирования совместных проектов может быть ослаблена путем привлечения банковского капитала. Заметна активизация в странах Центральной и Восточной Европы крупных российских банков. Решение руководства Сбербанка России и Внешэкономбанка вложить свои средства в капитал венгерских компаний тому подтверждение. Так, Сбербанк приобрел 100% акций австрийского банка Volksbank International AG. Австрийский банк располагает филиалами во многих странах ЦВЕ. Внешэкономбанк владеет значительной долей акций крупнейшего венгерского комбината черной металлургии в Дунайвароше. Готовность некоторых российских банков вкладывать капитал в решение проблем развития экономики стран ЦВЕ помогло бы обеспечивать заключенные соглашения необходимыми финансовыми ресурсами и продвигать российский капитал на рынки этих стран [8].

Существующие трудности в развитии предпринимательства в России подталкивают российские компании к вложению своих финансовых ресурсов в зарубежную экономику. Страны ЦВЕ в этом отношении весьма перспективный регион. Однако низкий технологический и инновационный потенциал промышленности России, несоответствие выпускаемой продукции техническим стандартам Евросоюза затрудняют конкурентную борьбу российских компаний с западноевропейскими коллегами за рынки стран Центральной и Восточной Европы. Солидный барьер на пути продвижения российского капитала в Восточно-Европейский регион – установленный Еврокомиссией запрет на инвестиции в инфраструктурный, транспортный, телекоммуникационный и энергетический секторы экономики России, добычу нефти, газа и минералов, оказание финансовых и страховых услуг.

Политика стран ЦВЕ в вопросах освоения российского рынка

В последние годы отмечается некоторое снижение экономической активности восточноевропейского бизнеса в России. Об этом наглядно свидетельствует, прежде всего, динамика прямых инвестиций из стран ЦВЕ в Россию. Согласно данным статистики, с 2012 по 2015 г. чистый приток прямых инвестиций в российскую экономику снизился примерно на 30%, размеры участия восточноевропейских стран в капитале российских компа-

ний сократились за этот период наполовину[2]. Частный бизнес стран ЦВЕ фактически теряет свои позиции на российском рынке. Рост коснулся лишь кредитных отношений.

У ряда восточноевропейских компаний в России накоплен определенный капитал. Так, в экономике России функционируют 1,2 тыс. СП с участием компаний Венгрии и России. Суммарный накопленный объем венгерских инвестиций в России – около 2 млрд долл. [8]. По данным Банка Литвы и Департамента статистики Литвы, прямые инвестиции литовских компаний составили в 2012 г. 94,1 млн евро, в 2013 г. – 81,5 млн евро. Накопленные прямые инвестиции Болгарии в России выросли с 1,0 млн евро в 2009 г. до 1,8 млн евро в 2013 г. [22].

Но партнерство предприятий стран ЦВЕ в России возможно в совместных проектах, которые не подпали под санкции. Например, в производственной сфере России работают совместные предприятия с участием венгерских, македонских компаний, капитала других стран ЦВЕ. Общая стоимость объектов, построенных, строящихся и намечаемых к строительству в Российской Федерации при содействии венгерских фирм в рамках межрегионального сотрудничества, оценивается к настоящему времени в 2 млрд евро. В течение 2014 г. продолжалось участие венгерских компаний в реализации на территории Российской Федерации инвестиционных проектов в области жилищного строительства, объектов социальной инфраструктуры, здравоохранения, пищевой промышленности и аграрного сектора. Венгерская фармацевтическая компания ОАО «Гедеон Рихтер» построила в Московской области завод по производству лекарств и объекты инфраструктуры, а также владеет почти 81% акций отечественного предприятия ОАО «Акрихин». Совокупные инвестиции упомянутой венгерской компании в отечественную экономику превышают 150 млн долл.

Банк «ОТП» (ОАО «Венгерская сберегательная касса и коммерческий банк») вложил свыше 0,5 млрд долл. в российские «Инвестсбербанк» и «Донской народный банк». В настоящее время банк «ОТП» устойчиво входит в число 50 наиболее крупных финансовых институтов Российской Федерации, а по отдельным показателям находится в группе лидеров (например, по розничному кредитованию).

Российский и латвийский бизнес прилагает все усилия, чтобы сохранить уже существующие проекты. В докладе Министерства иностранных дел Латвии по внешней политике и вопросам ЕС отмечается, что развитие событий на Украине и состояние отношений ЕС – Россия продолжает влиять на атмосферу российско-латвийских двусторонних отношений. Несмотря на это

2. www.cbr.ru/statistics/

продолжается необходимое сотрудничество в решении важных для Латвии вопросов, особенно на уровне экспертов и отраслей [23]. Президент Латвийской Торгово-промышленной палаты Гунтарс Страутманис привел результаты опроса бизнесменов Латвии, который показал, что деловые круги этой страны по большей части недовольны сложившейся ситуацией и выступают за скорейшее восстановление отношений с Россией [24].

Македонские предприниматели все чаще инвестируют свои средства в Россию преимущественно в производственную сферу, где работает десяток совместных предприятий.

Несмотря на отдельные примеры участия компаний ряда стран ЦВЕ в российской экономике, налицо снижение инвестиционной активности восточноевропейского бизнеса в России.

Проблемы взаимного экономического сотрудничества

С начала 2000-х годов в российской внешнеэкономической политике определенное место занимают страны Центральной и Восточной Европы. Но постепенное восстановление экономических связей с государствами региона и их динамичное развитие сдерживается на протяжении последних 15 лет рядом факторов. К ним относится общая экономическая ситуация в России, ее неопределенность в ближайшем будущем, существующий деловой климат (высокие административные барьеры, коррупционность российской бюрократии, слабая правовая защита собственности, неэффективная судебная система). По этим причинам многие иностранные компании решили сворачивать работу в России. Сложившаяся отраслевая структура российской экономики, низкая конкурентоспособность товаров существенно ограничивают возможности включения в экспорт России промышленных товаров высокой степени обработки, которые могли бы успешно конкурировать на рынках Европы и других регионов. Ограничен доступ иностранных компаний (включая и компании стран ЦВЕ) к государственным заказам.

Несмотря на существующие проблемы компании стран ЦВЕ не оставляют желания работать в России, укрепиться на российском рынке. Эти настроения поддерживаются руководством ряда стран ЦВЕ. Так, главы правительств Венгрии, Сербии, Словакии, Чехии неоднократно выражали нежелание жертвовать упущенными возможностями бизнеса в России [10]. Для них экономическая выгода ставится выше политических интересов. Более оптимистично воспринимают экономическую ситуацию в России компании, относящиеся к медицине и фармацевтике. Финансовые и энергетические компании настроены в основном негативно. Резервы роста взаимных экономических связей сторон имеются в осуществлении проектов в отраслях обрабатывающей промышленности, в строительстве, сельском хозяйстве и др.

Многое зависит и от перспектив развития экономики стран ЦВЕ. В то же время в ряде стран сохраняется проблема ликвидности, что ограничивает финансовые возможности компаний работать на зарубежных рынках. К этой группе причин можно отнести, как мы уже отмечали, и внешнеэкономическую политику стран ЦВЕ, их ориентацию преимущественно на европейский рынок.

Под влиянием санкций осложнились условия деятельности российских компаний в странах Центральной и Восточной Европы. Европейским финансовым организациям и компаниям запрещено выдавать кредиты или приобретать доли в проектах, которые затронуты секторальными санкциями, покупать или продавать новые облигации, акции или подобные финансовые инструменты со сроком обращения более 90 дней, выпущенных российскими банками с преобладающим участием государства, банками развития, их дочерними учреждениями.

Санкции против России, введенные Вашингтоном и Евросоюзом, не всеми странами ЦВЕ поддерживаются безоговорочно. По мнению экс-премьера правительства Чешской Республики Р.М. Тополанека, антироссийские санкции ведут к потере странами ЦВЕ российского рынка. В конечном счете, по его словам, санкции «приведут к усилению напряженности в Европе» [18]. Более откровенно эту точку зрения разделяет и В. Длоуш, бывший министр экономического развития Чехии: «Санкции – проявление беспомощности. Наши фирмы должны удерживать контакты с русскими партнерами там, где политики не видят перспектив сотрудничества… Европейские фирмы теряют в России рынки, на которые с восторгом ринутся экспортеры из других частей света» [9].

На российско-болгарском бизнес-форуме, проходившем в Москве в мае 2015 г. с участием около 100 компаний из Болгарии и России, министр экономики Болгарии Божидар Лукарски заявил: «Большой интерес к настоящему форуму свидетельствует о категорически выраженном желании представителей бизнеса из двух стран продолжить активные отношения в экономической области и преодолеть негативные тенденции. Болгаро-российские экономические отношения имеют особую важность для нашей страны, и мы готовы поддержать совместные инициативы, которые способствовали бы динамичному развитию двустороннего сотрудничества». По его словам, несмотря на европейские санкции и российские контрмеры, двусторонние экономические отношения продолжают развиваться на хорошем уровне. Во время форума был подписан меморандум о сотрудничестве между болгарским Агентством поощрения малых и средних предприятий и московской ассоциацией предпринимателей [9].

В изменившихся условиях в мире экономические интересы диктуют необходимость более гибкого подхода к решению проблем сотрудничества

стран ЦВЕ с Россией в различных областях экономики. Назревшая задача для России – повернуться лицом к активизации экономического сотрудничества с ней. Понимание актуальности этой задачи встречается и в политических кругах стран ЦВЕ. Оживление в деятельности межправительственных комиссий по экономическому и научно-техническому сотрудничеству тому подтверждение. Активизировалось взаимодействие торгово-промышленных палат России со странами ЦВЕ, деловых советов и деловых клубов. Очевидны области взаимных интересов России и стран Центрально-Восточной Европы. Это солидный потенциал и база для двустороннего сотрудничества между агентами рынков России и стран ЦВЕ. Оценка почти 70-летнего многогранного опыта деятельности СЭВ могла бы послужить положительным примером налаживания широкого экономического и научно-технического взаимодействия. Нужна четкая стратегия развития взаимных связей с регионом даже на среднесрочную перспективу.

Перспективам сотрудничества России и стран ЦВЕ серьезный ущерб наносит политизация экономических отношений. Ухудшение атмосферы взаимодействия России с ЕС, пролонгация экономических санкций Запада против России сохраняет риски торможения взаимного экономического сотрудничества, так как обострение отношений России с ЕС неизбежно отражаются на характере ее отношений с ЦВЕ. Поэтому политическое урегулирование отношений ЕС с Россией на основе переговоров, поиски компромиссов могут помочь преодолевать возникающие противоречия, устранять существующие барьеры на пути развития экономического и внешнеторгового сотрудничества между Россией и странами Центральной и Восточной Европы.

Литература

1. Волотов С.О. Россия в энергетической политике Венгрии / В сб. статей «Энергетическая безопасность. Геополитические аспекты энергодиалога России и ЕС. Часть II. Вестник научной информации. 2009. № 2. – М.: ИЭ РАН, 2009. – С. 151, 154, 155.

2. Волотов С.О., Волотов О.Г. Россия – Венгрия. Глава в монографии «Россия и Центрально-Восточная Европа: Взаимоотношения в 2011–2013 гг. – М.: ИЭ РАН, 2014. – С. 135, 136.

3. Джогсон, Стив. Нефтяное ускорение // Ведомости. – 2015. – 11 июня. – С. 5.

4. Евросоюз проанализирует необходимость «Северного потока-2» // Ведомости. – 2015. – 8 декабря. – С. 11.

5. Князев Ю.К. Россия – Македония. Глава VI в монографии «Россия и Центрально-Восточная Европа: Взаимоотношения в 2011–2013 гг.» / Кол. авторов; отв. ред. И.И. Орлик. – М.: ИЭ РАН, 2014. – С. 147.

6. Копытина М.О. Россия – Чехия. Глава в монографии «Россия и Центрально-Восточная Европа: Взаимоотношения в 2011–2013 гг.». – М.: ИЭ РАН, 2014.

7. Милованов В.С. Россия – Хорватия. Глава в монографии «Россия и Центрально-Восточная Европа: Взаимоотношения в 2011–2013 гг.». – М.: ИЭ РАН, 2014.

8. РБК. www.hungar y-nn.ru/id=223

9. РИА Новости. 2015. 29 мая.
10. Россия и Центрально-Восточная Европа: Взаимоотношения в 2011–2013 гг. / Кол. авторов; отв. ред. И.И. Орлик. – М.: ИЭ РАН, 2014. – С. 77, 78.
11. Россия и Центрально-Восточная Европа: Трансформации в конце XX – начале XXI в. Т. 2. – М.: Наука, 2005. – С. 68–70.
12. Фейт Н.В. Встраивание Центрально-Восточной Европы в мировой торговый обмен. Глава в монографии «Россия и Центрально-Восточная Европа: Взаимоотношения в 2011–2013 гг.» / Кол. авторов; отв. ред. И.И. Орлик. – М.: ИЭ РАН, 2014. – С. 77, 78.
13. Countries in Transition 2002. – P. 311.
14. Dl only V. Ruski nesmime vyklidit pozici // HN.2014.18srpna
15. Eurostat Datebase 24.06.2015.
16. Eurostat table // ec.europa.cu/eurostat/tgm/table do?
17. Global Energy Statistics. 2015.
18. Hospodářské noviny. 2014. 27 zazi.
19. Népszabadság. 2015. 4 szeptember.
20. Világgazdaság. 2015. 11 szeptember.
21. WIIIW Handbook of Statistics 2009. – P. 276.
22. www.ved.gov.ru
23. www.mixnews.lv/ru/politics/news/2015-12-12/191113
24. www.tppf.ru/ru/news

Т.В. Соколова

СОЦИАЛЬНЫЕ ИТОГИ НЕЗАВИСИМОГО РАЗВИТИЯ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ (К 25-летию образования СНГ)

Соколова Татьяна Владимировна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики РАН.

Путь независимого развития длиной в 25 лет, пройденный бывшими советскими республиками, оказался в социальном плане гораздо более сложным, тяжелым и непредсказуемым, чем представлялось на старте радикальных социально-экономических преобразований. «Немногие специалисты могли предсказать, что процесс перехода к рыночной экономике и демократической форме правления будет проходить столь бурно и достанется столь высокой ценой с точки зрения благосостояния отдельных людей, особенно в странах нового Содружества независимых государств (СНГ)» [23, с. 183].

Распад СССР стал сродни мощному тектоническому сдвигу, который коренным образом изменил некогда единый социальный ландшафт, положив начало длительному переходу от социалистической плановой экономики к свободной рыночной. Исследователи отмечают, что за истекшую четверть века преобразований ни одной из стран СНГ так и не удалось преодолеть рубеж перехода ни в геоэкономическом, ни в геополитическом, ни в социальном плане [7, с. 23–24].

И первое (критически важное), и второе десятилетие реформ не увенчались в регионе успехом в социально-экономическом развитии. Более того, «…произошедшие в 1990-е годы изменения в национальных экономиках новых независимых государств под влиянием трансформационных и геополитических шоков вызвали глубокую деиндустриализацию, отбросили их на периферию мировой экономики, вернули с точки зрения уровня социально-экономического развития на десятилетия назад» [4, с. 24]. В 1995 г., в конце первой пятилетки реформ, ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (ППС) в ряде стран (Грузии, Таджикистане, Азербайджане

и Молдавии) составлял лишь 35–45% предреформенного уровня, в наименьшей степени этот показатель упал в Белоруссии, Казахстане и России (70–74% от уровня 1990 г.). В Узбекистане снижение хотя и было незначительным (всего на 20 процентных пунктов), однако происходило на фоне исходно крайне низкого значения этого показателя в 1990 г. Наиболее глубокий экономический спад затронул Грузию и Армению. Тем не менее Армении уже к середине 90-х годов удалось переломить ситуацию за счет внешних кредитов и помощи, радикализации курса реформ, высоких налогов, ограничения и без того низких доходов населения, блокирования реального сектора экономики, сокращения социальной инфраструктуры [17, с. 84; 26, с. 48, 49].

Второе десятилетие реформ «в еще большей степени усилило различия государств по уровню, целям и ресурсам развития. Сильно изменившаяся экономика обеспечила им по многим параметрам место в нижней части списка стран мирового сообщества» [4, с. 33]. Вплоть до середины 2000-х годов реальный размер ВВП на душу населения оставался в большинстве из них гораздо ниже дореформенного уровня: за исключением Белоруссии, России и богатого нефтью Казахстана, ВВП на душу населения в пересчете на ППС не достигал и 5 тыс. долл. США. Тем не менее и в этой группе стран-лидеров не была проведена кардинальная диверсификация экономики, они до сих пор зависят от добычи и экспорта сырья. На Кавказе в начале 2000-х годов ВВП на душу населения был ниже половины от предшествовавшего переходному периоду уровня.

Эти данные отражают зарегистрированные (без учета результатов хозяйственной деятельности в неформальном секторе) изменения в объеме производства. Соответственно, они могут как завышать истинные масштабы падения производства, так и занижать темпы последующего экономического роста. В начале 2000-х годов доля неформального сектора в ВВП Армении достигала 45%, в Азербайджане – 60, Грузии – 66, Киргизии – 39, Молдавии – 44 и Узбекистане – 33%. Несмотря на сложности сопоставления объемов производства до и после преобразований (поскольку неизвестно, какими были истинные масштабы теневой экономики), можно констатировать резкое падение объема производства и доходов на душу населения в регионе СНГ [23, с. 183, 184, 185].

После завершения острой фазы финансового кризиса 1998 г. материальное и социальное благополучие населения все равно улучшалось крайне медленно. В условиях крайней нищеты находились около 50 млн человек. И хотя на фоне экономического роста доля населения, живущего за чертой бедности, ощутимо сократилась (исключение составила только Армения), существенного снижения степени неравенства в доходах так и не произошло (табл. 1).

Таблица 1

ДИНАМИКА УРОВНЯ БЕДНОСТИ И НЕРАВЕНСТВА ДОХОДОВ

Страны	*Уровень бедности*			*Коэффициент неравенства доходов Джини*		
	2005 г.	*2010 г.*	*2014 г.*	*2005 г.*	*2010 г.*	*2013 г.*
Азербайджан	15,8[4]	9,1	6,0[7]	0,17	0,34[5]	…
Армения	27,6[5]	35,8	30,0	0,36	0,31	0,32
Белоруссия	12,7	5,2	4,8	0,28	0,28	0,28
Казахстан	31,6	6,5	2,8	0,30	0,29	0,26
Киргизия	39,9[3]	33,7	30,6	0,38	0,30	0,46
Молдавия	29,0	21,9	11,4	0,36	0,32	0,29
Россия	17,8	12,5	11,2	0,41	0,41	0,42
Таджикистан	…	…	32,0	0,34[2]	0,31[6]	…
Туркмения	…	…	…	…	…	…
Узбекистан	…	17,7	…	0,35[1]	…	…
Украина	12,7[4]	8,6	8,6	0,29	0,25	0,25
Грузия	20,1[4]	21,0	14,8[7]	0,40	0,42	0,40

[1] 2003 г.; [2] 2004 г.; [3] 2006 г.; [4] 2007 г.; [5] 2008 г.; [6] 2009 г.; [7] 2012 г.

Составлено по: The World Bank (Data Sets) http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI; http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.NAHC

Официальная статистика, к сожалению, далеко не всегда дает точное представление об уровне реальной бедности. Это связано как с определенными методологическими трудностями, так и с тем, что официально установленная черта бедности (величина прожиточного минимума) может быть значительно ниже уровня, необходимого для обеспечения устойчивого социально-экономического развития. По мнению экспертов, реальные масштабы бедности в Казахстане существенно выше официальных данных (2,8%) и находятся в пределах 10–20% общей численности населения [2, с. 112]. По данным Института демографии и социальных исследований НАН Украины, в 2014 г. к бедным относилась почти треть украинцев, а в первом полугодии 2015 г. этот показатель составил уже 53,5% и имел устойчивую тенденцию к росту[1].

В странах СНГ наблюдается громадный разрыв в размере доходов богатых и бедных. Относительно низкий коэффициент Джини на Украине (0,25 в 2013 г.) обманчив и, к сожалению, свидетельствует о «равенстве в нищете» на фоне тотальной бедности украинцев. По данным Росстата, в середине 1990-х годов разница в достатке 10% самых обеспеченных россиян и 10% наименее состоятельных составляла 13,5 раз, а в 2013 г. – уже более чем 16 раз. Если опираться на данные независимых исследователей, то значение

1. Демоскоп Weekly. 2016. № 675–676, 22 февраля – 6 марта. – http://demoscope.ru/weekly/2016/0675/panorm01.php#8

коэффициента Джини 0,42, которое приводит Росстат по состоянию на 2013 г., занижено как минимум в 2 раза. Сотня самых богатых россиян контролирует 30% богатства страны, в то время как на долю 10% самых бедных не приходится и 2% [15, с. 24].

Столь большой разрыв в доходах богатых и бедных является основой напряженности в обществе (усиливает чувство социальной несправедливости), влечет за собой неравенство возможностей, особенно в области образования и здравоохранения, а также приводит к увеличению смертности и падению рождаемости. В Армении, Белоруссии, Молдавии, России и Украине завершился процесс демографического перехода[2]. Уровень рождаемости не обеспечивает даже простого замещения населения, для которого необходимо как минимум 2,1 рождения на одну женщину. В Азербайджане, Казахстане, Киргизии, Таджикистане, Туркмении и Узбекистане также постепенно набирает силу общемировая тенденция к уменьшению рождаемости и увеличению среднего возраста населения, хотя все еще и сохраняются высокие показатели воспроизводства населения (табл. 2).

Таблица 2

ОБЩИЕ КОЭФФИЦИЕНТЫ РОЖДАЕМОСТИ И СМЕРТНОСТИ (на 1000 человек населения)

Страны	*Число родившихся*				*Число умерших*			
	1990	*2000*	*2010*	*2014*	*1990*	*2000*	*2010*	*2014*
Азербайджан	26,0	14,8	18,5	18,1	6,0	5,9	6,0	5,9
Армения	22,0	9,0	13,8	14,3	8,0	6,3	8,6	9,2
Белоруссия	14,0	9,4	11,4	12,5	11,0	13,5	14,4	12,8
Казахстан	22,0	14,8	22,5	23,1	8,0	10,1	8,9	7,6
Киргизия	29,0	19,7	26,8	27,7	7,0	6,9	6,6	6,1
Молдавия	19,0	10,2	11,4	10,9	10,0	11,3	12,3	11,1
Россия	13,0	8,7	12,5	13,3	11,0	15,4	14,2	13,1
Таджикистан	40,0	27,0	29,4	27,8	10,0	4,7	4,4	4,0
Туркмения	35,0	24,0	22,0	21,0	9,0	8,0	8,0	8,0
Узбекистан	34,0	21,3	23,0	23,3	6,0	5,5	5,0	4,9
Украина	13,0	7,8	10,8	10,8	12,0	15,3	15,2	14,7
Грузия	17,0	8,9	14	14,0	9,0	9,1	11,0	12,0

Источники: [34; 35; 36, с. 282].

The World Bank (Data Sets): http://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.CBRT.IN; The World Bank (Data Sets): http://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.CDRT.IN

2. Демографический переход – исторически быстрое снижение рождаемости и смертности, в результате чего воспроизводство населения сводится к простому замещению поколений. Этот процесс является частью перехода от традиционного общества (для которого характерна высокая рождаемость и высокая смертность) к индустриальному.

Сокращение общей численности населения, но с меньшей интенсивностью, чем в предыдущие годы, по-прежнему характерно для Белоруссии, Молдавии и Украины. Улучшение демографической ситуации происходит здесь в основном за счет снижения естественной убыли населения, вызванной как повышением рождаемости, так и снижением смертности. В Азербайджане, Белоруссии, России и Украине положительным фактором выступает миграционный прирост, а в Молдавии – сокращение миграционного оттока. В России в 2013 г. миграционный и естественный прирост способствовали увеличению численности населения страны на 320 тыс. человек.

Контрасты социального, в том числе демографического, ландшафта постсоветского пространства неизбежно усиливают потоки трудовой миграции. В 2015 г. в Таджикистане, Киргизии, Казахстане и Узбекистане (по данным за 2014 г.) был наиболее выражен вектор предпочтений стран региона СНГ. В Армении, напротив, произошел значительный спад ориентаций населения на трудовую миграцию в страны СНГ – с 38% от числа опрошенных в 2014 г. до 28% в 2015 г. Слабая положительная динамика наблюдалась в Казахстане и Киргизии. На Украине, в Грузии, Молдавии, Армении, Белоруссии и России растет интерес к странам Евросоюза [15, с. 41].

Для стран-доноров миграция играет позитивную роль благодаря денежным переводам и получению мигрантами новых навыков и знаний. По данным исследования Института общественного мнения Гэллапа, мигранты из Таджикистана и Киргизии очень ценят приобретенный опыт работы в России, 39% смогли в результате получить на родине более высокооплачиваемую работу после возвращения [41, с. 69]. Денежные переводы трудовых мигрантов вносят существенный вклад в нивелирование неравенства, частично блокируют расширение бедности, снижая тем самым социальную напряженность.

Так, на протяжении последнего десятилетия в Таджикистане, где около 60% населения живут за чертой бедности (менее чем на 2 долл. США в день на человека), для очень многих домохозяйств доля годового потребления, обеспечиваемая денежными переводами мигрантов, превышает 35%, а для бедных семей – 50%. В период с 1991 по 2011 г. в более чем половине таджикских домохозяйств были члены семей, выезжавшие для работы за границу. Таджикистан лидирует на постсоветском пространстве и по доле денежных переводов в ВВП (48%), значителен этот показатель и в Киргизии (31%). По оценкам Всемирного Банка, в Киргизии за счет роста денежных переводов и трудовой миграции удалось сократить уровень бедности населения с 68% в 2003 г. до 37% в 2013 г. [20, с. 5]. Кроме того, денежные переводы трудовых мигрантов являются и важными стартовыми условиями для реализации предпринимательского потенциала населения. Более половины домохозяйств в Таджикистане готовы вложить средства, полученные от трудовой мигра-

ции, в открытие и развитие собственного дела: каждый четвертый респондент хочет открыть магазин или торговую точку на рынке, около 8% хотят купить автомобиль, который можно использовать для заработка, еще 6% готовы открыть небольшое производство, 3% – кафе или ресторан [30, с. 15].

Однако снижение в последние годы темпов экономического роста в странах, принимающих трудовых мигрантов (главным образом в России), привело к резкому сокращению объемов денежных переводов мигрантов, ограничило рост потребления на уровне домохозяйств и многократно усилило их уязвимость в отношении бедности. По данным Национального Банка Таджикистана, в течение первых шести месяцев 2015 г. объем денежных переводов в долларовом выражении сократился на 32% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Несмотря на то что снижение было менее резким (около 18%) в национальной валюте (сомони), потери доходов были гораздо значительнее, чем статистические данные о ВВП [12, с. 1]. Поскольку денежные переводы являются вторым по величине источником доходов домохозяйств страны, они стараются найти дополнительные каналы спроса на рабочую силу как внутри страны, так и на внешних рынках труда (помимо России и Казахстана).

В целом первая половина третьего десятилетия постсоветских реформ (2010–2015), к сожалению, пока только продолжает «историю восторженных ожиданий и упущенных возможностей» [40], в том числе и в социальном плане. Лавирование стран – соседей России между ЕАЭС и альтернативными интеграционными проектами, которые настойчиво предлагают им США, ЕС и Китай, постепенно сокращает унаследованную постсоветскими республиками взаимозависимость, «определенный уровень целостности и своего рода *“остаточную” идентичность*. Следы прошлого остались в размещении экономики и населения, транспортной сети, в широко используемых до сих пор советских технологиях, общем социокультурном и научном наследии, в существовании обширных социальных коммуникаций» [3, с. 190; 6, с. 12]. К коммуникациям, доставшимся «в наследство» от советского этапа развития, добавились новые, сложившиеся на базе потоков трудовой миграции как временного «маятникового» характера, так и связанного с переездом на постоянное место жительства (жители Киргизии и Таджикистана в России, жители Молдавии в России и Украине, граждане Узбекистана в России и Казахстане). Один из важных показателей социокультурной близости населения – непрекращающееся общение с родственниками, близкими, коллегами, находящимися в других странах. В среднем 57% респондентов в 2015 г. указали, что имеют такие связи на постсоветском пространстве [15, с. 68, 134].

По прошествии 25-летнего периода реформ приходится признать, что наименее проработанным при создании СНГ оказался именно социальный

блок реформ: «…реформаторы действовали на основе крайних государственнических либо ультралиберальных идей, не отвечавших институциональным и культурным условиям и не учитывавших интересы значительной части общества, в то время как догоняющее развитие требует общественного согласия и координации усилий государства и бизнеса» [39, с. 133]. Ставка на достижение в первую очередь быстрого экономического роста в ущерб решению социальных проблем не оправдала себя не только на постсоветском пространстве. Как справедливо подчеркивает лауреат Нобелевской премии по экономике Саймон Кузнец, если экономический рост «…сопровождается увеличением неравенства в доходах, вытекающее из этого напряжение и конфликты могут вызвать кардинальные изменения в социальной и политической организации общества» [18, с. 122]. Иными словами, нельзя начать с экономических реформ, отложив далеко «на потом» социальные и политические трансформации, без которых невозможно устойчивое экономическое развитие. Однако в регионе, как показала практика, «во многих случаях конечная цель преобразований – улучшение условий жизни простых людей – отошла на второй план под натиском императивов экономического роста» [24, с. 183]. И опыт новых независимых государств наглядно подтверждает следующий тезис: «Исчерпание прежних механизмов экономического роста и вынужденный отказ от проведения сильной социальной политики обнажает проблемы и дисбалансы сложившейся системы, оставляя человека наедине с ухудшающейся социально-экономической ситуацией…» [31, с. 43]. Об это свидетельствуют и данные об объеме ВВП на душу населения и растущей безработицы в последние годы (табл. 3).

В большинстве стран региона уровень безработицы близок или превышает социально приемлемый (не более 10–12%). Ни одной из стран так и не удалось запустить механизм вертикальной социальной мобильности. Более того, многочисленные социологические опросы, начиная с середины 1990-х годов, фиксировали нисходящий характер социальной мобильности большинства населения, следующий из сравнения респондентами своего прошлого и нынешнего социальных статусов [1, с. 109]. Не воплотился в реальность ни один из основных лозунгов, под которыми начались реформы 1990-х годов: свобода работать и зарабатывать без ограничений и открытие новых лифтов социальной мобильности через бизнес. Вместе с тем, согласно социальной теории, существует прямая взаимосвязь между условиями вертикальной мобильности для широких слоев и групп населения, с одной стороны, и оценкой ими справедливости социального устройства – с другой [10, с. 20].

Таблица 3

**ВАЛОВЫЙ ВНУТРЕННИЙ ПРОДУКТ
И УРОВЕНЬ БЕЗРАБОТИЦЫ В СТРАНАХ СНГ**

Страны	*ВВП на душу населения по ППС (долл.), 2015 г.*[*]	*Уровень безработицы*[**], *% от рабочей силы, 2014 г.*
Азербайджан	17 740	5,2
Армения	8394	17,1
Белоруссия	17 761	5,9
Грузия	9679	13,4
Казахстан	25 877	4,1
Киргизия	3427	8,1
Молдавия	5039	3,4
Россия	24 451	5,1
Таджикистан	2780	10,9
Туркмения	16 499	10,5
Узбекистан	5996	10,6
Украина	7916	7,7

[*] Оценочные данные.

[**] По методологии МОТ (включая численность ищущих работу самостоятельно – без обращения в службу занятости).

Источники: [13, с. 13–14; 36, с. 288–289; 25, с. 46].

The World Bank (Data Sets): http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI; http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD; http://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS; http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.NAHC

Неудачный старт реформ на постсоветском пространстве в начале 90-х годов истекшего столетия (прежде всего, приватизация и ваучеризация государственной собственности) подорвал и без того хрупкий кредит доверия населения к преобразованиям. В 2003–2011 гг. за возможность пересмотра итогов приватизации выступали от 68 до 75% россиян. При этом россияне ставят под сомнение как легитимность сложившихся за четверть века реформ прав частной собственности (80% респондентов), так и легитимность самого института (30% респондентов) [9, с. 36, 45, 48]. В 2015 г. 2/3 респондентов в РФ считали, что в результате приватизации выиграли чиновники, управленцы и представители теневого бизнеса, лишь 7% назвали себя лично и свою семью [21, с. 41].

Несмотря на то что уровень бедности в России к 2013 г. снизился до 11,2% (с 33,5% в 1992 г.), выигравшими от происходящих в стране перемен чувствуют себя только около 8% россиян, еще 14% – проигравшими. Основная масса (63%) констатирует, что в целом все осталось по-прежнему, 15% затрудняются ответить, лучше им сейчас или хуже. Поэтому различия в оплате труда сегодня воспринимаются более болезненно, чем во времена перестройки, и в несправедливости столь большого разрыва в окладах между богатыми и бедными в 2014 г. были уверены уже 41% жителей страны (по сравнению с 29% в 1989 г.). Несправедливость всего происходящего

в обществе часто или иногда ощущали 86% россиян. Причем этот показатель держится на одном уровне на протяжении всего времени проведения реформ: в 1995 г. так думали 87%. Около 62% россиян считают, что их труд оплачивается несправедливо или не всегда справедливо, и лишь 20%, что справедливо. Только половина работающих россиян (51%) полагают, что получаемое ими денежное вознаграждение (включая заработную плату, премии и т.д.) соответствует объему и сложности работы, которую они выполняют. Чувство несправедливости, несоответствия труда и вознаграждения испытывают 43% работающих, и оно тем острее, чем ниже заработная плата. Однако такая корреляция в первую очередь связана не с чувством зависти к тем, кто получает больше, а с запросом на достойную жизнь, уважение к человеку, независимо от его доходов [16, с. 25, 26].

Основные проблемные зоны социального ландшафта постсоветского пространства четко фиксируют данные опросов социологической службы Гэллапа (табл. 4).

Таблица 4

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНДИКАТОРЫ БЛАГОПОЛУЧИЯ И СТЕПЕНЬ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ (ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ НАСЕЛЕНИЕМ)

Страны	*Общий показатель удовлетворенности жизнью (полностью неудовлетворены 0, полностью удовлетворены 10) 2014*	*Удовлетворенность уровнем жизни (% удовлетворенных) 2014*	*Удовлетворенность работой (% ответивших «да») 2013*	*Удовлетворенность качеством образования (% удовлетворенных) 2014*	*Удовлетворенность качеством медицинской помощи (% удовлетворенных) 2014*	*Доверие к правительству страны (% ответивших «да») 2014*
Казахстан	6,0	66	48	46	46	60
Россия	6,0	55	48	48	38	64
Узбекистан	6,0	75	66	85	85	…
Молдавия	5,9	46	32	49	42	18
Белоруссия	5,8	49	46	48	37	51
Туркмения	5,8	92	76	77	…	…
Азербайджан	5,3	51	45	51	34	78
Киргизия	5,3	76	55	58	57	37
Таджикистан	4,9	82	67	71	60	…
Армения	4,5	31	30	49	41	21
Грузия	4,3	27	33	59	51	53
Украина	4,3	27	39	49	28	24

Источник: [42, p. 266–268].

Интересно и вместе с тем труднообъяснимо, почему уровень субъективной удовлетворенности жизнью в Узбекистане, Молдавии и Туркмении неожиданно оказался зафиксирован на отметках, близких к России, Белоруссии и Казахстану. Более того, население Таджикистана, Киргизии и Узбекистана склонно оценивать экономическое положение своей семьи более благоприятно, чем граждане Казахстана и России [41, с. 69]. Возможно, это связано с изначально низким уровнем и качеством жизни, когда даже незначительное улучшение материального положения воспринимается людьми чрезмерно позитивно. Однако есть и принципиально иные объяснения такого феномена. Так, некоторые исследователи считают, что «успех Узбекистана во многом сродни "китайскому чуду": постепенные экономические реформы с сохранением институционального потенциала государства, качественная макроэкономическая политика и экспортоориентированная промышленная стратегия» [28, с. 136].

Чрезвычайно опасно, что за годы независимого трансформационного развития в регионе была разрушена столь необходимая социальная база для экономических реформ – наблюдается острый дефицит кадровых ресурсов, отвечающих объему и сложности поставленных задач.

В странах СНГ остро стоит проблема бедности интеллектуальной элиты – «новых бедных». Резкое падение реальной заработной платы в России в начале 1990-х годов предотвратило открытый кризис на рынке труда и всплеск массовой безработицы, но привело к возникновению феномена низкооплачиваемости и бедности даже среди работающего населения. И хотя к настоящему времени риск бедности среди работающих снизился, сам феномен низкооплачиваемости не исчез даже на этапе экономического подъема и роста заработных плат в 2000–2007 гг. В настоящее время доля бедных среди работающих (11,7%) даже превышает долю бедных среди российских пенсионеров (5,3%) [11, с. 168, 172]. В воронку реальной бедности оказались втянуты высококвалифицированные и вполне конкурентоспособные, согласно мировым меркам, кадры. За два прошедших десятилетия только Россия потеряла примерно половину своих ученых. В Армении за годы реформ был практически полностью разрушен высокий образовательный и научный потенциалы. В последние годы существования СССР в республике на долю высокотехнологичных производств приходилось около 20% ВВП. В частности, Армения производила 25–30% компьютеров для нужд советского ВПК [5, с. 15].

Значительная часть высококвалифицированных специалистов вынуждена работать не по специальности, многие – за пределами страны. Вклад «креативных» (построенных на творческом труде) отраслей в экономику развитых стран составляет, по разным методикам расчета, от 25 до 35%, а в России, по самым оптимистичным оценкам, – не превышает 13% [19]. Аналогичная ситуация и в других странах СНГ. Попытки переломить ситуацию на рынке

труда региона имеют фрагментарный характер. Так, в Казахстане в «Программе занятости-2020» акцент впервые был смещен с выплаты пособий безработным в сторону выделения им целевых грантов для получения соответствующей требованиям рынка квалификации. По оценкам казахских экспертов, к 2020 г. доля высококвалифицированной рабочей силы может увеличиться в республике до 50% [23].

На постсоветском пространстве отсутствуют привлекательный рынок труда и приемлемые условия для достойной занятости. Значительная часть специалистов с высокой профессиональной подготовкой, с высшим образованием работают не по специальности, или вообще покидают пределы своей страны. Усиливается тенденция получения образования ради диплома, а не ради знаний, что наносит серьезный удар по профессиональной квалификации работников. Кроме того, существует весьма узкий сегмент рабочих мест, отвечающих инновационному типу экономики (требующих высокой квалификации, современных компетенций и, соответственно, высокооплачиваемых), что тормозит расширение среднего класса. Очевидно, без наличия человеческого капитала (образование) и определенной структуры рынка труда любые попытки стимулирования роста среднего класса только за счет наращивания доходов населения обречены на провал [22, с. 130].

В начале радикальных системных социально-экономических преобразований было общепризнанно, что для успешного перехода к рынку необходимо гражданское общество с устойчивой социальной структурой. Центральным связующим звеном такого общества должен был стать мощный средний класс. И уже сам «...факт формирования среднего класса можно рассматривать в качестве важного свидетельства и даже критерия эффективности реформ, свидетельства прочности всей системы экономических, социальных и политических институтов. И, наоборот, отсутствие среднего класса можно воспринимать как символ неудачи социально-экономических преобразований» [37, с. 9]. Наиболее выпукло это проявилось на Украине. В конце 90-х годов социологи фиксировали здесь практически полное отсутствие среднего класса [8, с. 26, 27]. Отсутствие в стране стабилизирующего ядра (среднего класса), нарастающее в обществе разочарование как в самой идее реформ, так и в способности государства обеспечить экономический прогресс, соблюдение законности и социальную стабильность и привели в итоге к политическому кризису на Украине 2013–2014 гг.

В России и Белоруссии, по данным социологических исследований, доля среднего класса незначительна – около 15–20% [32, с. 5]. Оценки субъективного благополучия и экономического положения семей свидетельствуют, что до 50% опрошенных граждан Таджикистана, Киргизии и Узбекистана относят себя к малоимущим слоям населения (в России и Казахстане таких 25–28%) [41, с. 69]. Однако, как это ни парадоксально, в Казахстане, по дан-

ным социологических опросов, свыше 40% населения относят себя к среднему классу [2, с. 109]. Очевидно, это объясняется крайне невысоким уровнем потребительских запросов населения.

Оценочная численность среднего класса может резко колебаться и чисто из-за различий в методологии его определения. Так, в России доля среднего класса варьирует от 2–3% до почти 50% населения. Согласно методике определения среднего класса, разработанной в Институте социологии РАН, в России его доля в общей численности населения составляет 42%. При этом так называемое «ядро» (наиболее стабильная с точки зрения положения и устойчивости своих позиций в обществе группа среднего класса) не превышает 16% населения в целом [38, с. 8, 11, 12]. Близкое значение этого показателя получено и в ходе эмпирических измерений, проведенных в Институте социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, при этом с начала 2000-х годов «…вся социальная структура практически не претерпела изменений: 10% населения по-прежнему относится к низшему классу, 70% составляет класс ниже среднего» [22, с. 129]. Очевидно, это связано с существенным отставанием социальной реакции от происходящих экономических изменений. Ни экономический подъем в России в начале 2000-х годов, ни пик экономического роста в 2007 г., ни открытая форма нового экономического кризиса в 2014 г. не повлияли сколько-нибудь значимо на численность российского среднего класса. Однако при этом произошли качественные изменения его состава – и это уже «совсем не верхний квинтиль позднего советского общества (особенно интеллигенция), который поддержал рыночные и демократические реформы рубежа 1980–1990-х годов, а сложный “состав” из старой номенклатуры (захватившей часть активов), различных “теневых фигур” (вплоть до представителей преступного мира), коррумпированных чиновников и новых предпринимателей» [9, с. 54]. Как справедливо отмечают эксперты, «усиление позиций среднего класса возможно лишь при условии глубокой экономической реструктуризации и создания новых рабочих мест в новых секторах и отраслях экономики, а также институтов, которые содействуют приращению человеческого капитала и реализации человеческого потенциала в России» [12, с. 186].

Социальные издержки постсоветских реформ превысили запас как материальной, так и эмоциональной прочности имевшегося в регионе «старого» среднего класса и не позволили упрочить свои позиции «новому». Так, в Белоруссии (что в полной мере относится и к другим постсоветским республикам) «…социальным итогом реформ стало не формирование процветающего среднего класса, а размывание ранее существовавших в стране средних слоев и обострившаяся поляризация общества» [33, с. 55]. В России в начале 2000-х годов «отставание» уровня жизни населения от успешности экономического развития воспринималось как «временные трудности» и положительные

сдвиги в развитии экономики страны фиксировали 34% всех россиян, а среди ядра среднего класса их число возрастало даже до 50%, в уровне жизни населения – 21 и 35% соответственно, а ухудшение экономического положения страны отмечали лишь 7–8% представителей среднего класса. В настоящее время картина принципиально обратная: 64–66% в составе среднего класса полагают, что ситуация в экономике ухудшилась и лишь 5–7%, что она улучшилась. Примерно так же думают и остальные россияне [29, с. 32].

За четвертьвековую историю постсоветского развития накопилась усталость населения от бесконечных реформ и внутренние резервы социального роста фактически исчерпаны. После распада СССР «у руководства России и ряда других стран СНГ возникла иллюзия, что … опыт международного сотрудничества государств с различными уровнями развития и социальным устройством дадут возможность сравнительно легко и безболезненно реформировать постсоветское пространство в принципиально иной глобальной среде» [14, с. 16]. К сожалению, не была проведена специальная разъяснительная кампания (сфокусированная на ценностях и интересах соответствующих социальных групп, увязывающая общие цели реформ с жизненными стратегиями людей) и до сих пор так и не удалось создать обстановку взаимного доверия, сотрудничества и веры в успех [27].

Маловероятно, что контрасты социального ландшафта региона удастся сгладить без разработки целевых государственных программ борьбы с широкомасштабной бедностью, высокой степенью доходного и имущественного неравенства, массовой безработицей. Отсутствие полноценного среднего класса, комплекс демографических и миграционных проблем, финансирование отраслей социальной сферы (образование, наука, культура, здравоохранение) по остаточному принципу – все эти социальные факторы, очевидно, и в ближайшей перспективе будут оставаться труднопреодолимыми угрозами для устойчивого экономического развития на территории бывшего СССР.

Литература

1. Аврамова Е.М., Токсанбаева М.С. Особенности занятости в России и перспективы формирования российского среднего класса как актора модернизации // Вестник Института социологии. – М., 2011. – № 3.

2. Алиев Т. Бедность в Казахстане // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2015. – № 12.

3. Вардомский Л.Б. Трансформация постсоветского пространства в контексте его меняющегося смысла / Социально-экономическое развитие постсоветских стран: Итоги двадцатилетия. – М.: ИЭ РАН, 2012.

4. Вардомский Л.Б. Экономика после распада СССР: О некоторых особенностях развития постсоветских стран / Социально-экономическое развитие постсоветских стран: Итоги двадцатилетия. – М.: ИЭ РАН, 2012.

5. Вардомский Л.Б., Пылин А.Г., Ильина М.Ю. Экономика Армении: Идеи, модели и результаты развития / Под общей ред. Л.Б. Вардомского. – М.: Институт экономики РАН, 2016.

6. Глинкина С.П. Геополитическое соперничество на постсоветском пространстве как фактор сдерживания сотрудничества в рамках СНГ / Экономическое взаимодействие стран – членов СНГ в контексте Евразийского интеграционного проекта: Сборник научных статей / Отв. ред. Л.Б. Вардомский, А.Г. Пылин. – М.: ИЭ РАН, 2015.

7. Глинкина С.П. Методология многоуровневого анализа посткоммунистических трансформаций. – М.: ИЭ РАН, 2008.

8. Головаха Е.И. Изменение социальной структуры и формирование среднего класса на Украине // Социологический журнал. – М., 1997. – № 4.

9. Григорьев Л., Кудрин А. Нерешенный вопрос легитимности частной собственности в России // Вопросы экономики. – М., 2016. – № 1.

10. Дискин И.Е. Модернизация российского общества и социальный капитал // Мониторинг общественного мнения. – М., 2003. – № 5–6 (67–68).

11. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2015 год / Под ред. Л.М. Григорьева и С.Н. Бобылева. – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2015.

12. Доклад об экономическом положении Таджикистана // Всемирный Банк. – 2015. – № 2.

13. Доходы и расходы домашних хозяйств в странах Содружества в 2013 году // Статистика СНГ (Статистический бюллетень). – 2014. – № 9 (540).

14. Зевин Л.З. О некоторых проблемах экономического пространства Евразии XXI века. – М.: Институт экономики РАН, 2015.

15. Интеграционный барометр ЕАБР – 2015 (четвертая волна измерений). – СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2015.

16. Ирсетская Е.А., Китайцева О.В. Социальная справедливость как платформа реализации жизненных устремлений россиян // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – М., 2015. – № 6.

17. Кошечкина Е.А. Региональная политика Армении // Theoretical & Applied Science (Теоретическая и прикладная наука). – Тараз, 2013. – 30 сентября.

18. Кузнец С. Экономический рост и неравенство доходов (пер. с англ.) // Пространственная экономика. – М., 2008. – № 3.

19. Кузьминов Я.И. Новая социальная политика и развитие инфраструктуры должны стать главными инструментами роста. – 2011. http://2020strategy.ru/news/32601872.html

20. Кыргызская Республика: Профиль бедности за 2013 год / Отчет N 99772-KG рабочей группы «Глобальная практика бедности. Регион Европы и Центральной Азии». Всемирный Банк. – 2015. – 21 мая.

21. Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Экспресс-информация «Как живешь, Россия?». XLIII этап социологического мониторинга, декабрь 2015 года. – М.: ФГБУН – ИСПИ РАН, 2016.

22. Малеева Т.М., Бурдяк А.Я., Тындик А.О. Средние классы на различных этапах жизненного пути // Журнал Новой экономической ассоциации. – М., 2015. – № 3 (27).

23. Можарова В.В. Система непрерывного образования взрослого населения Казахстана как фактор роста человеческого капитала. – 2011. http://www.kisi.kz/ru/categories/ekonomika-i-energetika/posts/sistema-nepreryvnogo-obrazovaniya-vzroslogo-naseleniya-

24. Обзор экономического положения Европы. – Нью-Йорк, Женева: ООН, 2004. – № 1.

25. Основные социально-экономические индикаторы бедности в странах СНГ // Статистика СНГ (Статистический бюллетень). – 2014. – № 6 (537).

26. Папава В. Экономика Грузии: В поиске модели развития // Мир перемен. – М., 2013. – № 3.

27. Полтерович В.М. Стратегия модернизации российской экономики: Система интерактивного управления ростом // Доклад на конференции «Образование, наука и модернизация». – М., 2010, 20–22 декабря. – http://www.econorus.org/onim/upload/Polterovich.ppt

28. Попов В.В. Экономическое чудо переходного периода: Как Узбекистану удалось то, что не удалось ни одной постсоветской экономике // Журнал Новой экономической ассоциации. – М., 2014. – № 1 (21).

29. Российский средний класс в условиях стабильности и кризисов. Информационно-аналитическое резюме по результатам многолетнего мониторинга. – М.: Институт социологии РАН, 2016.

30. Рязанцев С. Трудовая миграция из Центральной Азии в Россию в контексте экономического кризиса // Валдайские записки. – М., 2016. – № 55.

31. Садовая Е.С. Социально-экономические факторы этнополитической конфликтности // Полис. Политический исследования. – М., 2016. – № 4.

32. Соколова Г. Состояние и возможности развития среднего класса в Беларуси // Общество и экономика. – М., 2010. – № 7–8.

33. Соколова Г.Н. Место и роль среднего класса в стратификационной конфигурации белорусского общества // Социологический альманах (Институт социологи НАН Беларуси). – М., 2011. – № 2.

34. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015: Стат. сб. / М.: Росстат, 2003.

35. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2011: Стат. сб. / М.: Росстат, 2011.

36. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2003: Стат. сб. / М.: Росстат, 2015.

37. Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Под ред. Т. Малевой. – М.: Гендальф, 2003.

38. Средний класс в современной России: 10 лет спустя / Под общей ред. М.К. Горшкова. – М.: Институт социологии РАН, 2014.

39. Стратегия модернизации российской экономики / Отв. ред. В.М. Полтерович. – СПб.: Алетейя. – 2010.

40. Стронски П., Куинн-Джадж К. 25 лет независимой Киргизии: Пробуксовка // Сайт Московского центра Карнеги: http://carnegie.ru/2016/08/24/ru-64372/j3tx

41. Трудовая миграция и трудоемкие отрасли в Кыргызстане и Таджикистане: Возможности для человеческого развития в Центральной Азии. – СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2015.

42. Human Development Report 2015: Work for Human Development. – Washington DC: UNDP. 2015.

Е.В. Пинюгина

КНР, РОССИЯ, ГЕРМАНИЯ, КАЗАХСТАН: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПАРТНЕРСТВА*

Пинюгина Елена Викторовна – кандидат политических наук, научный сотрудник ИНИОН РАН.

Развитие украинского кризиса и присоединение Крыма к России в 2014 г. привели российскую власть к конфронтации с Западом, а введение западными странами антироссийских экономических санкций вынудило осознать необходимость смены внешнеполитических и внешнеэкономических ориентиров. Заметным успехом отечественной дипломатии в тот период стало завершение согласований по новому формату интеграции стран СНГ лидерами России, Казахстана и Беларуси и подписание ими в 2014 г. Договора о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Договор вступил в силу 1 января 2015 г., при этом в конце 2014 г. к трем первым членам ЕАЭС присоединилась Армения, а в 2015 г. – Кыргызстан.

Подписание Договора происходило в условиях обострения конфронтации с Западом. При этом изначально, еще в 2012–2013 гг., ЕАЭС виделся российскому руководству скорее инструментом конкурентоспособности в отношениях с Европейским союзом (ЕС) за степень влияния на страны СНГ, а экономическая интеграция России в Большую Европу от Лиссабона до Владивостока была основной стратегической целью, достижению которой должен был послужить привлекательный своими масштабами, составом и расположением ЕАЭС.

Такой «вспомогательный» характер ЕАЭС в приоритетных для России торгово-экономических отношениях с Европой оказался в изменяющихся

* *Статья подготовлена с помощью гранта № 16-27-21001 РГНФ «Формирование общего экономического пространства в Евразии: Исследование вопросов сопряжения строительства Экономического пояса Шёлкового пути и Евразийского экономического союза» (Международный конкурс РГНФ – Китайская академия общественных наук (КАОН) 2016 года).*

условиях недостаточным и с политической, и с экономической точек зрения. Первым пробным камнем стал конфликт России с Украиной из-за Крыма и появления пророссийских ДНР и ЛНР, спровоцировавший усиление присутствия НАТО по западному периметру границ ЕАЭС. Вторым испытанием союзнического потенциала ЕАЭС стало проведение Россией военной операции в Сирии и опасное столкновение интересов России и Турции. Партнеры по ЕАЭС не были готовы безоговорочно поддержать действия России; их осторожная позиция показала основным геополитическим акторам Евразии – США, ЕС и КНР, что ЕАЭС скорее конъюнктурное, чем устойчивое политическое образование. (Содержание публикаций в СМИ и научных изданиях государств ЕАЭС, доступных на русском языке, убеждает в обоснованности этих оценок.) Можно найти свидетельства сомнения части элит и населения стран ЕАЭС в целесообразности дальнейшего участия или, как минимум, усиления интеграции в рамках ЕАЭС. Это связано с негативным влиянием российского экономического кризиса на экономики других членов Союза и объективным сокращением возможностей России стать локомотивом инвестиций и развития в их странах. Таким образом, ЕАЭС не стал на данный момент солидарной с Россией союзнической организацией и, более того, не может в ближайшее время стать самодовлеющей силой на постсоветском пространстве.

Некоторое время страны ЕАЭС ожидали от России ответов на новые вызовы, чтобы в соответствии с ними планировать и свои действия. Российские политики заговорили о повороте на Восток, и уже в мае 2014 г. во время визита президента В.В. Путина в Китай страны подписали 30-летний контракт стоимостью 400 млрд долл. США о поставках газа из РФ в КНР в объеме 38 млрд $м^3$ в год по «восточному» маршруту, предполагающему строительство нового газопровода, который российская сторона обязалась ввести в эксплуатацию в 2018 г. В схему поворота на Восток укладывалось и подписание незадолго до украинского кризиса, в 2013 г., «Роснефтью» 25-летнего контракта на поставку в Китай нефти объемом 360 млн т, на общую сумму 260 млрд долл. С политических трибун и экспертных площадок РФ с 2013 г. не сходила тема российско-китайского партнерства, а порой и неизбежного стратегического альянса. Атмосфера ажиотажа, сопровождавшая заключение договора об энергетическом сотрудничестве, экстраполировалась российскими политиками и медиасферой на российско-китайские отношения в целом весь последующий год.

В то же время в марте 2015 г. стала доступна на русском языке одна из составляющих новой внешнеполитической повестки Китая. Это официальная концепция «Одного пояса, одного пути» (опубликована на интернет-сайте Посольства КНР в РФ под названием «Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства “Экономического пояса Шёлкового

пути" и "Морского Шёлкового пути XXI века"»[1]). Концепция содержит план действий, преследующий три цели, – выравнивание экономического развития регионов КНР, в том числе за счет вовлечения менее развитых, чем прибрежные провинции, территорий в новые создаваемые транспортные коридоры; усиление интеграции стран Центральной Азии и Китая; диверсификация маршрутов транспортировки китайских товаров в Европу. «Один пояс – один путь» объединяет два подпроекта, каждый из которых уже стал отдельным внешнеполитическим «брэндом»: Экономический пояс Шёлкового пути (ЭПШП), подразумевающий развитие сухопутных транспортных коридоров через ЦА и Россию в Европу, и Морской Шёлковый путь XXI века (МШП), соединяющий маршрутами регионы КНР через страны ЮВА с портами, откуда морские перевозки свяжут Азию с Европой и Северной Африкой. После публикации концепции сообщалось о колоссальных инвестициях КНР в первые 300 проектов ЭПШП и МШП объемом 113 млрд долл. [1, с. 1]. Российское экспертное сообщество в целом положительно расценило китайскую концепцию как явление незападной повестки дня в мировой политике, а в части ЭПШП, без глубокого знакомства с текстом, – как инициативу, укладывающуюся в логику поворота России на Восток, не учитывая, что проект, родившийся в мозговых центрах второй экономики мира, имеет прежде всего собственную логику.

Тем не менее в этот период интенсификация отношений двух стран стала очень важной для России, особенно когда страна была близка к международной изоляции, а западные партнеры отказались принять участие в мае 2015 г. в торжествах, приуроченных к юбилею Победы СССР над фашистской Германией, одержанной в составе антигитлеровской коалиции. Присутствие лидера КНР Си Цзиньпиня на Красной площади поддержало в государствах ЕАЭС надежду, что они не попадут вместе с Россией в страны-изгои. Тогда же в мае 2015 г. в Москве китайский лидер и президент РФ выступили с Совместным заявлением о необходимости рассмотрения вопросов сопряжения Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути [10, с. 1].

Прошел год с момента Совместного заявления двух лидеров. Общественность двух стран переживает бум культурно-образовательных обменов и инициатив. Исследователи и эксперты приступили к обсуждению перспектив развития отношений России и КНР, в том числе с учетом возможности сопряжения их евразийских интеграционных проектов[2]. Начавшееся интен-

1. Режим доступа: http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/aa11/t1257296.htm – Дата посещения: 18.10.2016.

2. О том, что китайская концепция «Один пояс, один путь» не ограничивается транспортно-инфраструктурными проектами, а включает сопоставимые с евразий-

сивное общение и ознакомление с публикациями в России, Китае и других странах позволяют прояснить некоторые вопросы, принципиальные для понимания перспектив и подходов КНР к сопряжению ЕАЭС и ЭПШП.

Очевидно, Китай пока не планирует заключать с Россией особенных, эксклюзивных, союзных или интеграционных соглашений ни в военной, ни в экономической сферах [7, с. 1]. При этом стратегические уступки Китаю (предложение доли в крупнейших углеводородных месторождениях, передача концессий на добычу золота и цветных металлов, значительная уступка в ценах на газ по «восточному» маршруту) часть экспертов связывала именно с надеждами на военный альянс, усиливающий позиции России в случае критического обострения конфронтации с НАТО. Чиновники и представители медиасферы связывали такие уступки с ожидавшимися встречными экономическими преференциями, которые могут быть предоставлены России в инвестиционных соглашениях с китайскими банками или предприятиями, с учетом закрытия доступа к заимствованиям на западных финансовых рынках. Вопрос, однако, в том, насколько полно и правильно Россия понимает своих китайских партнеров?

Отношения «стратегического партнерства» – этот термин звучал много раз в речах политиков высшего ранга как России, так и КНР. Но в российском политическом лексиконе этот термин интерпретируется как синоним эксклюзивности отношений РФ и КНР. Тогда как во внешнеполитической лексике КНР это один из стандартных терминов, применяемый к отношениям с большинством стран-соседей.

На важность для КНР российско-китайских отношений именно в силу соседства наших территорий, а не по причине какой-то эксклюзивной взаимной необходимости или взаимной притягательности несколько раз за последние годы указывали высшие руководители КНР [11, с. 1]. При этом с конфуцианской вежливостью они подчеркивали, что отношения наших стран находятся на небывалой высоте. Такие эмоциональные характеристики позволяют не акцентировать неравновесность экономического партнерства наших стран: с 2011 г. Китай действительно был нашим важнейшим партнером и самым крупным импортером, тогда как Россия находилась в списке торговых партнеров КНР лишь на девятом месте.

Действительность далека от преувеличенных ожиданий российской элиты, что энергетическое партнерство с КНР превратится в универсальное решение экономических и политических проблем, возникших «на западном направлении». При объективном рассмотрении внешнеполитических усилий

скими замыслами России интеграционные составляющие – см. публикации автора, где приводится разбор текста официального правительственного документа КНР о плане действий в рамках ЭПШП [5; 6].

КНР за период, совпадающий с ухудшением отношений России и Запада и ее поисками союзника на Востоке, обнаруживается наличие у Китая и других приоритетных геополитических векторов на евразийском континенте – это сотрудничество с Германией и Казахстаном.

Отношения Китая с Германией китайские и немецкие руководители с 2012 г. обозначают термином «Инновационное партнерство» (о чем сообщается на официальном сайте Правительства ФРГ[3]). Эта концепция инновационного партнерства совместно развивалась обеими странами в течение 2013 г., и ее лейтмотивом стало стремление использовать к обоюдной выгоде немецкую национальную программу цифровой модернизации промышленности «Индустрия 4.0» и близкой ей по духу китайской программы «Сделано в Китае – 2025». Судя по оценкам китайских СМИ, отношения двух стран еще в 2013 г. достигли «небывало высокого уровня»[4]. Таким образом, «небывало высокий уровень отношений» – не специальная формулировка для России, а применяемая в принципе к успешно развивающимся отношениям КНР со значимыми партнерами. При этом в официальном репортаже «Синьхуа» Ли Кэцян подчеркнул, что партнерство КНР и ФРГ не сводятся к простым отношениям купли-продажи, а предполагает сотрудничество в сферах промышленности, науки и технологий [2, с. 1]. В той же публикации сообщается, что странами подписан «План действий на ближайшие 5–10 лет», который затрагивает 110 соглашений, а еще ранее были заключены договоры о сотрудничестве в сферах торговли, инвестиций и технологий на общую сумму 18,1 млрд долл. США. Разъясняется, что соглашения нужны ФРГ и КНР как двум развитым странам, столкнувшимся с препятствиями для роста национальных экономик, поскольку прогнозировалось снижение роста экономики ФРГ за 2014 г. до 1,3%, а КНР – до 7,3%; что в результате партнерства ФРГ сможет воспользоваться огромным рынком Китая для поддержания умеренного роста, а КНР – получит возможность накопления опыта и знаний для повышения уровня своей экономики.

Надо отметить, что инновационное партнерство – не просто слоган, а парадигма, определяющая китайско-немецкий подход в том числе к чувствительным для России областям, где экономика тесно связана с политикой: так, сотрудничество в энергетической сфере построено на высокотехнологичной основе и общих интересах импортеров углеводородов. КНР участвует в инициируемой ЕС совместной программе развития новых видов энергии и низкоуглеродных технологий. Китайский премьер, выступая перед лидерами

3. https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Pressemitteilungen/BPA/2014/10/2014-10-10-aktionsrahmen-dt-chin-konsultationen.html – Дата посещения: 18.10.2016.

4. http://www.cntv.ru/2013/05/29/ARTI1369792418249629.shtml – Дата посещения: 18.10.2016.

ЕС, заявлял, что Китай и Европа – ведущие экономические международные субъекты и несут ответственность за обеспечение энергетической безопасности, защиту стабильности на мировом энергетическом рынке, что при осуществлении энергетической стратегии стороны должны стремиться к установлению безопасной, стабильной, экономичной, чистой и многообразной системы энергоснабжения [3, с. 1].

В освещении китайско-российских отношений отсутствуют аналогичные тезисы – об инновационном характере партнерства, о совместном стремлении к экономичной и чистой системе энергоснабжения. Тревожным сигналом для России следует считать и заявление китайского руководителя о совместном участии Китая и Европы в глобальном энергетическом управлении и усилении координации политики, оказать содействие созданию открытого, высокоэффективного энергетического рынка. Российская элита, продавая углеводородные ресурсы КНР и странам ЕС по долгосрочным контрактам, требующим от нее больших капиталовложений в создание трубопроводной инфраструктуры, полагает одновременное развитие проектов «для Азии» и «для Европы» достаточной страховкой от политических рисков. При этом не учитываются возможные последствия альянса ФРГ и КНР как ведущих индустриальных стран Европы и Азии, ключевой интерес которых в данном качестве – навязать свою схему ценообразования поставщикам традиционных энергоносителей, а в будущем осуществить переход к высокотехнологичной неуглеводородной энергетике.

Уверенная позиция китайской стороны по поводу неуместности переноса всех западных демократических принципов на свою почву, как выясняется, не мешает встречному стремлению Германии к партнерству, если оно обещает быть экономически выгодным и инновационным. Тем более уместно сравнить китайские характеристики сотрудничества с ФРГ и РФ.

Вот выдержки по поводу предшествующего посещению Германии Ли Кэцяня в РФ из официальной китайской прессы, согласовывающей свои комментарии с идейной линией Компартии КНР: «Россия занимает первое место в мире по территории, это мост, соединяющий Европу и Азию, поэтому российско-китайское сотрудничество является важной составной частью ЭПШП». При этом в статье ни разу не упоминается ТС или ЕАЭС – ключевые институты сопряжения интересов России с планами КНР. Случайно ли, что и в официальном документе КНР, посвященном «Одному поясу – одному пути», также не упоминаются ни ЕАЭС, ни Таможенный союз, хотя другие организации с участием России и Китая, например ШОС и БРИКС, там упомянуты? Другая китайская газета – «Ляован» тогда сформулировала примитивную суть китайско-российских отношений: «Важнейшая тема этого визита – сотрудничество в сфере энергетики, которое играет ключевую роль в отношениях России и Китая. Стоит заговорить об энергетике, как тут же на

ум приходят такие крупные совместные проекты двух стран, как строительство российско-китайского нефтепровода и газопровода» [12, с. 1].

Однако для России такие характеристики партнерства не самый желательный вариант, с учетом провозглашаемой политики импортозамещения, а значит – развития несырьевых секторов экономики.

Рассматривая в совокупности приоритеты КНР в отношениях с РФ и ФРГ и анализируя риски сделанных Россией Китаю предложений по совместному освоению крупнейших нефтегазовых месторождений и передаче контроля над ними, нельзя исключить, что часть энергетического сектора РФ может оказаться под контролем страны – импортера углеводородов, вдобавок имеющей экономическую взаимозависимость с другим евразийским импортером – ФРГ. КНР, подписывая соглашения о координации политики на энергетическом рынке с ЕС, может опосредованно, используя «необходимость считаться с нормами ЕС», через некоторое время поставить Россию в вопросах тарифов на энергетические ресурсы и их транспортировку в невыгодное положение, когда даже сырьевые отрасли в РФ станут убыточными. В то же время юридические условия договоров по поставке энергоресурсов в КНР могут оказаться такими, что отказаться от добычи и транспортировки сырья себе в убыток Россия не сможет.

Такие серьезные риски могли бы компенсироваться началом широкой инвестиционной программы Китая в Россию, и в первую очередь – в транспортно-логистическую инфраструктуру, что, на первый взгляд, отвечает приоритетам Китая в развитии ЭПШП. Ключевым для безопасности России фактором является восстановление связей европейской и сибирской частей страны, масштабное развитие тихоокеанского побережья. Разделяя этот подход, в китайской публикации 2014 г. содержится рекомендация: «Россия должна использовать расцвет Азии себе во благо, ей следует реконструировать основные железнодорожные магистрали на Дальнем Востоке …у нее не хватает средств, технологий и опыта, и Китай может здесь протянуть ей руку помощи» [11, с. 2]. Однако Китай сейчас инвестирует в другие, более приоритетные коридоры своего евразийского проекта «Один пояс – один путь». В страны ЮВА и ЦА, а не в российские регионы направлен поток инвестиций недавно учрежденных Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Фонда Шёлкового пути: в первую очередь, в проект Пан-Азиатской железной дороги от Южного Китая (г. Куньмин) до Сингапура, интегральной частью которой может стать и альтернативный Малаккскому проливу канал через узкую полосу территории Таиланда. Морские перевозки намного дешевле железнодорожных, что объясняет большую заинтересованность КНР в усилении морского логистического потенциала, а данный проект еще и снижает возможности блокады грузов судами США и их союзников в случае обострения конфликта в Южно-Китайском море. Еще один фактор

сравнительно меньшей заинтересованности КНР в дорогах Сибири и Дальнего Востока – отличие российского железнодорожного комплекса от китайского и европейского шириной колеи, что затрудняет интеграцию новых и старых маршрутов и замедляет доставку грузов.

КНР не связывает транзит в Европу с необходимостью максимально задействовать российские железные дороги или модернизировать Транссиб. Китайские инвесторы взялись за возведение «с нуля» высокоскоростной магистрали (ВСМ) Москва – Казань, которую обязательно планируют дотянуть до Минска, но только теоретически – до Пекина. Есть информация, что по ней будут ходить и грузовые поезда, но основная ее функция всё же пассажирские перевозки. Таким образом, хотя она и является объектом исключительной значимости для самой России (первая ВСМ в нашей стране), но для ЭПШП имеет скорее туристическое значение.

Казахстан больше, чем Россия, вовлекается китайской стороной в различные проекты под эгидой ЭПШП, особенно – в нацеленные на региональную интеграцию стран ЦА с западными провинциями КНР, прежде всего с мусульманским Синцзян-Уйгурским Автономным районом (СУАР). Теоретически, согласно концепции «Один пояс – один путь», упомянутый в ней коридор Россия – Монголия – Китай позволит решить проблемы китайского Автономного района Внутренняя Монголия, наряду с СУАР являющегося одной из относительно отстающих северных и западных территориальных единиц КНР. Однако активность на этом, замыкающемся на России, северном направлении гораздо ниже, чем на западном, казахстанском, оптимальном для решения как внутренних задач КНР, так и для встраивания в проекты геополитического масштаба.

В ракурсе международной торговли именно Казахстан, а не Россия, становится для Китая и основным транзитным коридором в Европу, и приграничным хабом, откуда расходятся многие ветки его грузоперевозок и торговых маршрутов – в том числе и через Россию. Конкуренцию с Казахстаном Россия проигрывает и в связи с собственными внешнеполитическими амбициями. Речь не только о западных санкциях. Разрыв торговых связей с Украиной в режиме Зоны свободной торговли СНГ, а также запрет с июля 2016 г. транзита через РФ широкой номенклатуры украинских грузов в другие страны ЕАЭС только расширяют перечень аргументов в пользу выбора Китаем именно Казахстана в качестве генерального партнера среди стран СНГ, в том числе и для реализации на постсоветском пространстве проектов под эгидой ЭПШП.

Что касается ожидавшейся российской стороной диверсификации участия КНР в ее экономике после подписания энергетических соглашений, пока она происходит не столь быстро и масштабно. Неоднозначно выглядит и сотрудничество в финансовом секторе. На фоне заверений китайской

стороны об оказании поддержки Россия пригласила в свой финансовый сектор китайские кредитные учреждения. В конце 2014 г. в России начали работать несколько банков с капиталом свыше 100 млрд долл.: «дочки» Bank of China, Agricultural Bank of China, Industrial and Commercial Bank of China и China Construction Bank Corporation. Российские банки, поставленные санкциями в жесткие условия, начали также получать кредитные линии у других китайских партнеров. В мае 2015 г. в Экспортно-импортном банке Китая кредиты получили ВТБ (3 млрд юаней) и Внешэкономбанк (3,9 млрд юаней), в июне 2015 г. Сбербанк получил от китайских банков лимит на кредит до 10 млрд юаней. Но в целом динамика настораживает: глава ВТБ Андрей Костин сообщил, что дедолларизация происходит в интересах КНР, так как из-за нестабильности рубля китайская сторона в расчетах предпочитает юань, а его заместитель А. Соловьев обозначил еще одну негативную тенденцию: чтобы не обострять отношения с Западом, большинство китайских банков не проводят межбанковские операции с участием российских банков и значительно сократили участие во внешнеторговых сделках, в частности по торговому финансированию [4, с. 1]. Исключение китайская сторона готова делать для компаний сырьевого сектора – так, «Газпром» в июне 2015 г. согласовал кредит на 1,5 млрд долл. с синдикатом из трех китайских банков, все члены которого из списка банков, начавших свою работу в России. Вполне вероятно, что в результате такой политики Россия, как и Венесуэла, будет расплачиваться за кредиты сырьем – нефтью и газом (почти половина добываемой Венесуэлой нефти поставляется Китаю именно в счет выплат по кредитам)[5].

Многие приоритеты сотрудничества Китая с Россией в области сопряжения ЭПШП и ЕАЭС в формате использования имеющихся российских преимуществ (местоположение, интегрированная со странами СНГ и развитая железнодорожная сеть) были реализованы еще до создания ЕАЭС и провозглашения ЭПШП. Так, с осени 2011 г. из КНР в Европу и обратно по маршрутам длиной свыше 11 тыс. км уже ходят поезда. Используемые транзитные схемы таковы: Казахстан – Россия – Беларусь – Польша, либо Казахстан – Россия – Украина – Польша, либо Монголия – Россия – Беларусь (Украина) – Польша. Конечными пунктами в Европе являются крупнейшие мировые порты Антверпен и Роттердам, а также индустриальные немецкие города – Дуйсбург, Лейпциг.

Китай при этом создает конкуренцию для российских железных дорог и портов, лоббируя в ЦА введение участков новых маршрутов с узкой, нероссийской колеей и связывая дороги со своими портами на Дальнем Востоке. В 2015 г. от порта Ляньюнган на берегу Восточно-Китайского моря железная

5. http://teknoblog.ru/2013/12/30/7557

дорога протянулась в Казахстан до г. Дружба, став частью маршрута, проходящего через ЦА в Европу, до Роттердама. Наличие протяженных железнодорожных маршрутов с выходами к портам теперь не гарантирует России сохранения доходных статей от транзита. Транзит и транспортировка должны сопровождаться опциями современного логистического сервиса, достижением высокой скорости перевозок. Это конкурентный рынок, за который надо бороться. Рывок Китая в железнодорожном строительстве и ВСМ-технологиях, а также опережающее мышление и ответственный подход к своевременному воплощению выгодных и необходимых проектов оставляет России все меньше пространства для самостоятельных маневров. Параллельно со строительством новых дорог на своей территории Китай анализировал, на каких участках путей в Европу целесообразно построить ВСМ, чтобы ускорить евразийские перевозки. Одним из таких участков станет линия Астана – Алматы, не только связывающая две столицы Казахстана, но и позволяющая сочетать казахские железнодорожные сети в маршруты с преимущественно нероссийской колеей, постепенно переориентируя все большую долю и собственно казахстанского, и транзитного грузопотока в обход России.

Одной из новых ВСМ – артерий ЭПШП Китай задействует уже не только азиатские, но и кавказские, и европейские государства бывшего СССР – Азербайджан, Грузию, Украину, Беларусь. Еще в 2010 г. КНР договорилась с Турцией о прокладке ВСМ Карс – Эдирне, сокращающей время проезда по территории этой страны с 36 до 12 час. и соединяющей Европу и Азию через тоннель Мармарай под Босфором (тогда он только строился). Турция получила китайский кредит на 30 млрд долл.; при этом обсуждалось, что пока ведутся работы на турецкой территории, Азербайджан и Грузия построят ВСМ Баку – Тбилиси – Карс, связывающую Турцию и Кавказ со странами ЦА, а далее с Китаем. Развивается и другая вариация этого коридора – Транскаспийский маршрут (ТМТМ), оканчивающийся в украинском порту Ильичевск (Одесская область), включающий морской транзит через Черное и Каспийское моря и проходящий через Азербайджан, Грузию и Казахстан. Более того, присоединение Украины к соглашению ТМТМ состоялось недавно, в январе 2016 г., а из Украины он может быть продлен в Беларусь. Эта ветка ЭПШП в том числе ставит под сомнение единую политику ЕАЭС, позволяя Казахстану и Беларуси вести торговлю и с Украиной, и с Европой, и с КНР «в обход России».

Конечно, не все пути ЭПШП ведут через Казахстан: один из транстурецких маршрутов будет начинаться в китайском прибрежном Гуандуне, далее пройдет в Бирму, Бангладеш, Индию, Пакистан, Иран к границам Азербайджана, до ВСМ-ветки Баку – Тбилиси – Карс.

Проект ЭПШП, таким образом, был запущен в сфере инфраструктуры и логистики еще до его концептуального оформления. Он вариативен

в комбинациях маршрутов и не привязывает Китай к взаимодействию с какой-то одной страной (хотя «опорные пункты» – Казахстан в ЕАЭС и Германия в ЕС – уже наметились), а его вариативность в свою очередь приносит выгоду множеству игроков. Вместо характерной для российского подхода не подкрепленной реальными действиями PR-активности в виде форумов, где произносятся речи о перспективах потенциальных проектов для России и ее партнеров по ЕАЭС, Китай эти самые проекты осуществлял: внедрялись BCM-технологии, строились авто- и железные дороги, возводились недостающие мосты и тоннели, модернизировались порты и таможенные терминалы, заключались торговые соглашения о поставках продукции и взаимных преференциях. В качестве «полюса силы» многостороннего проекта ЭПШП, теперь уже не ограниченного транспортно-инфраструктурной плоскостью и логистическими объектами, выступает Китай, и локомотивом интеграционных процессов в Евразии становится не ЕАЭС, а китайская экономика. Китайское руководство понимает, что лучшим PR-сопровождением ЭПШП является его реализация – реальные объекты довольно быстро возводятся на территории государств-участников и служат лучшим подтверждением серьезности замысла и ответственности его инициаторов. За скобки проекта при заявленной привлекательности его для многих участников выносятся китайские национальные интересы, но эта та переменная, на которую, как в математике, должны будут умножаться все слагаемые в скобках, и максимальный кумулятивный эффект в итоге получит Китай.

Пока российская элита размышляет о подходах, целесообразности и форматах сопряжения ЕАЭС и ЭПШП, оно уже происходит, только не всегда с учетом интересов России, а порой и без ее участия (ведь Россия – не единственная страна ЕАЭС).

Во-первых, сопряжение происходит в контексте интенсификации двусторонних отношений КНР с отдельными странами. Так, Казахстан с 2014 г. координирует сотрудничество с КНР по выполнению совместно запланированных показателей в рамках ЭПШП: в июне 2014 г. в Пекине руководителями железнодорожных корпораций двух стран обсуждалось выполнение плана перевозок за 2013 г., в том числе рост контейнерных перевозок в направлении КНР – Европа на 84%. Для достижения запланированного был профинансирован и возведен первый объект инфраструктуры в рамках ЭПШП – Китайско-казахстанский Транспортно-логистический комплекс (ТЛК) в порту Лянъюньгань. Показательно, что это строительство началось 26 февраля 2014 г. и было окончено к июню того же года! Не менее показательно – с точки зрения перспектив России в формате сопряжения ЕАЭС и ЭПШП – что доля участия казахской компании в первом объекте ЭПШП составляет 49%, доля китайской компании – 51%, но ни одна российская компания в число акционеров не вошла. К середине 2016 г., по данным посольства КНР в Казахстане,

между двумя странами согласовано 52 транспортных, логистических, промышленных и инфраструктурных проекта с объемом инвестиций, превышающим 26 млрд долл.[6] Есть особые соглашения о совместных двусторонних проектах КНР и с Беларусью, являющейся «западными воротами» ЕАЭС.

Во-вторых, переориентирование государств ЕАЭС на приоритеты ЭПШП происходит в формате многосторонних организаций, где Россия как одна из многих равных стран-участниц не может представлять интересы другой организации (ТС или ЕАЭС), например в рамках ШОС. Так, в мае 2015 г. на совещании министров транспорта стран ШОС российские участники напоминали о желательности использования потенциала Транссиба и БАМа, о целесообразности привлечения средств из Банка развития ШОС. Но китайское руководство сообщило, что первые 50 млрд долл. из фонда Нового шёлкового пути пойдут на улучшение железнодорожных путей в ЦА, которые, естественно, снижают востребованность Транссиба и БАМа, сокращая продолжительность транзита грузов по территории РФ в пользу Казахстана и других государств ЦА.

В-третьих, сопряжение происходит в формате китайско-азиатских механизмов сотрудничества, где Россия не представлена. Например, в 2012 г. в г. Урумчи (СУАР), во время ежегодной выставки «Китай – Евразия», КНР предложила соседям из ЦА создание Фонда экономического сотрудничества и Фонда сельскохозяйственного сотрудничества «Китай – Центральная Азия», а в 2016 г. на форуме ЭПШП в китайском г. Карамай КНР, Иран, Пакистан и Казахстан согласовали без участия России проекты стоимостью 40 млрд юаней[7].

Китайский опыт внешнеполитического позиционирования национального проекта, в первую очередь решающего внутренние проблемы страны, как общего блага для народов региона и всего континента, безусловно, поучителен для России. Реалистичное осознание приоритетов экономических и энергетических отношений Китая с Россией, ФРГ и Казахстаном, а также с ЕС и ЕАЭС особенно необходимо в период перехода нашей страны к внешней политике с новым содержанием.

В условиях экономического кризиса России необходимо сосредоточиться на двух необходимых для ее сохранения в качестве региональной державы процессах. Во-первых, это евразийская интеграция дружественных стран бывшего СССР, включающая продуманный инструментарий «мягкой силы» во избежание повторения украинского сценария. Во-вторых, это переориен-

6. http://dknews.kz/posol-knr-v-kazahstane-chzhan-han-hue-j-kitaj-i-kazahstan-dostigli-pervy-h-rezul-tatov-v-sotrudnichestve-v-ramkah-odnogo-poyasa-odnogo-puti/

7. http://legal-way.ru/news1827.php (Дата посещения: 18.10.2016.); http://kz.chineseembassy.org/rus/zhgx/t1389199.htm (Дата посещения: 18.10.2016.)

тация политических и экономических связей в сторону АТР, требующая одновременно не только тактически, но и стратегически верных оценок и действий в ходе перестройки отношений с Европой и США и интенсификации сотрудничества с азиатскими государствами, в первую очередь с Китаем.

Феномен пересечения и переплетения транспортных, торговых, экономических и энергетических интересов России и КНР, необходимости кооперации в условиях конкуренции станет вызовом не только внутри России и в постсоветских государствах Центральной Азии, но и на глобальном энергетическом рынке, где стратегические партнеры Россия и Китай – по разные стороны баррикад. И на глобальном энергетическом рынке, и в сфере экономики инноваций ЕС и КНР могут оказаться связаны не менее значимыми интересами, чем российско-китайское энергетическое и торговое партнерство. Новые транспортные коридоры Евразии, в функционировании и диверсификации которых более всего заинтересован Китай, не гарантируют совпадения ожиданий России и Китая – примером тому является перенос части транзитной нагрузки при доставке грузов из КНР в ЕС на Казахстан, а также поддержка Китаем ВСМ-линии через Азербайджан и Грузию в обход Армении. Выход Туркмении и Узбекистана к рынкам ЕС на Западе, к морю на Юге и Востоке, благодаря китайским транспортным проектам, связывающим эти страны с Ираном, Пакистаном, Турцией и антироссийски настроенными постсоветскими странами Кавказа, позволяет им дистанцироваться от контактов с Россией, что ставит под сомнение перспективы их присоединения к ЕАЭС или ТС.

Как и ЕС, КНР не признает постсоветское пространство зоной приоритетного влияния России. В зависимости от динамики геополитических линий напряжения в Евразии, особенно на пространстве СНГ, интересы РФ и КНР будут то совпадать, то расходиться – эту конъюнктуру России надо учиться прогнозировать и использовать.

Тот факт, что интенсивность развития китайско-российских отношений хронологически совпадает с вынужденным «поворотом России на Восток», только подчеркивает: поворот на Восток сам по себе никаких дивидендов России не гарантирует. Именно об этом свидетельствуют интерпретации китайскими политиками и СМИ двусторонних отношений КНР с Россией, Казахстаном и Германией.

Литература

1. Александрова К. Китайский конгломерат CITIC вложит $113 млрд в проект «Один пояс, один путь» // РЖД – партнер. – 24 июня 2015. – Режим доступа: http://www.rzd-partner.ru/news/investitsii/kitaiskii-konglomerat-citic-vlozhit--113-mlrd-v-proekt--odin-poias--odin-put/ (Дата посещения: 18.10.2016.)

2. Визит Ли Кэцяна в Германию вывел китайско-немецкие отношения на новый уровень. По материалам Синьхуа / Центральное телевидение Китая. – 12.10.2014. – Режим доступа: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2014-10/12/content_33739318.htm (Дата посещения: 18.10.2016.)

3. Заместитель премьера Госсовета КНР Ли Кэцян сообщил о намерении китайской стороны развивать китайско-европейское сотрудничество в области энергетики / Центральное телевидение Китая. – 05.05.2012. – Режим доступа: http://www.cntv.ru/2012/05/05/ARTI1336186920548351.shtml (Дата посещения: 18.10.2016.)

4. Китайские банки оказались солидарными с санкционным режимом Запада против России / Кредит-отзыв.ру. – 15.07.2015. – Режим доступа: http://kredit-otziv.ru/kitajskie-banki-okazalis-solidarnymi-320/ (Дата посещения: 18.10.2016.)

5. Пинюгина Е.В. ЕАЭС и «Экономический пояс Шёлкового пути»: Сравнительный анализ евразийских интеграционных проектов // Политическая наука. – 2015. – № 4. – С. 99–115.

6. Пинюгина Е.В. Евразийские интеграционные проекты России и Китая: Контекст появления и концептуальное оформление // Перспективы. Электронный журнал. – 2016. – № 1 (5) (январь–март). – С. 15–31. – Режим доступа: http://perspektivy.info/upload/iblock/4be/1_2016.pdf (Дата посещения: 18.10.2016.)

7. Посол КНР: Военного союза Китай – Россия не будет, но сотрудничество в военной сфере продолжится. По материалам Интерфакс. – 05.07.2015. – http://topwar.ru/78285-posol-knr-voennogo-soyuza-kitay-rossiya-ne-budet-no-sotrudnichestvo-v-voennoy-sfere-prodolzhitsya.html (Дата посещения: 18.10.2016.)

8. Премьер Госсовета КНР Ли Кэцян провел телефонный разговор с премьер-министром РФ Дмитрием Медведевым. По материалам Синьхуа / Центральное телевидение Китая. – 05.07.2015. – Режим доступа: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2015-07/05/content_3598244 6.htm

9. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия.ру. – 1 января 2012 г. – Режим доступа: http://izvestia.ru/news/502761#ixzz3f30COcUN (Дата посещения: 18.10.2016.)

10. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути. – 8 мая 2015 г. – http://www.kremlin.ru/supplement/4971 (Дата посещения: 18.10.2016.)

11. Три важных аспекта поездки Ли Кэцяна в Россию («Жэньминь жибао», Китай) / Иносми.ру. – 17.10.2014. – Режим доступа: http://inosmi.ru/fareast/20141017/223738019.html (Дата посещения: 18.10.2016.)

12. Энергетическое сотрудничество между Россией и Китаем набирает обороты // Иносми.ру. – 2014. – Режим доступа: http://inosmi.ru/fareast/20141016/223714917.html (Дата посещения: 18.10.2016.)

13. Aktionsrahmen für die deutsch-chinesische Zusammenarbeit: «Innovation gemeinsam gestalten!» / Bundesregierunngspressemitteilung. – 10.10.2014. – Mode of access: https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Pressemitteilungen/BPA/2014/10/2014-10-10-aktionsrahmen-dt-chin-konsultationen.html (Дата посещения: 18.10.2016.)

Ф.О. Трунов

ПОЗИЦИИ РОССИИ И ГЕРМАНИИ ПО «СИРИЙСКОМУ ВОПРОСУ»: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИЛИ ВЗАИМНОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ?

Трунов Филипп Олегович – кандидат политических наук, научный сотрудник ИНИОН РАН, преподаватель факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

Сирийские события (с 2011 г.) привели к возникновению широкого спектра угроз безопасности, непосредственно затронувших как Россию, так и государства коллективного Запада, в том числе ФРГ, являвшуюся контрагентом РФ при решении различных проблем международной безопасности в 1990-е – начале 2010-х годов.

Укрепление «Исламского государства» (ИГ)[1] в Сирии и Ираке неизбежно ведет к проникновению его боевиков на российскую территорию (через Закавказье и Среднюю Азию), равно как и в страны – участницы ЕС (через Балканы и Северную Африку). Пока ИГ в Месопотамии противостоят различные силы – в первую очередь, правительственные сирийские войска – его боевики пытаются проникнуть в РФ и Европейский союз небольшими группами и поодиночке. В случае установления полного контроля над Сирией и Ираком распространителями «чёрной чумы» XXI в. в ЕС и Россию будут отправлены тысячи боевиков, способных действовать индивидуально, в составе мелких отрядов и достаточно значительных по численности формирований.

Акты мегатеррора в Париже 13 ноября 2015 г. отчетливо показали уязвимость не только малых и средних, но и ведущих стран – участниц Европейского союза. Угроза международного терроризма для ЕС тесно связана с другой – появлением на территории объединения, экономика которого далеко не в полной мере справляется с последствиями мирового экономиче-

1. Запрещенная в России террористическая организация.

ского кризиса, массы беженцев из стран Леванта. Так, только за период между сентябрем 2015 г. по май 2016 г. в Германию прибывало ежемесячно от 23 тыс. до 51,5 тыс. выходцев из Ближнего Востока, в первую очередь Сирии[2]. В ситуации, когда международный терроризм и миграционный кризис угрожают стабильному политическому развитию стран – участниц ЕС во главе с ФРГ, казалось, существуют предпосылки для взаимодействия с Россией, исторически игравшей значимую роль на Ближнем Востоке, по решению «сирийского вопроса». Однако на различных этапах сирийских событий количество точек соприкосновения между двумя странами было весьма невелико.

Возникновение и развитие гражданской войны в Сирии (2011–2013): Позиции России и Германии

В марте 2011 г. в Сирии, как и в большинстве стран Ближнего Востока, охваченных «арабской весной», начались беспорядки, быстро переросшие в гражданскую войну. Вооруженную борьбу с режимом президента Б. Асада вначале вела относительно консолидированная оппозиция, ядром боевых формирований которой стала «Свободная сирийская армия». Однако значительная часть личного состава Вооруженных сил, в которых преобладали алавиты, сохранила лояльность главе Сирийской Арабской Республике (САР) [3].

В 2011 – начале 2012 г. основное внимание коллективного Запада было сосредоточено на Ливии – здесь в апреле–ноябре 2011 г. государствами – членами НАТО во главе с Францией и Великобританией была проведена военно-воздушная операция, приведшая к свержению режима М. Каддафи. Правительство А. Меркель / Г. Вестервелле (блок ХДС / ХСС и СвДП), отказавшись направить бундесвер на ливийский театр военных действий [1, с. 11–14], использовало для поддержки своих партнеров экономические и политические рычаги, в частности, установив тесный контакт с умеренной ливийской оппозицией [11; 12, p. 56].

Аналогичный характер стала носить германская линия и в отношении правительства Б. Асада. Свернув дипломатические отношения с официальным Дамаском, правительство ФРГ приняло участие в создании в феврале 2012 г. группы «Друзей Сирии», которая стала переговорной площадкой для налаживания и углубления отношений с оппозицией в САР и принятием

2. Hundreds of thousands of Syrian refugees relatives expected in Germany // Deutsche Welle <http://www.dw.com/en/hundreds-of-thousands-of-syrian-refugees-relatives-expected-in-germany/a-19313653> (Дата обращения: 01.07.2016.)

решений в отношении нее в обход Совета Безопасности ООН. Де-юре и де-факто этот формат был направлен против курса РФ, последовательно поддерживавшей официальный Дамаск и блокировавшей совместно с КНР попытки проведения резолюций Совета Безопасности ООН, открывающих путь к внешнему вмешательству в «сирийский вопрос». В своих выступлениях лидеры «черно-желтого» кабинета подчеркивали, что, применяя оружие против оппозиции и поддерживавших ее мирных жителей, режим Б. Асада потерял легитимность. Ужесточая свою линию в отношении сирийских властей, руководство ФРГ не только свернуло экономическое сотрудничество с САР, но и заявило в сентябре 2012 г. о необходимости введения против нее экономических санкций по линии ЕС[3].

В отличие от Федеративной Республики и ее западных партнеров, российская сторона не рассматривала режим Б. Асада в качестве нелегитимного, считая его ключевым игроком на сирийском политическом ландшафте. В основе российской аргументации лежал тот факт, что большая часть населения САР – алавиты, сирийские христиане и часть суннитов – сохранили лояльность официальному Дамаску, а их представители постоянно пополняли правительственные войска. Неконфронтационную позицию в отношении сирийских властей стали занимать и курды. С одной стороны, это объяснялось начатыми Б. Асадом глубокими реформами в политической и социально-экономической сферах как реакции на «арабскую весну», с другой – жестокостью действий и бесчинствами противников сирийского режима в отношении мирного населения. Это было вызвано нарастанием центробежных тенденций в оппозиции по мере затягивания вооруженного конфликта, сопровождавшегося усилением позиций радикальных исламистов [7, с. 285]. В условиях трансформации политической системы САР в стране 3 июня 2014 г. прошли досрочные президентские выборы, на которых уверенную победу одержал Б. Асад[4]. Итоги выборов не были признаны странами Запада, сославшимися на то, что электоральный процесс проходил только на территориях, подконтрольных правительству Сирии или его партнерам (курды). Сложно, однако, представить, что какие-либо элементы процесса выборов на основе опыта западной демократии могли бы быть воспроизведены в подконтрольных радикальной оппозиции, в первую очередь ИГ, территориях.

3. Rede des Bundesministers des Auswärtigen, Dr. Guido Westerwelle, zum Haushaltsgesetz 2013 vor dem deutschen Bundestag am 12. September 2012 in Berlin // Сайт Ведомства федерального канцлера <http://www.bundesregierung.de/SiteGlobals/Forms/Webs/Breg/ Suche/DE/ Suche_Formular.html> (Дата обращения: 03.07.2016.)

4. Сирия переизбрала президентом Башара Асада <http://lenta.ru/news/2014/06/04/bashar> (Дата обращения: 04.07.2016.)

С точки зрения автора, в основе глубоких различий позиций России и Германии по «сирийскому вопросу» лежали геополитические причины. Сирия в конце 2000-х – начале 2010-х годов стала территорией, на которой *одновременно и параллельно* стремились, опираясь на дружественные политические силы, укрепить на долгосрочную перспективу свои позиции и ФРГ, и РФ.

В условиях частичного восстановления ресурсной базы внешней политики России в 2000-е – начале 2010-х годов ее руководство пыталось вернуть утраченные в 1990-е годы позиции на Ближнем Востоке. При этом основным объектом приложения усилий РФ являлась именно Сирия, что было обусловлено тремя причинами. Во-первых, САР была единственной из бывших стран-союзниц и стратегических партнеров СССР в регионе в годы «холодной войны», где у власти оставалась прежняя политическая элита. Наличие огромного военно-политического «багажа», накопленного в 1970–1980-е годы еще в ходе сотрудничества с президентом Х. Асадом, создавало предпосылки для налаживания тесных контактов с его сыном.

Во-вторых, для РФ большое значение имело развитие сотрудничества с Сирией в военно-технической и военно-политической сферах. Россия получала возможность получить пункты присутствия своих Вооруженных сил на Ближнем Востоке, в том числе военно-морские базы на Средиземном море. В 1970–1980-е годы в Латакии базировалась 5-я оперативная эскадра Черноморского флота, что являлось важным фактором военно-стратегического присутствия СССР не только в Средиземноморье и на Ближнем Востоке, но и на мировой арене в целом [2, с. 468]. Для САР, особенно после «военной угрозы» 2003 г., весьма высокой вероятности вторжения «коалиции желающих» во главе США в страну после разгрома режима С. Хусейна в Ираке, факторы сотрудничества с Россией и ее военного присутствия имели критически важное значение для обеспечения собственной безопасности. Россия стала предпринимать действия, направленные на снижение угроз у сирийских границ, уже с середины 2000-х годов. Используя трехсторонний формат РФ – ФРГ – Франция, российская сторона активно стремилась предотвратить интервенцию 2003 г. в Ирак. Несмотря на то что достичь этого не удалось, масштаб и международный резонанс действий Кремля способствовал, с точки зрения автора, тому, что США и их партнеры в тогдашней ситуации не пошли на превентивное применение силы в отношении других государств Ближнего Востока, в первую очередь Сирии. В 2006 г. РФ использовала свои политико-дипломатические (в первую очередь, посредством переговоров на

высшем уровне)[5] и военные (направление строительного батальона и группы военных медиков) инструменты для урегулирования вооруженного конфликта между Израилем и «Хезболлой» на Юге Ливана. От политической стабильности в Израиле, как показал период «холодной войны», безопасность Сирии зависела напрямую [6, с. 182–212]. В 2013 г. – в разгар гражданской войны в Сирии – РФ предложила заменить своими военнослужащими австрийских миротворцев на Голанских высотах – спорной (с 1967 г.) территории между Израилем и САР.

Наконец, в-третьих, к началу 2010-х годов Сирия оставалась единственным государством, построенным на основе идей арабского национализма, получивших распространение в 1950–1960-е годы [6, с. 7–26]. Именно сотрудничая со странами, созданными по основе данной концепции, Советский Союз стал играть весьма значимую роль на Ближнем Востоке, в том числе, в региональной системе безопасности. С точки зрения развития сотрудничества России с государствами Ближнего Востока ни один другой политический тип развития государства региона – авторитарные режимы, теократические монархии или тем более исламисты – не являлся адекватной альтернативой государствам, развивающимся с учетом традиций арабского национализма.

Напротив, в отношении официального Дамаска германская сторона считала, что необходимо реализовать альтернативу отмеченной концепции – провести демократизацию страны по западному образцу. «Новая Сирия» должна была стать частью буферной зоны, возникающей вдоль границ ЕС и НАТО. Государства, образующие ее, с одной стороны, должны были абсорбировать потенциальные вызовы и угрозы безопасности для Евро-Атлантического сообщества, с другой – являть собой пример успешного внедрения ценностей и принципов функционирования западной демократической системы. На формирование буферной зоны были направлены «Средиземноморский проект» и программа «Восточного партнерства», инициированные внутри Европейского союза в конце 2000-х годов. В начале 2010-х годов в условиях «арабской весны», как казалось в тот момент руководству стран ЕС и НАТО, открылись новые широкие возможности для динамичной политической трансформации государств Средиземноморья в соответствии с интересами Евро-Атлантического сообщества. Однако ориентированные на Запад силы в Сирии не смогли одержать быстрой победы – гражданская война перешла в затяжную стадию. В связи с этим с осени 2012 г. первоочередной

5. О телефонном разговоре президента РФ В.В. Путина с премьер-министром Ливана Фуадом Синьорой, 21 августа 2006 г. // Официальный сайт МИД РФ <http://www.mid.ru/bdomp/ns-rkonfl.nsf/90be9cb5e6f07180432569e00049b5fb/432569e00034005fc32571d10026db06!OpenDocument> (Дата обращения: 04.07.2016.)

для ФРГ задачей стало сдерживание угрозы нестабильности – в особенности, недопущение ее «перетока» на территорию Турции. Кабинет А. Меркель / Г. Вестервелле не только участвовал в принятии решения Совета глав государств и правительств НАТО от 4 декабря 2012 г. о размещении группировки сил ПВО вблизи турецко-сирийской территории, но и совместно с Нидерландами и США принял участие в ее развертывании. Для этих целей было выделено шесть комплексов PATRIOT и контингент солдат и офицеров бундесвера, потолок которого был установлен в 0,4 тыс. военнослужащих[6].

3 декабря 2012 г. на встрече с главой Турции Р.-Т. Эрдоганом президент России В.В. Путин выразил обеспокоенность намерениями НАТО, подчеркнув опасность внешнего силового вмешательства в «сирийский вопрос»[7]. РФ опасалась, что вслед за развертыванием района ПВО Запад попытается добиться установления бесполетной зоны в воздушном пространстве, что, памятуя ливийский опыт, приведет к проведению полномасштабной военной кампании для обеспечения победы оппозиции. Однако реализации данного сценария не произошло. В отличие от ситуации в Ливии, в случае с Сирией Россия и Китай в Совете Безопасности ООН блокировали любые проекты резолюций, подразумевавших возможность интервенции, что, собственно, и привело к созданию группы «Друзей Сирии». Различались и особенности развития двух вооруженных конфликтов – в отличие от М. Каддафи, Б. Асад избегал активного использования авиации в борьбе со своими противниками. Ключевое же значение, по нашему мнению, имело нежелание ряда государств – членов НАТО, в том числе ФРГ, втягиваться в гражданскую войну в Сирии с неясными для них последствиями.

В своей поддержке умеренной оппозиции в 2012–2014 гг. германская сторона отдавала предпочтение использованию политико-дипломатических и экономических (направление официальной помощи) средств. Применение же военных инструментов руководство ФРГ стремилось свести к минимуму – во всяком случае, на официальном уровне. Помимо демонстрируемой неготовности к боевому использованию войск бундесвера в Сирии, «черно-желтый» кабинет не стремился направлять туда группы военных советников и инструкторов, а также придерживался принципа эмбарго на поставки

6. Regierungspressekonferenz von 7. Dezember 2012 // Сайт Ведомства федерального канцлера <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Infodienst/2012/12/2012-12-06-patriot-raketen/2012-12-06-patriot-raketen.html> (Дата обращения: 04.07.2016.)

7. Рабочий визит президента РФ В.В. Путина в Турцию и переговоры с премьер-министром страны Р.-Т. Эрдоганом 3 декабря 2012 г. // Официальный сайт президента РФ <http://kremlin.ru/news/17019> (Дата обращения: 04.07.2016.)

вооружений в охваченную гражданской войной страну[8] – мощного инструмента помощи воюющей оппозиции. Этот подход отнюдь не означал отказа от стратегических целей, но был направлен на снижение эскалации и перехода вооруженного конфликта из «горячей фазы» в стадию урегулирования. Это открыло бы широкие возможности для оказания разносторонней (в том числе посредством использования военных инструментов) поддержки прозападных сил в Сирии. Соответственно, в фокусе внимания германской дипломатии оставалось решение вопроса о достижении перемирия в зоне вооруженного конфликта. В основе реализуемого РФ курса также лежало стремление к скорейшему обеспечению режима прекращения огня, что стало предпосылкой для временного установления взаимодействия между двумя державами.

Так, в ходе переговоров глав внешнеполитических ведомств G8, проходивших 10–11 апреля 2013 г., Г. Вестервелле активно поддержал позицию министра иностранных дел России в том, что искать решения «сирийского вопроса» следует исключительно в политической, а отнюдь не в военной плоскости, что было отражено в итоговом заявлении стран – участниц встреч[9].

На следующей встрече «Большой Восьмерки», но уже на высшем уровне, состоявшейся 17–18 июня 2013 г. в Лох-Эрне (Великобритания) канцлер А. Меркель заявила, что урегулирование «сирийской проблемы» невозможно без участия РФ. Результатом этого стало принятие декларации всеми странами-участницами, а не только западными [7]. Итоговое заявление, исходя из его содержания, следует признать дипломатической победой России – в нем содержалось разделение оппозиции на умеренную и радикальную, состоявшую из террористических структур, помощь которым была полностью запрещена. В документе вновь подчеркивалась необходимость межсирийского национального диалога как единственного средства урегулирования конфликта[10].

Однако решения G8 не привели к замирению в Сирии – более того, уже в конце августа 2013 г., бездоказательно обвинив лояльные Б. Асаду войска

8. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und US-Präsident Obama, 19. Juni 2013 // Сайт Ведомства канцлера ФРГ <http://www.bundeskanzlerin.de/ContentArchiv/DE/Archiv17/Mitschrift/Pressekonferenzen/2013/06/2013-06-19-pk-merkel-obama.html> (Дата обращения: 15.07.2016.)

9. Итоговое заявление встречи министров иностранных дел стран «Группы восьми», 11 апреля 2013 г. // Официальный сайт МИД РФ <http://www.mid.ru/bdomp/ns-g8.nsf/4681a749b12257b3432569ea003614e4/44257b100055f92444257b4f005ae27c!OpenDocument> (Дата обращения: 15.07.2016.)

10. Lough Erne Leader Communiqué, 18 June 2013 // Сайт Правительства Великобритании <https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/207771/Lough_Erne_2013_G8_Leaders_Communique.pdf> (Дата обращения: 15.07.2016.)

в применении 21 августа химического оружия против мирного населения, администрация Б. Обамы заявила о необходимости интервенции. Российская сторона, отметив, что аналогичные действия со стороны оппозиции имели место еще 19 марта 2013 г., предложила направить независимую экспертную комиссию (под эгидой ООН) для расследования инцидента. Однако, как подчеркивала российская сторона, эти действия не остановили запущенной военной машины США[11]. 29 августа 2013 г. парламент Великобритании отказал в использовании Вооруженных сил страны в Сирии, в то время как 30 августа 2013 г. президент Франции высказался в поддержку участия в планируемой операции. А. Меркель изложила свое решение последней из европейских лидеров: бундесвер мог быть задействован в операции *только* под эгидой ООН (что блокировалось из-за позиции РФ и КНР), ЕС и НАТО[12] (что было проблематично ввиду британской позиции). Соответственно, ФРГ вновь сократила до нуля возможность своего военного вовлечения в ход гражданской войны в Сирии. Этой линии «черно-желтый» кабинет придерживался и на саммите G20: 6 сентября 2013 г. А. Меркель и Г. Вестервелле демонстративно отказались подписать заявление об образовании «коалиции желающих» для организации интервенции, сделав это лишь на следующий день. В документе содержалась жесткая критика РФ и КНР, в результате действий которых «2,5 года заблокирована работа Совета Безопасности по Сирии»[13]. Показательно, что накануне начала работы саммита состоялись закрытые консультации Г. Вестервелле и С.В. Лаврова[14].

Военное вмешательство «коалиции желающих» во главе с США в ходе гражданской войны в Сирии с высокой долей вероятности мог поиметь фатальные последствия для официального Дамаска, учитывая усталость и потери его войск в личном составе и технике за 2,5 года боевых действий.

11. Комментарий официального представителя МИД РФ А.К. Лукашевича в связи с заявлением США о силовой акции против Сирии, 29 августа 2013 г. // Официальный сайт МИД РФ <http://www.mid.ru/bdomp/ns-rkonfl.nsf/90be9cb5e6f07180432569e00049b5fb/44257b100055db8444257bd70063869a!OpenDocument> (Дата обращения: 16.07.2016.)

12. Rede von Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel in der vereinbarten Debatte: Zur Situation in Deutschland vor dem Deutschen Bundestag am 3. September 2013 in Berlin // Сайт Ведомства федерального канцлера <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Bulletin/2013/09/87-1-bk-bt.html> (Дата обращения: 16.07.2016.)

13. Joint Statement on Syria. 6 September 2013. <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/09/06/joint-statement-syria> (Дата обращения: 16.07.2016.)

14. О встрече министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова с министром иностранных дел ФРГ Г. Вестервелле 5 сентября 2013 г. // Официальный сайт МИД РФ <http://www.mid.ru/bdomp/ns-g8.nsf/4681a749b12257b3432569ea003614e4/44257b100055f92444257bdd004e5c7e!OpenDocument> (Дата обращения: 16.07.2016.)

Осознавая это, президент РФ В.В. Путин 9 сентября 2013 г. выдвинул инициативу по уничтожению под международным контролем арсенала химического оружия правительства САР как средства дипломатического урегулирования военно-политического кризиса[15]. К 15 сентября 2013 г. США в результате сложных двусторонних переговоров приняли данные предложения. С точки зрения автора, успеху реализации инициативы РФ способствовало несогласие ФРГ и ряда других государств Запада с намерениями США провести военную кампанию в Сирии.

Показательно, что с октября 2013 г. Германия стала принимать активное финансовое и техническое участие в уничтожении арсенала сирийского химического ОМП. Изначально оно на кораблях ВМФ РФ, базировавшихся в Латакии, вывозилось из САР, а суда ВМС стран – участниц НАТО, получив его от российской стороны, доставляли в места уничтожения. В связи с украинскими событиями Североатлантический альянс 17 марта и 1 апреля 2014 г. принял решения о полном свертывании взаимодействия с РФ, что, однако, не прервало ликвидацию ОМП Сирии. В результате к маю 2015 г. – через 2,5 года после начала реализации инициативы В.В. Путина – подавляющее большинство боезарядов с химическим оружием (свыше 95%) было уничтожено[16].

Утрата взаимного доверия и скатывание к военно-политической конфронтации, характеризовавшие отношения РФ с институтами и странами коллективного Запада, в том числе ФРГ, привели к минимизации осуществляемого в 2013 г. взаимодействия двух держав по сирийской проблематике в 2014 – первой половине 2015 г. Вместе с тем на данном направлении обе стороны избегали каких-либо резких шагов, которые могли бы привести к эскалации напряженности в отношениях России и Евро-Атлантического сообщества. Основное внимание вновь избранного в конце сентября 2013 г. правительства А. Меркель / Ф.-В. Штайнмайера (блок ХДС / ХСС и СДПГ), равно как и российского руководства было сосредоточено на украинских событиях.

15. Комментарий президента РФ В.В. Путина по ситуации с химическим оружием в Сирии, 9 сентября 2013 г. // Официальный сайт президента РФ <http://www.kremlin.ru/ news/19194> (Дата обращения: 16.07.2016.)

16. Destroying Syria's chemical weapons – Germany's involvement as part of the international community // Сайт МИД ФРГ <http://www.auswaertiges-amt.de/EN/Aussenpolitik/Abruestung/Projekte/Chemiewaffen-Syrien.html> (Дата обращения: 17.07.2016.)

Операция ВКС РФ в Сирии и вовлечение ФРГ в борьбу с ИГ

Предпосылки для возобновления взаимодействия по «сирийской проблеме» возникли летом-осенью 2015 г. Во-первых, в результате усилий «шестерки» (пять ядерных держав и ФРГ) в июле 2015 г. удалось найти дипломатическое решение иранской «ядерной проблемы». В ходе завершающих стадий переговоров, ведущая роль на которых принадлежала России, с ней активно взаимодействовала германская сторона[17]. Соответственно, был показан пример успешной координации двух сторон в рамках международных форматов по решению ключевых проблем безопасности на Ближнем Востоке.

Во-вторых, к осени 2015 г. наступательные операции бригад и отрядов «Исламского государства» привели к установлению фактического его контроля над значительной частью территорий САР и Ирака (в границах 2003 г.). Авиаудары, наносившиеся ВВС стран-участниц созданной при ведущем участи США антитеррористической коалиции (2014), не позволяли приостановить продвижение боевиков ИГ [10]. Это было обусловлено как низкой эффективностью действий бомбардировщиков и штурмовиков, так и отсутствием серьезной наземной поддержки. Формирования курдов (как иракских, так и сирийских), официального Багдада, а тем более умеренной оппозиции в САР не располагали необходимыми возможностями для проведения контрнаступательных действий. В условиях отсутствия каких-либо контактов (не говоря уже о взаимодействии) коллективного Запада с силами, лояльными Б. Асаду, возникала вероятность утверждения вместо светского режима в Сирии исламистов, стремящихся насильственным путем построить гомогенный суннитский халифат в глобальном масштабе. Это и стало первой и основной причиной боевого применения российских Вооруженных сил в борьбе с «Исламским государством», начиная с 30 сентября 2015 г. – первой военной кампании РФ за пределами границ бывшего СССР. Задействованная в борьбе с ИГ межвидовая группировка имела относительно небольшую численность (приблизительно 5 тыс. солдат и офицеров), компактно дислоцируясь основными силами всего в двух центрах: в порту Латакии (боевые единицы ВМФ и силы поддержки) и на авиабазе Хмейим (части Воздушно-космических сил и части прикрытия). Здесь к началу авиаударов ВКС РФ по ИГ было сосредоточено по 12 бомбардировщиков и штурмовиков,

17. Interview mit Bundesaußenminister Frank-Walter Steinmeier. Themen: Griechenland, das iranische Atomprogramm sowie angebliche NSA-Aktivitäten in Deutschland. Erschienen im Tagesspiegel am Sonntag (05.07.2015.) // Сайт МИД ФРГ <http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Interviews/2015/150706_BM_Tagesspiegel.html?nn=337666> (Дата обращения: 17.07.2016.)

6 истребителей, а также свыше 20 вертолетов[18]. Юридической основой для развертывания авиагруппы ВС РФ в Сирии стало подписанное 26 августа 2015 г. соглашение по данному вопросу и запрос президента Б. Асада о российской военной помощи на основании договора о сотрудничестве (1980). Днем 30 сентября 2015 г. Совет Федерации единогласно одобрил военное применение российских военнослужащих и боевой техники в Сирии[19], а уже через несколько часов ВКС РФ начали бомбардировки позиций «Исламского государства».

Какие причины, помимо ключевой – противодействия ИГ, определяли действия России? Безусловно, руководство РФ стремилось продемонстрировать готовность оказать экстренную и полноценную военную помощь своему союзнику. Учитывая наметившееся сближение с официальным Каиром после возвращения Египта к светской модели развития и избрания президентом Ф. Ас-Сиси, скорость и решительность предпринятых Россией мер значительно повышали ее шансы в поиске новых (при условии сохранения старого) союзников на Ближнем Востоке. Так, РФ совместно с Сирией, Ираком и Ираном создала Информационный центр в Багдаде – пункт координации усилий антитеррористической коалиции, второй после созданной США. В движении РФ к укреплению своих стратегических позиций в Леванте немаловажное значение имело и обеспечение легитимного российского военного присутствия на постоянной основе и на долгосрочную перспективу.

Активно включившись в борьбу с ИГ, Россия демонстрировала готовность к координации своих усилий с институтами и государствами коллективного Запада, тем самым стремясь к общей нормализации отношений с ними.

Сохраняя жесткую риторику в отношении режима Б. Асада, в то же время официальный Берлин избегал критики российских действий. Прежде всего, думается, это объяснялось заинтересованностью ФРГ в максимальном снижении возраставшей угрозы от «Исламского государства», при этом без длительного боевого применения бундесвера. Большое значение имел и эффект стратегической неожиданности событий 30 сентября 2015 г., хотя сведения о наращивании российского военного присутствия в Сирии поступали в Берлин как по линии BND, так и от разведструктур НАТО. По мнению автора,

18. Минобороны назвало численность авиагруппы в Сирии <http://lenta.ru/news/2015/10/01/fifty/> (Дата обращения: 04.07.2016.)

19. Члены Совета Федерации единогласно проголосовали за принятие Постановления об использовании Вооруженных сил РФ за пределами Российской Федерации. Соответствующее постановление на рассмотрение Совета Федерации внес Президент РФ Владимир Путин // Официальный сайт СФ ФС РФ <www.councils.gov.ru/events/news/59272/> (Дата обращения: 25.07.2016.)

отмеченное обстоятельство прежде всего было обусловлено предшествующими действиями самого «черно-красного» правительства. Свертывание контактов с РФ в рамках многосторонних (в частности, G8) и двусторонних форматов, введение санкций и общая атмосфера похолодания отношений отнюдь не способствовали стремлению Кремля предупреждать ФРГ о своих намерениях (а тем более согласовывать их). Тем самым косвенно действия России облегчали путь к нормализации отношений сторон.

Фактор присутствия ВС России в Сирии не мог не учитываться руководством ФРГ при реализации шагов военного характера: это повлияло на решение кабинета «большой коалиции» пойти в начале октября 2015 г. на досрочный вывод военнослужащих и систем PATRIOT с турецкой территории[20], вслед за ним аналогичные решения приняли Нидерланды и США. ФРГ стремилась избежать вовлечения себя и НАТО в возможные инциденты с ВКС РФ, что могло произойти уже 24 ноября 2015 г., когда турецкие ВВС сбили российский самолет Су-24, и тем самым новой резкой эскалации между альянсом и Россией.

Акты мегатеррора 13 ноября 2015 г. в Париже потребовали от руководства ФРГ фактического, а не декларативного, вовлечения в борьбу с «Исламским государством». 2 декабря 2015 г. устами министров обороны (У. фон дер Ляйен) и иностранных дел (Ф.-В. Штайнмайер) кабинет «большой коалиции» запросил санкцию Бундестага на военное применение контингента бундесвера численностью 1,2 тыс. военнослужащих. Однако, исходя из большинства задач контингента – осуществление космической и авиаразведки (совместно с французской стороной), морское патрулирование и охрана кораблей ВМС, заправка боевых самолетов ВВС Франции, – его военнослужащие не должны были непосредственно принимать участие в боевых действиях на территории Ирака и Сирии. Менее 50 офицеров бундесвера должны были участвовать в наземных операциях, причем и они работали при штабах (иракских курдов, официального Багдада, центров планирования борьбы с терроризмом союзников по НАТО)[21]. Думается, что среди прочего, выбор подобной схемы использования обусловливался стремлением снизить число и масштаб возможных инцидентов с РФ.

20. Die PATRIOTs in der Türkei beenden ihren Auftrag <http://www.einsatz.bundeswehr.de/portal/a/einsatzbw/!ut/p/c4/LYvBCsIwEET_KJtoRfDW2IsevWi9yLZZymKalLi1UPx4E-gMDMw8Bp6QHfDLAwrHgB4e0PZ86hbVLY5exOGDsuaKb5nJ-20iWQnu5exI9TGQlBQKwjmHhBKTmmISX8icUiaKHbTaNNYcK73J_Oq9vZ53h0o3F3uDaRzrP0pV5EE!/> (Дата обращения: 17.07.2016.)

21. Rede von Dr. Ursula von der Leyen, Bundesministerin BMVg // Plenarprotokoll 18/142. Deutscher Bundestag, 18 Wahlperiode. Stenografischer Bericht 142. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 2. Dezember 2015. – S. 13875C–13876C.

Однако это вовсе не означало готовности к взаимодействию с Россией по военным вопросам. В отличие от президента Франции Ф. Олланда, предложившего во время своего визита в Вашингтон в конце ноября 2015 г. координировать действия двух антитеррористических коалиций – с ведущим участием США и России, – руководство ФРГ даже не рассматривало такую возможность. За более чем полгода участия ВКС России в борьбе с ИГ в Сирии не было зафиксировано ни одного случая осуществления взаимодействия с бундесвером на оперативно-тактическом уровне. В отличие от США, ФРГ не стала заключать двусторонних договоренностей с РФ о недопущении столкновений авиации, хотя разведсамолеты Tornado и боевые единицы ВКС неоднократно пересекались в воздушном пространстве САР.

В первую очередь позиция Германия объясняется общеполитическим фоном. ФРГ, несмотря на медленное улучшение двусторонних отношений, не была готова пойти на их полное восстановление, что с высокой долей вероятности повлекло бы за собой установление взаимодействия в военной сфере. Кабинет А. Меркель / Г. Вестервелле не мог не учитывать категорическое стремление США и их ближайших партнеров по антитеррористической коалиции избежать (как минимум де-юре) координации усилий с ВКС РФ и ее союзниками. В отличие от Франции, Германия была новоиспеченным и несущим весьма ограниченную собственно боевую нагрузку членом коалиции, а потому проявление ей слишком большой самостоятельности могло вызвать требование расширить мандат бундесвера и направить в Сирию боевые самолеты, чего правительство «большой коалиции» пыталось избежать.

В октябре 2015 – январе 2016 г. ИГ потеряло инициативу на главном – сирийском театре военных действий благодаря действиям ВКС РФ, поддерживавшим контрнаступательные действия правительственных войск Б. Асада. Ослабление ИГ при ведущем участии России и официального Дамаска создали условия для активизации переговорного процесса по Сирии – в первую очередь под эгидой ООН, в рамках которого взаимодействовали дипломаты РФ и ФРГ. Во многом это объяснялось интересом обеих сторон к заключению договоренностей по завершению боевых действий между режимом Б. Асада и умеренной оппозицией. Позиция ФРГ в ходе переговорного процесса, что отчетливо проявилось в феврале 2016 г., была двухкомпонентной. Так, именно на полях LII Мюнхенской конференции по безопасности в начале февраля 2016 г. с участием РФ были выработаны прелиминарные условия соглашения о прекращении огня [5]. А уже 15 февраля 2016 г. А. Меркель высказалась за создание бесполетной воздушной зоны как минимум над

частью САР[22]. Чем объяснялась такая, на первый взгляд двойственная, позиция ФРГ? Прежде всего – стремлением расширить меры по поддержке оппозиции – весьма ослабленной и ведущей малоуспешные боевые действия. Впервые с 2011 г. ФРГ проявила готовность пойти для этого на реализацию военных мер. Эти изменения и были вызваны успехами переговорного процесса – умеренная оппозиция становилась общепризнанным игроком на политическом ландшафте САР, а оказание ей военной помощи уже не угрожало Германии быть втянутой в гражданскую войну в Сирии. Заявление А. Меркель должно было стать «сигналом» как для России, так и для правительства Б. Асада о наличии четких интересов ФРГ в САР и готовности их отстаивать.

Заключение 27 февраля 2016 г. перемирия о прекращении огня открыло новые возможности для оказания Германией помощи, в том числе военной, умеренной оппозиции. Так, в районе второго по важности сирийского города Алеппо в июне 2016 г. были зафиксированы подразделения спецназа бундесвера, но данный факт отрицался германскими властями[23]. Хотя Россия с середины марта 2016 г. сократила свое военное присутствие в САР, она продолжает активно использовать военные инструменты на ее территории для борьбы с ИГ. Таким образом, приближаясь к решению «сирийской проблемы», каждая из сторон активно использовала широкий набор внешнеполитических возможностей для отстаивания своих, во многом не совпадающих, интересов.

* * *

Сирия, особенно с момента ее вступления в состояние длительной нестабильности, являлась фокусным регионом во внешней политике как РФ, так и ФРГ при весьма различающихся стратегических целях. Действия двух держав имели общий знаменатель только при условии осознания угроз безопасности. Соответственно, в ходе сирийских событий отношения России и Германии прошли четыре основных этапа. На первом из них (2011–2012) отчетливо проявилось различное ви́дение будущего «новой Сирии», особенно в связи с принятием ФРГ широкого спектра мер, направленных против официального Дамаска. Затягивание гражданской войны, угрожая распространению нестабильности, способствовало взаимодействию двух держав весной 2013 –

22. Merkel für Flugverbotzone über Syrien <www.zeit.de/politik/2016-02/angela-merkel-flugverbotszone-syrien-baschar-al-assad-islamischer-staat> (Дата обращения: 17.07.2016.)

23. Минобороны ФРГ опровергло информацию о присутствии своего спецназа в Сирии <http://ria.ru/syria/20160615/1447923181.html> (Дата обращения: 17.07.2016.)

в начале 2014 г. Обе стороны стремились к заключению всеобъемлющего перемирия и недопущению эскалации конфликта. Негативный внешний фон – общее и резкое ухудшение отношений РФ и коллективного Запада – привел к сокращению до минимума контактов по Сирии на третьем этапе (апрель 2014 – сентябрь 2015 г.). На следующем, четвертом, этапе (октябрь 2015 – февраль 2016 г.) в условиях масштабного военного вовлечения РФ в борьбу с ИГ и подключения ФРГ к антитеррористической коалиции Запада обе стороны, избегая какой-либо координации усилий на поле боя, развивали политический диалог. Заключение перемирия 27 февраля 2016 г. убрало одну из предпосылок временно возникавшего взаимодействия сторон. Другая предпосылка – необходимость максимального ослабления ИГ – является сегодня основным двигателем диалога двух держав.

По мере возвращения Сирии к состоянию светского и стабильного государства различия подходов РФ и ФРГ будут проявляться всё острее. Возможность избежать этого – перейти от игры по схеме с нулевой суммой к схеме «плюс – плюс». На практике это может означать включение в состав правительства Б. Асада представителей умеренной оппозиции при закреплении за суннитами определенных политических постов на конституционном уровне. В ответ официальный Дамаск должен принять на себя обязательства, во-первых, не допускать возвращения боевиков ИГ или других структур международного терроризма на свою территорию. Во-вторых, принимать максимальное число беженцев (при условии международного содействия в реконструкции страны). Наконец, в-третьих, модернизировать политическую систему и социально-экономическую сферу. С точки зрения автора, это один из немногих вариантов решения «сирийской проблемы», построенный на компромиссном взаимном учете позиций ФРГ и РФ.

Литература

1. Арзаманова Т.В. Позиция Германии во время ливийского кризиса-2011: Новая внешнеполитическая стратегия или предвыборный маневр? // Европейская безопасность: События, оценки, прогнозы. – М.: ИНИОН РАН, 2011. – № 26 (42). – С. 11–15.

2. Золотарев В.А., Путилин Б.Г. Месть за Победу: Советский Союз и «холодная война». – М., 2014. – 800 с.

3. Зубов А. Сирия: Предыстория трагедии // Новая газета <www.novayagazeta.ru/comments/70395.html> (Дата обращения: 02.07.2016.)

4. Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка) / Под ред. В.В. Наумкина, Д.Б. Малышевой. – М., 2015. – 504 с.

5. Наумкин В.В. Военная победа в Сирии невозможна // Российский совет по международным делам <russiancouncil.ru/inner/?id_4=7306#top-content> (Дата обращения: 04.07.2016.)

6. Примаков Е.М. Ближний Восток: На сцене и за кулисами. – М., 2006. – 384 с.

7. Примаков Е.М. Вызовы и альтернативы многополярного мира: Роль России. – М., 2014. – 318 с.

8. Сапронова М. Сирия, G8 и особая позиция России // Военно-промышленный курьер. – М., 2013. – № 26 (494). – С. 1, 3.

9. Curtisius G. Friedenslösung für Ukraine, Irak / Syrien. Konflikt-Gefahren durch Wirtschaftsflüchtlinge und Islam. – Nordstedt: Books on Demand, 2015. – 60 S.

10. Sackelmore J. The World Against ISIS. – New York: Conceptual Kings (Standard Copyright License), 2014. – 78 p.

11. Pinfari M. Tunisia and Lybia // The European Union and the Arab Spring / Peters J. (Edit.). – Lexington: Lexington books, 2012. – P. 33–47.

12. Yigit N. Arab spring in Berlin and Paris. German and French foreign policy between continuity and change. – Hamburg Anchor Academic Publishing, 2015. – 68 S.

З.А. Дадабаева

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ТАДЖИКИСТАНА К ЕАЭС: ПРЕИМУЩЕСТВА И РИСКИ*

Дадабаева Зарина Абдурахмановна – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник ИЭ РАН.

Из существующих на евразийском пространстве интеграционных объединений – Содружества независимых государств (СНГ), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Таможенного союза (ТС), Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и существовавшего до недавнего времени Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) – Таджикистан не входит только в ЕАЭС. Пока невозможно говорить о конкретных сроках его вступления. С одной стороны, Таджикистан поддерживает тесные торгово-экономические связи с основными участниками союза – Россией и Казахстаном, с другой – официальный Душанбе проявляет заметную осторожность.

Самое молодое интеграционное объединение на постсоветском пространстве, Евразийский экономический союз, начало действовать с 1 января 2015 г. Основные цели организации: модернизация, кооперация, повышение конкурентоспособности национальных экономик, стабильное развитие, повышение жизненного уровня людей были провозглашены странами-основательницами – Россией, Казахстаном, Белоруссией.

До полноценного вступления в силу Договора о ЕАЭС все три страны прошли трудный путь в рамках Евразийского экономического сообщества и Таможенного союза по созданию единого экономического пространства и единой таможенной территории. На первых этапах трудности были связаны с совершенствованием институциональной структуры и расширением перечня

* *Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ «Экономическая и социальная трансформация постсоветского пространства в контексте евразийской интеграции» № 15-07-00020.*

поставляемых товаров, стремлением к сохранению национального суверенитета в рамках единого экономического пространства. Для согласования действий была создана Евразийская экономическая комиссия – прообраз будущего наднационального органа. В 2010 г. вступил в силу единый Таможенный кодекс трех стран. Консолидация России, Белоруссии и Казахстана создала благоприятные условия для восстановления научно-технической и производственной кооперации предприятий этих государств. Произошли положительные изменения в таможенном законодательстве, экономия на таможенных платежах позволила повысить конкурентоспособность товаров, увеличилось число компаний, работающих на внешнем рынке, что позволило сформировать общий рынок товаров всех участников внешнеэкономической деятельности. По оценкам специалистов, объем взаимной торговли государств – членов Таможенного союза в 2012 г. по сравнению с 2011 г. увеличился на 8,7% и составил 68,6 млрд долл. [1]. Однако положительная динамика первых лет сменилась некоторой стагнацией взаимной торговли и замедлением товарооборота между странами ТС в 2013–2014 гг. Причины коренились в ценовых факторах, различиях налоговых и валютных режимов. Члены ТС демонстрировали «разнонаправленную динамику поставки товаров на общий рынок ТС и ЕЭП. Так, объемы поставок в Белоруссии росли до 2013 г., при этом ежегодно сокращались в Казахстане, начиная с 2011 г. Рост объемов продаж на рынке ТС и ЕЭП в России в 2012 г. сменился их снижением в последующие годы [4, с. 1–2]. Темпы роста взаимной торговли сократились со 133,9% в 2011 г. до 89,0% в 2014 г. [4, с. 2].

Плюсы и минусы присоединения Таджикистана к ЕАЭС

Несмотря на замедление темпов сотрудничества, Таможенный союз и Евразийский экономический союз выгодны их участникам в силу исторических и экономических связей, территориальной, языковой и культурной близости.

Между тем опыт экономического взаимодействия теперь уже пяти государств (как известно, к трем странам – основательницам ТС присоединились Армения и Киргизия) на принципах общего рынка со свободным перемещением товаров, услуг, капиталов, рабочей силы показал, что между участниками существуют разногласия и противоречия. И возможное присоединение Таджикистана с его не очень развитой экономикой может иметь не только позитивные, но и негативные последствия.

Республика Таджикистан, небольшая горная страна на самом юге постсоветского пространства, всегда была союзником и партнером для своих соседей. России Таджикистан продолжает доверять даже больше, чем своим

соседям по региону (с которыми до сих пор существуют территориальные и водные споры). Страна самой последней из бывших советских республик объявила о своем суверенитете, самой последней перешла на национальную валюту. В Таджикистане находится одна из крупных военных баз России за рубежом; в Россию направился основной поток беженцев во время гражданской войны; в Россию в последние годы едет основной поток трудовых мигрантов из Таджикистана.

В чем состоят выгоды для Таджикистана от вступление в ЕАЭС?

1. В сокращении внутренней безработицы.

По официальным данным, количество безработных, зарегистрированных в службах занятости невелико и составляло в 2013 г. – 54 тыс. человек (в возрасте от 18 до 29 лет – 27,8%), в 2014 г. – 56 тыс. человек [9, с. 383] (в возрасте от 18 до 29 лет – 30,6%) [5, с. 97]. Но часть населения официально не состоит на учете, а занята частным предпринимательством. С 1995 г. численность работающих не по найму (31,0%) увеличилась до 53,4% в 2014 г. [9, с. 379].

2. В решении демографических проблем.

В 2015 г. 19% от общей численности населения составляли молодые люди 20–30 лет. С 1999 г. прирост составил 4%. Аналогичные показатели в 2015 г. в странах ЕАЭС: в России – около 14%, Казахстане – 17, Белоруссии – около 15% [9, с. 351].

3. В получении возможностей для свободного передвижения рабочей силы.

Преференциальное отношение к киргизским трудовым мигрантам позволяет предполагать, что аналогичные условия могут быть созданы и для таджикских трудовых мигрантов, общая численность которых в России, по разным данным, составляет от 500 тыс. до 1 млн человек.

4. В привлечении в страну надежных региональных инвесторов, в первую очередь российских и казахских.

В то же самое время есть ряд аргументов против вступления Таджикистана в ЕАЭС. Заключаются они в возможной потере от реэкспорта китайских и турецких товаров; заметном сокращении донорской помощи от международных организаций и инвестиций из других стран, особенно со стороны Китая.

Так, в 2007–2014 гг. от КНР поступили инвестиции на сумму свыше 1 млрд долл. По вложенным средствам на протяжении последних нескольких лет он находится на втором после России месте (из нее за этот же период поступил 1 млрд 319,7 долл.). Но за семь месяцев 2016 г. гуманитарная помощь от Китая составила 26,4%, а от России – 19,8% [8].

России и другим странам ЕАЭС присоединение Таджикистана в большей степени позволит решить военно-политические проблемы, но наложит на них определенное экономическое бремя, особенно на Россию и Казахстан как

основных экономических партнеров. Сложная экономическая ситуация в этих странах в настоящее время не способствует поспешному расширению союза за счет экономически слабой страны. Поэтому говорить о быстром расширении ЕАЭС за счет Таджикистана преждевременно, так как это будет сопряжено со значительными финансовыми издержками.

Следует указать еще на один потенциальный риск вступления Таджикистана в ЕАЭС. Авторитарный и экономически неоднородный режим выталкивает огромное количество трудовых мигрантов на рынок труда ЕАЭС, что, с одной стороны, решает проблему нехватки трудовых ресурсов в государствах союза, с другой – создает социальную напряженность в принимающих странах, обостряет проблему социокультурной адаптации. Существует опасность проникновения на территорию союза граждан со сложившимися террористическими навыками и радикальными взглядами, а вполне лояльные мигранты, сталкиваясь с отторжением принимающего сообщества, попадают под влияние вербовщиков экстремистских организаций уже на территории стран союза.

Вместе с тем о пользе расширения ЕАЭС для стран – членов союза и для Таджикистана говорит возможность защитить производимую продукцию от конкуренции с аналогичными товарами на мировом рынке путем высоких импортных пошлин. Одновременно вывоз сырья за рубеж можно сдерживать высокими экспортными пошлинами при условии согласованной таможенной политики стран-участниц. Правда, в рамках пяти государств путь к таким договоренностям оказался очень долог: только в августе 2016 г. было заявлено о достижении принципиального согласия о новом варианте Таможенного кодекса.

Важна скоординированная и разумная протекционистская политика по отношению к собственным производителям, что весьма актуально в условиях европейских санкций против России. Возможно, впоследствии удастся тесно согласовывать ее макроэкономические параметры и вести единую монетарную политику. Общий рынок стран ЕАЭС и в перспективе – Таджикистана поможет увеличить занятость населения, обеспечить рост собственного производства, в том числе в сельском хозяйстве. За годы независимости республика тесно сотрудничала только с двумя странами Таможенного союза – Россией, которая является ее основным торговым и инвестиционным партнером, и Казахстаном, доля которого сравнительно высока в таджикском импорте. Структура торговли с этими странами основана на импорте нефтепродуктов, азотных удобрений, лесоматериалов, изделий из черных металлов, трансформаторов, муки, пшеницы, растительного масла.

Вступление Таджикистана в ВТО в 2013 г. позволило расширить внешнеэкономические ориентиры, облегчило экономическое взаимодействие со всеми региональными соседями, но замедлило процесс возможного при-

соединения к ЕАЭС из-за необходимости гармонизации тарифов и унификации таможенных правил.

Несмотря на проводимые правительством политические и экономические реформы, республика не в состоянии полноценно финансировать свое развитие. Связано это, в частности, с высоким уровнем коррупции, значительной долей теневой экономики, которая, по экспертным оценкам, составляет около 60%. Ситуация усугубляется низким уровнем экономических свобод, слабым развитием предпринимательства, отсталой транспортной инфраструктурой, недостаточным уровнем профессионального образования населения, низкой инвестиционной привлекательностью республики.

По данным Всемирного банка, в 2015 г. Таджикистан находился на 132-м месте по показателю ведения бизнеса из 189 стран мира.

Удаленность республики от центров экономической активности достигает нескольких тысяч километров, 93% ее территории занимают горы, страна не имеет выхода к морю и к международным торговым магистралям. Ближайшие соседи по региону имеют схожую структуру экономики и невысокий уровень развития (Киргизия). Все это увеличивает риски для инвестиционных вложений в Таджикистан. Такая ситуация, на наш взгляд, обусловливает необходимость вступления Таджикистана в ЕАЭС.

Интеграционный выбор – мнения экспертов

В республике уже давно ведутся дискуссии об интеграционном выборе. Первоначально речь шла о вступлении в Таможенный союз. Изучение общественного мнения показало, что крупный бизнес, трудовые мигранты выступали за интеграцию. «В среднесрочной перспективе Таджикистану выгоднее вступить именно в Таможенный союз. Это не только гарантирует работу мигрантов на рынке труда России, но и снимет риск введения странами-поставщиками запрета на экспорт топлива и продовольствия» [7].

При этом экспертное сообщество призывало к осторожности, предлагая просчитывать возможные последствия и совершать лишь выверенные неторопливые шаги на пути к новым евразийским проектам. Аналогичные призывы звучат и сейчас, при рассмотрении вопроса о присоединении к Евразийскому экономическому союзу. В то же время все понимают уязвимость самостоятельно существующей национальной экономики: отдаленность от магистральных линий, географическая изоляция, слабые коммуникационные и транспортные структуры, бедность, безработица, продолжающийся рост населения, низкий уровень покупательной способности не способствуют ее успешному развитию.

К выгодам интеграции специалисты относят: свободное перемещение трудовых мигрантов по территории ЕАЭС, рост производства и отсутствие

таможенных барьеров при экспорте товаров и сельхозпродукции, свободный импорт ключевых товаров и услуг из России, Казахстана и Белоруссии, снижение потерь от введения запрета на экспорт топлива и продовольствия.

Риски вступления, повторим, усматриваются экономистами в росте цен на сельхозпродукцию, сокращении реэкспорта китайских и турецких товаров (основных источников дохода большинства населения), росте цен на автотранспортные средства, как это произошло в Белоруссии и Казахстане, сокращении объема торговли на внутренних рынках (из-за низкой конкурентоспособности местных производителей). Как результат, возможно сокращение рабочих мест и увеличение безработицы.

В научном сообществе поддерживается стремление республики вступить в ТС / ЕАЭС после Киргизии. Экономист Р. Бабаджанов считает, что «достаточно большое количество грузов к нам все равно будет идти через Узбекистан, потому что через Киргизию хороших транспортных артерий у нас нет. Нам нужно строить автомобильную и железную дорогу из Таджикистана в Киргизию с выходом на Казахстан» [6].

Некоторые эксперты в республике считают, что выгоды от вступления в ЕАЭС не столь явные, скорее наоборот. В Таджикистане могут резко увеличиться цены на все товары, импортируемые из других стран: «подержанные автомобили, бытовую и компьютерную технику, стройматериалы, одежду, обувь и т.д.», так как большую долю в общем импорте республики занимают Китай, Турция, Иран, ОАЭ. Тем более что количество автотранспорта, переведенного на использование сжиженного газа, с каждым годом увеличивается, а это снижает потребности в обычном топливе.

По расчетам известного таджикского экономиста профессора Х. Умарова, «до 46% общего объема налоговых поступлений в Таджикистане собирается на границе. Это таможенные пошлины, НДС и акцизы. Вступив в ЕАЭС, государство может лишиться этих доходов» [3]. При этом останется НДС, доля которого в доходах бюджета превышает долю тарифов и пошлин на экспорт–импорт, которые страна сможет изымать на внутренних границах.

Поспешное присоединение может иметь отрицательные последствия, если не будут продуманы действенные механизмы его реализации. По мнению таджикского эксперта Р. Зоийрова, нужно подготовить экономико-правовую базу в соответствии с требованиями ТС / ЕАЭС, в первую очередь устранить разницу между Таможенными кодексами Таджикистана и Таможенного союза, так как 60% норм этих кодексов сегодня не соответствуют друг другу, и сделать это надо до вступления в союз [2, с. 97].

Итак, еще раз подчеркнем, что присоединение Таджикистана к ЕАЭС позволит небольшой и экономически слабой стране решить ряд важных для нее проблем, касающихся обеспечения политической безопасности и экономической стабильности.

Легализации трудовых мигрантов на общем рынке труда России, Казахстана и Белоруссии позволят гарантировать им законную и безопасную работу. Тесные связи в рамках союза помогут обеспечить свободный импорт топлива, получать новые технологии и оборудование на более выгодных условиях. Станут возможными увеличение экспорта сельскохозяйственной продукции республики в страны союза и сокращение таможенных издержек при пересечении экспортными товарами нескольких границ. Таджикистан сможет стать не только транзитным транспортным узлом, соединяющим страны Центральной Азии и СНГ с Юго-Восточной Азией, но и выйдет к международным торговым путям. Можно будет ожидать увеличения инвестиций из стран союза для развития реального сектора экономики.

Страны ЕАЭС, в свою очередь, смогут использовать природные и сырьевые ресурсы Таджикистана, в частности как одного из главных источников чистой питьевой воды, а также воды для ирригации в регионе Центральной Азии. Республика также может стать потенциальным поставщиком электроэнергии в Центральной и Юго-Восточной Азии, что в условиях азиатского климата крайне важно для развития стран, не имеющих запасов нефти и газа.

Весомыми факторами в пользу объединения могут стать уникальные запасы редкоземельных металлов, стратегически важных природных ископаемых – золота, серебра, урана.

Таджикистан, граничащий с перманентно воюющим Афганистаном, представляет собой своеобразный форпост на пути непрекращающегося наркотрафика из этой страны и проникновения идей радикального ислама. Это повышает роль республики в обеспечении безопасности региона, в том числе военной; здесь находится уникальный оптико-электронный узел системы контроля космического пространства «Нурек». Таджикистан – важное звено в обеспечении контроля за стационарной околоземной орбитой.

Литература

1. Взаимная торговля стран Таможенного союза превысила 68 млрд долл. – http://enwfond.ru/kratkie-novosti/308-vzaimnaya-torgovlya-stran-tamozhennogo-soyuza-prevysila-68-mlrd-dollarov.html

2. Дадабаева З.А. Позиции Киргизии и Таджикистана в вопросах вступления в Таможенный союз и ЕЭП // Евразийские интеграционные проекты в восприятии постсоветских стран и Китая / Под общ. ред. Е.М. Кузьминой. – М: ИЭ РАН, 2013.

3. Каримов Б. Таджикистан и Таможенный союз: Плюсы и минусы. – http://www.news.tj/ru/

4. Причины изменения динамики взаимной торговли государств – членов Таможенного союза и Единого экономического пространства в 2010–2014-х годах и предложения по наращиванию объемов взаимного товарооборота государств – членов Евразийского экономического союза. – https://docs.eaeunion.org/docs/ruru/0127578/clco_22042015_38_att.pdf

5. Статистический ежегодник Республики Таджикистан. Агентство по статистике Республики Таджикистан. – Душанбе, 2014. – С. 97.

6. Фасхутдинов Г. В Таджикистане ищут выгоду от Таможенного союза. – http://www.dw.de/14967803

7. Фасхутдинов Г. Таджикистан: ВТО и Таможенный союз – два вектора и два подхода. – http:dw.de/p/148Od

8. Чоршанбиев П. Объем гуманитарной помощи Таджикистану, и число доноров растет. – http://old.news.tj/ru/news/obem-gumanitarnoi-pomoshchi-tadzhikistanu-i-chislo-donorov-rastut

9. 25 лет Содружеству Независимых Государств 1991–2015: Стат. сб. – М., 2016. – С. 383.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

И.Г. Шаблинский

РОССИЙСКИЕ АВТОРЫ О ДВУХ ДЕСЯТИЛЕТИЯХ РЕФОРМ (РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ПОЛЯХ КНИГ)

Шаблинский Илья Георгиевич – доктор исторических наук, профессор НИУ «Высшая школа экономики».

Проблемы в развитии российской экономики и Российского государства, отчетливо проявившиеся после 2014 г., ставят в повестку дня вопрос о российской модернизации. В связи с этим актуальными представляются исследования, осмысливающие российский опыт реформирования государства, включая последний этап, связанный с Конституцией 1993 г. и формированием на ее основе нового конституционализма. Выбор работ для анализа этих направлений современной мысли России – безусловно, предмет субъективного подхода автора. Но именно авторам, о которых речь пойдет ниже[1], удалось рассмотреть в рамках монографической формы широкий круг вопросов, связанных с формированием современного политического режима, с соотношением власти и собственности, а главное, дать на эти вопросы убедительные ответы.

Обозначим вопросы, которые оказались в центре внимания этих работ. Первое: особенности и типы российских реформ, связанных с различными историческими эпохами. Второе: демократизация при Горбачёве в конце 1980-х годов и распад Союза ССР – события, предопределившие логику и смысл последней по времени волны реформ. Третье: это ключевой, по сути, вопрос – почему очередная попытка построения основ правового государства в России фактически закончилась неудачей? И, наконец, последнее: каковы важнейшие правовые условия модернизации в нашей стране?

1. Медушевский А.Н. Ключевые проблемы российской модернизации. Курс лекций. – М.: Директ-Медиа, 2014; Пивоваров Ю.С. Русское настоящее и советское прошлое. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. Университетская книга, 2014. – 336 с.; Лапаева В.В. Право и политика. – М.: РАП, 2009.

О типах реформ и модернизаций

Термины «модернизация» и «проблемы модернизации» представляются тут наиболее приемлемыми. Они ассоциируются с известной социальной теорией, возникшей в середине XX в. и призванной в какой-то мере поставить под сомнение марксистскую идеологию развития.

Андрей Медушевский напоминает: «Классическая теория модернизации, созданная в 50–60-е годы XX в. американскими социологами, историками и экономистами в качестве ответа на вызов марксизма, стремилась обобщить параметры трансформации традиционного общества в новое и новейшее время. Модернизация поэтому выступала как линейный процесс, инициированный из единого центра (отождествление модернизации и европеизации), связанный в основном с экономическими и технологическими изменениями…»[2]

Добавим: и изменениями в правовой и политической системах. Модернизация в этих сферах означала равенство граждан как субъектов гражданских правоотношений, их равенство перед законом, признание государством ряда фундаментальных прав и свобод личности (с допустимыми их ограничениями – соответствующими национальным и правовым системам), защиту этих прав посредством судов, независимых от администраций, выборность и сменяемость власти (также с учетом специфики национальных законодательств) и многое другое.

В российском опыте важное место занимают попытки осуществить техническое перевооружение, технологическую модернизацию методами внеправового принуждения – попросту жестокого насилия. Речь идет о попытках модернизации в условиях всеобщего бесправия. И это, может быть, одна из самых важных русских тем.

А. Медушевский (напоминая о близости или даже равнозначности в данном контексте понятий «модернизация» и «реформа») выделяет три модели российских реформ. Им соответствуют и три реформационных периода: «петровский» с его опорой на принуждение и грубо-административные методы; пореформенный, связанный с вовлечением в общественную жизнь просвещенных кругов; и «столыпинский», вызванный к жизни широким протестным движением, но представляющийся воплощением умеренной консервативно-либеральной программы[3].

У него же приводится интересный фрагмент о споре между Львом Толстым и Петром Столыпиным о значении частной собственности на землю. Толстой, как выразитель чаяний крестьянской массы, последовательно выступал в защиту крестьянской общины (разрушаемой столыпинской

2. Медушевский А.Н. Указ. соч. – С. 5.
3. Там же. – С. 84–85.

реформой), за то, чтобы сделать «пользование землей одинаково доступным всем». Отвергая все проекты земельной реформы (выдвинутые как левыми, так и правыми партиями), Толстой предлагал ввести собственность «всего народа на землю»[4]. Он рассчитывал таким образом лишить почвы революционные идеи и вообще возможную революцию. Столыпин же возлагал надежды на «врожденное чувство собственности» и полагал возможным постепенное распространение норм гражданского права на всё население страны.

В итоге было воплощено в жизнь то, что оказалось – в определенной мере – ближе именно представлениям великого русского писателя. Впрочем, национализация земли была связана уже с новой эпохой в жизни страны – эпохой, провозгласившей радикальный разрыв с прошлым. Планы пришедшей к власти группировки включали и ликвидацию частной земельной собственности, и искоренение частного предпринимательства. В определенном смысле почва для революционных идей действительно была ликвидирована, поскольку реализован был наиболее радикальный проект. Помимо этого большевики реально стремились модернизировать промышленность. «Большевистская модель реформ» более всего напоминала «петровскую», связанную с неправовым принуждением. Юрий Пивоваров пишет: «Коммунисты занялись модернизацией страны, заковав ее в рабство. Они по-варварски взялись за дело, которое цивилизованно делали Витте и Столыпин»[5].

Попутно отметим, что модернизации по-советски (или по-большевистски) сопутствовали выхолащивание и принижение права, принятие советских конституций, игравших сугубо номинальную роль. Эти конституции и декоративные верховные советы должны были служить ширмой для террористической диктатуры, разных форм тоталитарного режима, в то время как Столыпину и его преемникам на посту главы правительства приходилось иметь дело со слабым, но вполне самостоятельным многопартийным парламентом и реальной системой права. С точки зрения истории конституционализма воцарение советского строя означало откат примерно на полтора столетия назад.

О властесобственности

Нас интересует именно правовой (или даже экономико-правовой) аспект данной модернизации по-большевистски. В ходе нее вопрос о собственности получил определенное решение, ставшее сущностью большевистского режима, «советской власти». Именно эта сущность – в несколько измененном виде – и была унаследована властью постсоветской. Эта сущность – слияние власти

4. Медушевский А.Н. Указ. соч. – С. 134–135.
5. Пивоваров Ю.С. Указ. соч. – С. 37.

и собственности, иными словами, возможность лица или группы лиц, обладающих государственной властью, владеть и распоряжаться любым объектом собственности на территории страны.

Ю. Пивоваров ссылается на американского историка Ричарда Пайпса, который одним из первых дал четкое определение данного феномена: «Россия принадлежит par excellence к той категории государств, которые политическая и социологическая литература обычно определяет как "вотчинные" (patrimonial). В таких государствах политическая власть мыслится и отправляется как продолжение права собственности, и властитель является одновременно и сувереном государства, и его собственником. Трудности, с которыми сопряжено поддержание режима такого типа перед лицом постоянно множащихся контактов и соперничества с Западом, имеющим иную систему правления, породили в России состояние перманентного внутреннего напряжения»[6].

Ю. Пивоваров предлагает новое понятие для обозначения данного феномена: «властесобственность». Оно представляется весьма удачным.

Тут мы подходим к одному важному выводу, уже нашедшему отражение в российской литературе: выводу о том, что сама перестройка конца 1980-х годов, в сущности (именно «в сущности»), была бунтом номенклатуры, вполне созревшей до обладания полноценными богатствами на правах полноценной собственности. Пивоваров использует для обозначения этого события термин из идеологического арсенала марксистов – получается выразительный образ: «Наши менеджеры (номенклатура) сумели перейти в совершенно новое качество, сбросив с себя пролетарские оковы – принципиально бессобственническую Систему. Кроме того, пролетарии-номенклатурщики захватили не просто собственность, "просто" в России не бывает. Они овладели **властесобственностью**, т.е. и государством, и экономикой. Вообще-то они пользовались всем этим и до революции 1989–1993 гг. Но именно "пользовались", а не владели и не могли передать по наследству своим детям. Ныне – **могут**… Сторонники старой советской Системы, на чем свет стоит, ругают М.С. Горбачёва и его приспешников: они-де оказались слабаками, предателями, неадекватными, неумехами и т.п. "Ничего подобного", – с возмущением возразим мы. – Напротив, М.С. Горбачёв и ведомое им руководство КПСС возглавили великий номенклатурный поход, номенклатурный транзит из страны (Системы) временно-условного обладания в страну (Систему) полновесно-правового владения и распоряжения…»[7]

6. Цит. по: Пивоваров Ю.С. Указ. соч. – С. 167.

7. Указ. соч. – С. 52–53.

Разумеется, к номенклатурной революции демократические реформы конца 1980-х годов никак не могут быть сведены: «Права человека, правовое государство, политический плюрализм и толерантность, рыночная экономика и частная собственность, причастность к европейской цивилизации, высшие моральные (религиозные) ценности – вот, что было написано на знаменах освободительного, антисоветского и антикоммунистического демократического движения. У этого движения было два главных отряда – свободолюбивая интеллигенция (ядро – диссиденты-инакомыслящие) и прогрессивная номенклатура»[8].

Здесь необходимо определенное уточнение. Притом, что объективно интересам части (все же, только части!) правящего слоя в СССР отвечали новые отношения собственности, номенклатурный слой в массе своей к этим отношениям не был вполне готов. Эти люди, занимавшие разные этажи административной власти, в общем, плохо представляли себе к чему перестройка и демократизация могут привести. Да, действительно, некое очень смутное недовольство зыбкостью своих прав, зыбкостью своего материального положения у части высших функционеров точно существовало. Некая неясность, а точнее ненадежность понятия «социалистическая собственность», равно как и права пользования госдачей вызывали фрустрации. Но в условиях того режима люди из номенклатуры довольно смутно представляли себе выход из положения. Революционный процесс шел мимо них. Главную роль в нем играла городская интеллигенция, а с 1989 г. еще и лидеры рабочего движения. Номенклатурный же слой разделился на множество групп, причем в революционных событиях участвовала самая малая их часть.

А. Медушевский в своем детальном исследовании рассматривает дискуссии о собственности в ходе заседаний съездов народных депутатов в 1989–1990 гг. Он констатирует отсутствие у советской элиты «рационального представления о собственности как правовом понятии» и «преобладание в целом метафизического и идеологизированного, т.е. вполне иррационального ее понимания, восходящего к устойчивым стереотипам традиционалистского коллективизма»[9]. И всё же итогом дискуссии можно считать «осторожный отказ от “социалистической собственности”, потому что собственность – везде собственность»[10].

С последним выводом трудно не согласиться.

Размышляя о причинах краха советского режима и государства, именовавшегося «СССР», А. Медушевский пишет об «основных теориях», объясняющих этот крах, и находит серьезные недостатки у каждой из них. Хотя

8. Пивоваров Ю.С. Указ. соч. – С. 54.
9. Медушевский А.Н. Указ. соч. – С. 328–329.
10. Указ. соч. – С. 330.

вообще-то каждый из отмеченных им факторов (рост национализма на окраинах СССР, изменение национально-демографической ситуации, коллапс социалистической экономики, кризис модернизации, внешнее давление и т.д.) сыграл свою серьезную роль в процессе кризиса и крушения режима и может стать предметом отдельного анализа.

Попробуем сформулировать нашу точку зрения на данную проблему, тем более что она все чаще делается предметом острой политической полемики.

На наш взгляд, следует акцентировать внимание на том, что в 1985 г. Михаил Горбачёв оказался перед лицом тяжелого экономического кризиса, выражавшегося и в дефиците бюджета огромного государства, и в явном технологическом отставании. Фактически, под угрозой оказалось дальнейшее развитие страны и, в частности, модернизация экономики. Это позже признавалось и самим Горбачёвым, и его оппонентами.

Но попытки стимулировать рост (в частности, с помощью эмиссии) не дали ощутимого результата. К тому же в 1986 г. началось снижение цен на нефть. Горбачёву и его ближайшим соратникам, вероятно, к этому времени стало ясно, что без глубоких реформ не обойтись. Демократизация, начатая во второй половине 80-х, судя по всему, должна была расширить социальную базу таких реформ. Но по поводу их направленности и содержания полного согласия внутри правящей группы, кажется, не было до самого конца. Социальная база перестройки действительно расширилась. Но к 1990 г. кризис приобрел уже самые тяжелые формы – прежде всего, речь шла об остром товарном дефиците, который был следствием скрытой инфляции. Из 15 республик, входивших в СССР, в шести – в результате вполне реальной демократической реформы – сформировались широкие оппозиционные движения, допускавшие выход из Союза. Его окончательный распад, т.е. крах попыток сохранить в едином государстве хотя бы девять республик, был связан в основном с вполне конкретными событиями 1991 г. Прежде всего, с путчем ГКЧП и явным стремлением руководства крупнейшей республики, РСФСР, стать самостоятельным государством, не обремененным никакими союзными обязательствами.

Исходным условием развала Союза стал, на наш взгляд, тяжелый экономический кризис, из которого союзное руководство пыталось выйти, не решаясь на переход к рыночной экономике.

На этот переход решились новые руководители Российской Федерации. Новой экономике должна была соответствовать новая правовая система. Формально были созданы все условия для построения правового государства. В российскую Конституцию была инкорпорирована декларация о правах человека, была начата судебная реформа. Пришедшая к власти в РФ группа содействовала в ходе приватизации установлению контроля над важнейшими активами (прежде всего, в нефтегазовой отрасли и металлургии) узкого слоя

предпринимателей, близких (точнее приблизившихся) к власти. Эта группа нуворишей оказалась в привилегированном положении. Но в то же время они в полной мере могли чувствовать свою зависимость от власти. Их положение оказалось весьма зыбким. И если при первом российском президенте крупные собственники фактически были самостоятельной силой, пытавшейся влиять на власть, то при втором президенте самым крупным собственником снова стала сама власть. «Властесобственность» снова стала осязаемой реальностью.

Власть (в лице главы государства и его ближайшего окружения) дала понять, что именно она и является фактическим (а не номинальным) хозяином любых крупных активов, что при наличии у нее намерения как-либо распорядиться любым объектом собственности, не будут иметь значения никакие документы, свидетельствующие о правах и титулах. Роль судов в таких случаях свелась к оформлению начальственной государственной воли.

Что касается судов, то в течение первого десятилетия постсоветского режима действительно возникли определенные предпосылки для финансовой и политической независимости судебной системы от административной. Но в последующие 15 лет от этой независимости не осталось и следа. Администрации всех уровней (от президентской до районной), используя все необходимые рычаги (назначение судей, председателей судов и их замов, финансовое давление и т.п.), подчинили себе судей, покончив заодно и с принципом разделения властей.

Ряд судебных процессов, фигурантами которых были крупнейшие предприниматели (вроде Ходорковского, Гуцериева, Чичваркина, Евтушенкова, Каменщика и др.), показали бизнес-сообществу, а заодно и рядовому гражданину, что право собственности – в классическом смысле – в государстве не защищено. То есть оно вроде бы есть – пока его субъект не вызвал раздражения у того или иного агента государства.

Закономерно чиновники самых разных уровней (опять же – от глав министерств и ведомств до глав районных администраций, их замов и руководителей департаментов) стали обладателями огромных состояний.

Ю. Пивоваров пишет: «Феномен властесобственности на этот раз возродился в самой чистой, еще более чистой, чем та, о которой мечтали первокоммунисты, форме – безо всяких ограничителей. Сегодня мы не обнаружили ни агрессивно жесткого мировоззрения, обуздывающего властесобственность, ни тех или иных религиозно-культурно-профессиональных запретов»[11]. Впрочем, есть некоторые нюансы. «Властители сами стали собственниками в особо крупных размерах, но не частными собственниками

11. Пивоваров Ю.С. Указ. соч. – С. 171.

в классическом смысле. Поскольку, если они начинают выпадать из Власти или, упаси Боже, конкурировать с ней, их гонят вон, или сажают»[12].

О конституционном кризисе

То, что такое положение ненормально, что оно служит одним из факторов стагнации – и в экономике, и в политике – сомнений не вызывает: «Современная "чистая" и без всяких ограничителей властесобственность не сможет долго существовать. Ей всё равно придется как-то меняться, на наш взгляд, вряд ли в сторону полного исчезновения. Скорее, она "придумает" себе какой-нибудь доселе неизвестный ограничитель»[13].

Может ли служить таким ограничителем Конституция Российской Федерации 1993 г.? Насколько позволяет судить опыт двух десятилетий ее действия – нет. Изначальное ослабление в ней роли парламента и усиление президентской власти, а также последовательное усугубление этого исходного дефекта действиями всех трех российских президентов, практически, полностью исключили ограничительную – т.е. основную – функцию Конституции.

Ю. Пивоваров отмечает: «В силу различных, но совершенно реальных социальных и прочих причин все три российских президента (Б.Н. Ельцин, В.В. Путин, Д.А. Медведев) – разумеется, с разной интенсивностью и последовательностью – резко ограничили… демократические, либеральные возможности Конституции и усилили властно-авторитарные. При этом, используя свои практически неограниченные полномочия (по той же Конституции), они произвели ряд принципиально недемократических и даже отчасти антиконституционных (по духу) нововведений, естественно, закрепив их юридически»[14].

Сформировавшаяся авторитарная конструкция власти, как мы знаем, может вызывать различные эмоциональные оценки, но сущность ее ни у кого сомнений не вызывает.

Примечательно, как в этом плане близки оценки двух цитируемых нами авторов: данная конструкция власти, по сути, означает возврат – нет, не в недавнее советское прошлое – но на столетие назад. А. Медушевский отмечает: «Российская форма правления представляет собой в известном смысле рационализированную версию дуалистической конституционной монархии, но не включает в то же время тех сдержек главы государства, которые

12. Пивоваров Ю.С. Указ. соч. – С. 171.
13. Там же. – С. 172.
14. Там же. – С. 182.

присущи данной форме правления… мы предложили бы интерпретировать эту систему как "мнимый конституционализм"»[15].

У Ю. Пивоварова схожие выводы: «Конституция 1993 г. есть "ремейк", в основном и в целом, конституционных идей и практики дореволюционной России. В особенности это касается организации функционирования власти. Главное сходство конституций 1906 и 1993 гг. (и в то же время главное отличие от основных законов европейских стран) заключается в поставленной над системой разделения властей фигуре императора – президента… К чему это привело?.. К превращению законодательных исполнительных и судебных органов власти в некие комиссии при президенте»[16].

Эти оценки, которые мы вполне разделяем, означают вступление Российского государства в затяжной кризис. В значительной мере он обусловлен разрывом между положениями Конституции и реальностью. Условием выхода из кризиса и перехода к модернизации является восстановление и защита ряда фундаментальных прав, закрепленных в Конституции, но либо полностью игнорируемых государством, либо соблюдаемых выборочно, по случаю, в зависимости от отношения власти к субъекту права. Речь идет как о защите комплекса политических прав, так и права частной собственности.

Важнейшая задача – вероятно, задача на перспективу – восстановление правового характера государства. Если речь идет именно о правовых инструментах, то основное значение будут иметь новые законы, регулирующие порядок назначения и деятельности судей, укрепляющие независимость судов, а также нормы, усиливающие роль парламента. В последнем случае речь может идти и о поправках к Конституции – главному источнику парламентского права. Ю. Пивоваров выдвигает жесткую альтернативу: «Возможны два варианта развития событий. Либо общество и власть договорятся об изменении Конституции и приведении ее в соответствие с принципом народного суверенитета, либо в России в той или иной форме начнется гражданская война. Значит, остается единственный путь – изменение Конституции. При этом надо иметь в виду, что если в поисках нового, более совершенного и адекватного политико-правового устройства, хотя бы потенциально будет возрождена конструкция двоевластия, мы вновь заложим мину замедленного действия. Ревизия действующей Конституции не есть только перераспределение власти в пользу законодательных и судебных органов, не только "вписывание" института президента в систему разделения властей. Это сложная и тонкая работа по созданию очень дифференцированного, очень сложного механизма сдержек и противовесов»[17].

15. Медушевский А.Н. Указ. соч. – С. 397–398.
16. Пивоваров Ю.С. Указ. соч. – С. 180–182.
17. Там же. – С. 185.

А. Медушевский осторожнее, но более конкретно говорит о возможности постепенного перехода от системы с однозначным доминированием президентской составляющей (в рамках смешанной формы правления) к президентско-парламентской или даже парламентско-президентской модели. Это, по его мнению, позволит ставить вопрос о конституционной ответственности правительства[18].

Перспективы подобной реформы сегодня выглядят весьма туманно. Российское государство в нынешнем его состоянии более всего заинтересовано именно в сохранении status quo, подразумевающего и монополию на власть одной группы, и зависимость судов от администрации, и выборочное отношение к конституционным правам. Доводы в защиту данной модели сводятся в основном к тому, что Россия имеет право на самобытные институты и самобытную демократию. «Самобытность» сводится, как правило, к ограничениям реальной политической конкуренции, а также конституционных прав на митинги и демонстрации, на свободу массовой информации. Таким образом, разговоры о «самобытности», вроде бы, вполне оправданные, прикрывают в реальности вполне конкретную групповую или персональную корысть – стремление конкретного лица либо группы править бесконтрольно и бессрочно.

Представляется уместным привести рассуждение Валентины Лапаевой, разбирающей позицию сторонников status quo (противников модернизации правовой и политической систем) с теоретической точки зрения – в рамках дихотомии «модерн – постмодерн». «Применительно к правовому развитию, – считает В. Лапаева, – логика постмодернистов состоит в следующем: поскольку закон и суд, говорят они, в той или иной форме существуют в разных странах и в разные исторические эпохи, то существует и разное право, и разное правосудие. И если эти нормативные системы и эти институты разрешения правовых споров эффективно справляются со своими функциями, то нет никакого смысла сравнивать их с европейским правом и правосудием, потому что они представляют собой равноценную альтернативу западноевропейской правовой системе. Очевидно, что такой подход ограничен рамками позитивистской парадигмы правового мышления. Он рассматривает право с позиций юридического позитивизма в его легистской либо социологической, антропологической или психологической версиях, трактующих право как закон или как фактически сложившиеся социальные нормы, отношения, формы сознания и т.п. Отрицание наличия единого вектора правового разви-

18. Медушевский А.Н. Указ. соч. – С. 405.

тия связано в конечном итоге с отрицанием наличия того, что в философско-правовой традиции называется сущностью права»[19].

Конечно, и опыт законодательства или правоприменительной практики в государствах ЕС или США можно и нужно воспринимать критически и осмысленно. Но, отмечает В. Лапаева: «Если мы хотим иметь позицию для критической оценки западноевропейской правовой практики, то это должна быть более высокая общечеловеческая правовая позиция, использующая в качестве критерия оценки принцип формального равенства, а не доправовые по своей сути доморощенные представления о некой российской правовой самобытности»[20].

Но, может быть, тяготение власти в России к авторитарным методам, к внеправовому принуждению и внеконституционному (по сути) положению Первого лица есть часть российской правовой традиции, наследие многих поколений россиян – носителей монархического сознания? В этой связи одним из самых обсуждаемых остается вопрос: в какой мере современные трудности либеральных реформ определяются именно этой традицией, а в какой – сама эта традиция (или, точнее разные ее интерпретации) есть идеологически сконструированное явление?

Ответим однозначно: конечно, такая традиция есть, она не выдумана, не «сконструирована». И она, действительно, создает препятствия в конституционном ограничении государственной власти. Поэтому она есть то, что, с нашей точки зрения, нуждается в преодолении или, по крайней мере, серьезной трансформации. Право должно вытеснить традицию внеправового принуждения. Это именно та постановка вопроса, которую сформулировали русские либеральные и консервативные авторы (в основном остававшиеся монархистами) примерно столетие назад. Мы, следовательно, не пытаемся претендовать на новое слово в теории конституционализма в России, это слово уже было сказано.

И деятельность земских учреждений, и работа первых четырех Государственных дум, и опыт законотворчества тех лет, и работа Временного правительства – это проявления и вехи развития уже совершенно другой традиции. Традиции, связанной с принятием ценностей равенства всех перед законом (независимо от сословного положения или близости к власти), ограничения власти, разделения властей.

Таким образом, настоятельной является необходимость развития именно этой, относительно новой и вполне демократической (или либерально-консервативной) традиции и отказа от самобытности, заключающей в себе тягу к самовластью и самодержавности.

19. Лапаева В.В. Указ. соч. – С. 74–75.
20. Там же. – С. 77.

Стремление уйти от общепринятых правовых стандартов именно к такой «самобытности», от общепризнанных принципов и норм международного права к изоляции означает уход от правового государства к полицейскому. И это достаточно серьезная угроза. Альтернативой модернизации правовой системы являются авторитаризм и автаркия.

Другая угроза – стагнация в экономике. Незащищенность прав означает незащищенность и права собственности. Одним из важнейших факторов кризиса стало постепенное ухудшение делового климата в стране, ослабление (или даже исчезновение) судебных гарантий от произвола силовых структур. Значительная часть предпринимателей осознала и осознает свою полную уязвимость.

Обмен мнениями по данной проблеме давно уже вышел за рамки сугубо академической дискуссии. Доводы и контрдоводы по этой теме звучат сверхактуально. Причем, это тот случай, когда внутрироссийский спор вызывает серьезный интерес и у западных авторов. На Международном экономическом форуме в Санкт-Петербурге в июне 2016 г. американский историк науки Лорен Грехэм попытался объяснить неудачи российской экономики в деле модернизации: «Руководители России пытаются провести модернизацию, но, к сожалению, в русле своих предшественников – царей и советских руководителей. Они пытаются отделить технологии от социополитических систем… Что это за элементы культуры, которые позволяют идеям превращаться в коммерчески успешные предприятия? Это демократическая форма правления. Свободный рынок, где инвесторам нужны новые технологии. Защита интеллектуальной собственности, контроль над коррупцией и преступностью. Правовая система, где обвиняемый имеет шанс оправдаться и доказать свою невиновность. Культура эта позволяет критические высказывания, допускает независимость. В ней можно потерпеть неудачу, но попытаться еще раз. Вот некоторые из “неосязаемых” характеристик инновационного общества…»[21] Одним словом, очень важны проблемы права и правовой системы.

Это были выводы американского историка (российские выступающие на том форуме были, как водится, осторожнее). Но, в общем, и в русской общественной мысли эти доводы давно уже сформулированы. Оценки даны и перспективы намечены.

Подведем итоги. Конституционный кризис, переживаемый сейчас Российским государством, – это кризис разрыва между конституционными ограничениями и стремлением правящей в России группы к неограниченной и неконтролируемой власти. Данное противоречие отражено в работах ряда

21. http://www.mk.ru/politics/2016/06/19/rossiya-rodina-slonov.html

современных русских авторов. И это отрадное явление – хотя таких работ совсем немного. Один из главных вопросов, на которые пытаются ответить авторы этих работ: почему очередная попытка создать в России правовое государство обернулась возведением основ режима личной власти? Ответы достаточно развернутые и, в первую очередь, речь идет о концептуальных промахах авторов Конституции 1993 г. и последующей конституционной практике, постепенно усугублявшей изначальные противоречия. В конечном счете именно воля глав государства, стремившихся в течение последних 20 лет избавить себя от любых сдержек и ограничений, воля, не встретившая серьезных возражений со стороны политической элиты, стала решающим фактором утраты государством как таковым правового характера (если, конечно, допустить, что оно этот характер в какой-то мере и на какое-то время приобрело).

Возвращение на путь строительства правового государства и оживление демократических институтов в любом случае требует воли политической элиты. Но вряд ли при этом можно рассчитывать на тех, кто фактически свел работу указанных институтов к имитации. И элита, и общество остаются расколотыми, причем стремление к тем или иным формам самоизоляции от сообщества правовых государств могут пользоваться и пользуются достаточно большой общественной поддержкой (в немалой степени обеспеченной государственными СМИ). Модернизация, подчеркнем еще раз, означает признание универсальности ряда ценностей, прежде всего фундаментальных прав человека – причем не на словах, а на деле. Отказ государства от этих ценностей крайне опасен для его граждан, оказывающихся бессильными и уязвимыми перед аппаратом насилия, но в конечном счете и для самого государства, оказывающегося бессильным перед стагнацией и отсталостью.

Л.В. Колпина

О СПЕЦИФИКЕ РОССИЙСКОГО ПАТРИОТИЗМА

Колпина Лола Владимировна – кандидат социологических наук, доцент Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Роль патриотизма в общественных процессах неоднозначна. С одной стороны, он несет в себе чувство уважения к истории и культуре страны, ее символам, служит одной из основ формирования идентичности. С другой стороны, при определенных условиях может перерождаться в национализм, этноцентризм, ксенофобию и другие формы нетерпимости [9, с. 66].

Вслед за А. Согомоновым мы выделяем патриотизм критический и некритический. Первый сопряжен с рационально-критическим восприятием действительности и конструктивным реагированием на ситуацию. Он основан не только на любви к Родине, но и на социальной ответственности за ее судьбу, опыте взаимопомощи, гражданских инициатив, политического управления и других форм социальной самоорганизации. Таким образом, критический патриотизм одновременно имеет «чувственную» и деятельностную основу.

Некритический патриотизм, считает тот же автор, оперирует образами, ассоциациями, невыверенными фактами. Он предлагает готовый «продукт» для массового потребления – аксиомы, не подвергаемые сомнению. Согомонов подчеркивает, что некритический патриотизм служит интересам отдельных общественных групп или власти и нацелен на легитимацию существующего общественно-политического порядка. Он может проявляться в виде «слепого» или лояльного патриотизма и обычно культивируется в условиях авторитарных режимов. При этом некритический патриотизм и державность часто родственны и подпитывают друг друга [9, с. 67].

В последние полтора десятилетия в России наблюдается рост патриотических настроений. С 2001 по 2014 г. доля лиц, считающих, что патриотами можно назвать большинство россиян, увеличилась с 19 до 38%, доля пола-

гающих, что таких меньшинство, снизилась с 42 до 17–19%[1]. Генеральный директор ВЦИОМа В. Федоров, комментируя эти данные, подчеркивает, что в конце XX – начале XXI в. говорить о патриотизме в России считалось чуть ли не стыдным. Люди не видели предмета для гордости: дефолт, чеченский терроризм, разруха, отсутствие ответственного руководства, неверие в политиков и, соответственно, отказ людей идентифицировать себя с такой страной[2].

С улучшением социально-экономического положения ситуация начала меняться. В 2014–2015 гг. наблюдается всплеск патриотических настроений. Так, по данным исследования ВЦИОМа, осуществленного на национальной выборке, в марте 2014 г. 81% россиян ощущали себя патриотами[3]. В 2015 г. среди населения российского приграничья 76,6% опрошенных сообщили, что гордятся своей страной[4]. Если в 2006 г. на вопрос Левада-Центра: «Гордитесь ли вы нынешней Россией?», доля опрошенных, ответивших, что гордятся или скорее гордятся ею, составила 50%, то в последующем доля положительных ответов практически неуклонно растет, составив в октябре 2015 г. 72% [2].

Данные этого опроса показывают наличие прямой связи между долей положительных ответов на вопрос о чувстве патриотизма и рейтингом В. Путина. Среди одобряющих его деятельность – 77% тех, кто в той или иной мере гордится Россией. Среди 12% не одобряющих – 21% гордящихся Россией [2]. В. Федоров, комментируя рост патриотических настроений, в ряду важнейших факторов указывает на то, что «…сегодня во главе страны стоит …абсолютно популярный политик – президент Путин... [7]. Его популярность доказывается, например, ответами на открытый вопрос ВЦИОМа о том, кому из политиков респонденты доверили бы решение важных государственных вопросов: примерно 60% россиян сказали о доверии В. Путину. Для сравнения: в рейтинге доверия на следующем за ним месте – С. Лавров, набравший примерно 9% голосов[5].

1. О патриотизме. Сколько патриотов среди россиян? И кого можно считать патриотом? Опрос ФОМа от 23 апреля 2014 г. Доступ: http://fom.ru/TSennosti/11471 (Проверено: 08.03.2016.)

2. Рейтинг Путина – на новой рекордной высоте. Опрос ВЦИОМа от 21.10.2015. Доступ: http://wciom.ru/index.php?id=238&uid=3699 (Проверено: 08.03.2016.)

3. Патриотизм и гражданство. Опрос ВЦИОМа от 19.03.2014. Доступ: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114751 (Проверено: 03.03.2016.)

4. Исследование проведено в рамках задания № 2015/2459 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки России (рук. профессор В.П. Бабинцев).

5. Доверие политикам. Опрос ВЦИОМа от 28.03.2016. Доступ: http://wciom.ru/news/ratings/doverie_politikam/ (Проверено: 08.03.2016.)

Отметим, что доверие президенту может иметь рациональный и иррациональный характер, что коррелирует соответственно с критическим и некритическим патриотизмом. О превалировании некритического доверия свидетельствует то, что доля респондентов, одобряющих деятельность президента, в частности в 2015 г., составила 85,5–89,9%[6]. При этом в сумме 72% опрошенных сообщили, что имеют довольно смутное представление (41%) или не имеют его вовсе (31%) о том, в каком направлении движется страна, какие цели поставлены перед ней ее нынешним руководством. И такое положение дел в период с 2004 по 2015 г. только усугублялось[7].

На высокий рейтинг президента не повлияли возросшие у населения в 2014–2015 гг. опасения по поводу социально-экономической ситуации в стране. В декабре 2014 г. 58% респондентов отмечали, что ощущают на себе рост цен на продукты питания (в августе – 45%). К концу 2015 г. каждый четвертый из пяти россиян признал, что Россия переживает экономический кризис[8], который продлится долго (наиболее распространенные ответы: не менее двух лет – 23%; будет очень продолжительным, его последствия скажутся на протяжении многих лет – 21; сейчас трудно сказать, как долго он будет длиться и насколько глубоким окажется – 22%)[9]. 2015 год отмечен самыми большими, начиная с 2008 г., долями ответов о том, что материальное положение за последние 2–3 месяца ухудшилось; самыми низкими – что улучшилось[10].

Пик патриотических настроений россиян также приходится на 2014–2015 гг., характеризующихся наступательной внешнеполитической активностью, вследствие которой Россия укрепилась на мировой арене, по крайней мере, как военная держава. Оценки деятельности президента весь этот период находятся на уровне выше 80%. Рейтинг Путина начал расти весной 2014 г. на фоне присоединения Крыма и Севастополя к России и в мае составил

6. Рейтинг Путина – на новой рекордной высоте. Опрос ВЦИОМа от 22.10.15. Доступ: wciom.ru/index.php?id=236&uid=115438 (Проверено: 08.03.2016.)

7. Общественное мнение – 2015. М.: Левада-Центр, 2016. – С. 34. Доступ: http://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2016/02/OM20151.pdf (Проверено: 08.03.2016.)

8. Экономический кризис. Опрос Левада-Центра от 24.02.2016. Доступ: http://www.levada.ru/2016/02/24/ekonomicheskij-krizis/ (Проверено: 08.03.2016.)

9. Мониторинг восприятия экономической ситуации в стране: декабрь 2015 – январь 2016. Опрос Левада-Центра от 12.02.2016. Доступ: http://www.levada.ru/2016/02/12/monitoring-vospriyatiya-ekonomicheskoj-situatsii-v-strane-dekabr-2015-yanvar-2016/ (Проверено: 05.03.2016.)

10. Изменения в материальном положении россиян. Опрос ФОМа от 26.02.2016. Доступ: http://fom.ru/Ekonomika/12538/ (Проверено: 05.03.2016.)

86,2%, в октябре 2015 г. – 89,9% – в связи с событиями в Сирии, Турции, ударами российской авиации по позициям террористов[11].

Объясняя это, профессор ВШЭ Ю. Нисневич отмечал, что сегодняшние настроения – результат пропаганды: патриотические чувства резко растут при любых подобных режимах, которые ведут маленькие победоносные войны [4]. Очевидно, что активная внешняя политика способствовала возрождению ранее униженного великодержавного и даже имперского сознания россиян. Связь между возрождением идентичности, ростом патриотизма и внешней политикой последнего времени поясняет В. Федоров. «Идентичность легко находится, когда нация воюет, когда есть легкоразличимый внешний враг... Идентичность – это прежде всего чувство сопринадлежности к определенной общности. А патриотизм – это чувство гордости за принадлежность к этой общности» [8].

Какими же достижениями вызвана эта гордость? По данным Левада-Центра, в списке предметов гордости населения лидируют природные богатства России (39% опрошенных), которые невозможно отнести к достижениям. А отечественные успехи в экономике, образовании, здравоохранении и науке являются предметом гордости в сумме для 24% населения[12]. По данным этого же опроса, а также опроса населения российского приграничья, к числу основных предметов гордости россияне относят также историческое наследие (соответственно 38 и 46,8%) и Победу в Великой Отечественной войне (50,4% респондентов российского приграничья).

Одновременно исследователи Левада-Центра обращают внимание на то, что все меньше населения связывает возросшее в последние несколько лет ощущение достоинства с личными достижениями, а преимущественно – с результатами внешнеполитической деятельности страны. Это, по их мнению, свидетельствует о выраженном патернализме граждан[13], предполагающем минимизацию их собственной активности в решении общих проблем. Так, большая доля населения (44–47%), отвечая в 2014–2015 гг. на вопрос, как следует относиться к проблемам, с которыми люди сталкиваются

11. Рейтинг Путина – на новой рекордной высоте. Опрос ВЦИОМа от 22.10.2015. Доступ: wciom.ru/index.php?id=236&uid=115438 (Проверено: 08.03.2016.)

12. День народного единства и гордость за страну. Опрос Левада-Центра от 02.11.2015. Доступ: http://www.levada.ru/2015/11/02/den-narodnogo-edinstva-i-gordost-za-stranu/ (Проверено: 08.03.2016.)

13. Уважение жителей России к себе и своей стране резко выросло. Опрос Левада-Центра от 06.09.2014. Доступ: http://www.iarex.ru/news/50509.html (Проверено: 08.03.2016). О патернализме см. также: Предпочтительные модели экономической и политической систем. Опрос Левада-Центра от 17.02.2016. Доступ: http://www.levada.ru/2016/02/17/predpochtitelnye-modeli-ekonomicheskoj-i-politicheskoj-sistem/ (Проверено: 11.03.2016.)

в современной России, выбрала вариант: «Проявлять терпение и стойкость, приспосабливаться к обстоятельствам и ждать пока положение улучшится». Лишь 29–31% считают, что следует воспользоваться следующими выборами для смены властей, выбрать тех лидеров, которые смогут лучше руководить страной, и 12–13% готовы устраивать акции протеста, уличные демонстрации, чтобы заставить власти обратить внимание на нужды и проблемы простых россиян[14].

Итак, предметом гордости россиян не является нынешний уровень и качество жизни и большинство современных отечественных достижений. «А вот сила страны, которая кажется нам традиционной для России, вызывает гордость» [2]. О том, что очень гордятся российским политическим влиянием в мире в ноябре 2015 г. заявили 22% опрошенных, еще 46 – гордятся в какой-то мере, 27% – не очень или совсем не гордится им[15]. При этом под гордостью за политическое влияние, отмечают Л. Борусяк и А. Левинсон, население в массе своей подразумевает, что теперь Россия заставляет другие страны играть по своим правилам; за это руководителя страны одобряет абсолютное большинство россиян (82% в январе 2016 г.). И «ради достижения этой цели россияне готовы идти на значительные лишения. Так, мнение о том, что Крым нам обходится все дороже, не препятствует тем же восьмидесяти с лишним процентам одобрять его присоединение» [3].

Поскольку победы на международной арене – в основном заслуга В. Путина (в силу малой причастности к ней россиян), то гордость за страну ассоциирована в основном с действиями президента.

Между тем ситуация, когда в основе социального консенсуса находится только национальный лидер, несет в себе серьезный риск с точки зрения способности общества к самоорганизации. Подобная ориентация массового сознания является российской культурной константой и выражает потребность в «мудром и справедливом царе». Поэтому ее оказалось легко актуализировать. По данным того же исследования, Президент России – единственный социальный институт, которому доверяет существенная часть (39,4%) населения российского приграничья. Для сравнения: вариант ответа о доверии себе самому выбрали 1,8% опрошенных. Эти данные вызывают ассоциацию с временами СССР, когда единство нации обеспечивалось «вертикальными скрепами», в том числе через единую государственную идеологию. Такая основа единства приводит к тому, что патриотизм здесь не выступает фактором

14. Общественное мнение – 2015. М.: Левада-Центр, 2016. – С. 53. Доступ: http://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2016/02/OM20151.pdf (Проверено: 11.03.2016.)

15. Гордость, патриотизм и ответственность. Опрос Левада-Центра от 07.12.2015. Доступ: http://www.levada.ru/2015/12/07/gordost-patriotizm-i-otvetstvennost/ (Проверено: 08.03.2016.)

самоорганизации, является не действием, а лишь чувством. Это подтверждается социологическими опросами. Так, по данным ВЦИОМа, с 2012 по 2015 г. доля опрошенных, согласных с тем, что в России есть народное единство, выросла с 23 до 54%; доля несогласных снизилась с 56 до 35%. В тот же период с 22 до 9% уменьшилась доля тех, кто объединяющими факторами считает мирное сосуществование российских наций; с 15 до 7% – стремление к взаимопомощи[16]. Это указывает на наметившуюся тенденцию к усилению атомизации. А на вопрос: «Если Вы считаете, что в России есть единение народа, то почему», деятельностный вариант ответа – «Люди стараются помогать друг другу» – в 2015 г. выбрали всего 7% опрошенных (в 2012 г. – 15%). Показательно, что наибольшая доля респондентов затруднилась обосновать свое мнение о наличии единения (в 2015 г. – 36%, в 2012 и 2014 гг. – 36 и 45% соответственно)[17].

С точки зрения ряда авторов, представление о социальной сплоченности вызывает подозрение, отвлекает внимание от социальной несправедливости, а понятие социальной интеграции маскирует проблемы в социальном устройстве [11, с. 45–46].

Возросший патриотизм не способствовал усилению не только единства, но и социальной ответственности населения. В частности, в 2014–2015 гг. лишь 17–22% респондентов в полной и значительной мере чувствовали ответственность за происходящее в своем городе, районе, а 74–80% – в незначительной мере и совершенно не чувствовали[18].

В патриотическом сознании россиян, как и в случае с единением, результаты опросов также показывают почти полное отсутствие деятельностного компонента. Для абсолютного их большинства (64%) быть патриотом – значит «любить свою страну». Количество респондентов, связывающих патриотизм с активными действиями «во благо» и «процветание страны», вдвое меньше (около 30%)[19].

Итак, мы видим рост «пассивного», «лояльного», некритического патриотизма, связанного с безусловной поддержкой внешнеполитического курса России, ее противопоставлением ЕС и Америке, негативным отношением россиян к внешнеполитическому окружению. Иллюстрацией последнему служит то, что 80% опрошенного населения считает, что у сегодняшней

16. В трудные времена россияне объединяются. Опрос ВЦИОМа от 02.11.2015. Доступ: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115448 (Проверено: 08.03.2016.)

17. Там же.

18. Общественное мнение – 2015. М.: Левада-Центр, 2016. – С. 54. Доступ: http://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2016/02/OM20151.pdf (Проверено: 08.03.2016.)

19. Патриотизм и государство. Опрос Левада-Центра от 29.04.2015. Доступ: http://www.levada.ru/2015/04/29/patriotizm-i-gosudarstvo/ (Проверено: 08.03.2016.)

России есть враги[20]. Существенная часть населения (41%) убеждена в наличии в России «иностранных агентов» и «пятой колонны Запада», борьбу властей с которыми считает полностью оправданной (25% рассматривают ее как попытку властей защитить себя от критики со стороны общества, поскольку в стране нет никакой «пятой колонны» и 34% затруднились ответить на данный вопрос)[21]. О тенденции россиян к внешнеполитической агрессивности свидетельствует и то, что в сумме 59% опрошенных высказались «определенно да» и «скорее да» за продолжение нанесения Россией авиационных и ракетных ударов по Сирии. Между тем информированы об этой ситуации не более четверти населения: в период с сентября 2015 г. по январь 2016 г. о том, что внимательно следят за последними событиями в Сирии, сообщили от 16 до 25% россиян[22].

При этом агрессивность российской внешней политики население в основном отрицает. Так, в фокус-групповых интервью, проведенных Левада-Центром, постоянно высказывается позиция, согласно которой «то, что мы сделали и делаем на Украине, – не причина западных санкций, а просто повод, которого на Западе ждали и к которому придрались. Истинная же причина в том, что “они всегда нас не любили”» [6].

Основная масса населения связывает экономические трудности, которые переживает сейчас Россия, в первую очередь с факторами, не зависящими от усилий российского руководства. Среди них, отмечает В.В. Федоров, население на первое место ставит снижение цен на нефть, не зависящее ни от президента, ни от правительства; на второе – санкции, в которых виноваты те страны, которые их ввели [10]. Убежденность россиян в том, что экономические трудности привнесены извне, снижает уровень критичности по отношению к действующей власти [5], сублимируя негативную энергию, вызванную экономической ситуацией в стране, в агрессию против Запада.

Таким образом, рост патриотических настроений, отмеченный в связи с активизацией наступательной внешней политики России, в основном не повлиял на усиление самоорганизации, а в некоторых случаях сказался на них даже негативно. В условиях экономического кризиса, продолжающегося падения уровня жизни населения, сокращения социальных расходов, высокая

20. Внешнеполитические враги и партнеры России. Опрос Левада-Центра от 21.10.2014. Доступ: http://www.levada.ru/2014/10/21/vneshnepoliticheskie-vragi-i-partnery-rossii/ (Проверено: 10.03.2016.)

21. Борьба с «пятой колонной» и ощущение свободы в обществе. Опрос Левада-Центра от 08.12.2015. Доступ: http://www.levada.ru/2015/12/08/borba-s-pyatoj-kolonnoj-i-oshhushhenie-svobody-v-obshhestve/ (Проверено: 10.03.2016.)

22. Участие России в сирийском конфликте. Опрос Левада-Центра от 15.02.2016. Доступ: http://www.levada.ru/2016/02/15/uchastie-rossii-v-sirijskom-konflikte-2/ (Проверено: 10.03.2016.)

степень поддержки президента, сформированный патриотизм следует рассматривать как некритический, лояльный, пассивный.

Есть основания полагать, что в процессе формирования отечественного патриотизма путем информационной политики решается задача сублимировать недовольство населения, вызванное экономической ситуацией в России, во внешнеполитическое русло. Для поддержания общественной стабильности в ближайшей перспективе такая политика может оказаться эффективной. Однако в долгосрочной перспективе пассивный патриотизм, «завязанный» только на личности лидера и не основанный на активности и самоорганизации самих граждан, способен привести к общественным и индивидуальным аномиям.

Хотя в современной России все же существуют некоторые элементы социальной самоорганизации, тем не менее массовое гражданское участие в жизни страны не стало нормой. И на возможность такого участия пока ничто не указывает.

Литература

1. Большинство россиян перестали испытывать стыд за Россию / Официальный сайт РБК. 07.12.2015. Доступ: http://www.rbc.ru/politics/07/12/2015/56641e949a794705398b5508 (Проверено: 08.03.2016.)

2. Борусяк Л., Левинсон А. Гордость не порок: За что россияне Родину полюбили / Официальный сайт РБК. 05.11.2015. Доступ: http://www.rbc.ru/opinions/society/05/11/2015/563b39da9a7947df0115fe4a (Проверено: 08.03.2016.)

3. Борусяк Л., Левинсон А. Величие вместо демократии: Как Россия догнала США в умах своих жителей / Официальный сайт РБК. 13.02.2016. Доступ: http://www.rbc.ru/opinions/society/04/02/2016/56b309649a7947a4000e7af0 (Проверено: 08.03.2016.)

4. Гликин М. Большинство россиян перестали испытывать стыд за Россию / Официальный сайт РБК. Политика. 07.12.2015 Доступ: http://www.rbc.ru/politics/07/12/2015/56641e949a794705398b5508#xtor=AL-[internal_traffic]--[rss.rbc.ru]-[top_stories] (Проверено: 12.03.2016.)

5. Красильникова М. Не виноватые мы / Официальный сайт Левада-Центра. 28.01.2016. Доступ: http://www.levada.ru/2016/01/28/ne-vinovatye-my/ (Проверено: 11.03.2016.)

6. Левинсон А. Картофель и пустота // Официальный сайт Левада-Центра. 02.01.2016. Доступ: http://www.levada.ru/2016/02/01/kartofel-i-pustota-2/ (Проверено: 08.03.2016.)

7. Особенности прагматичного патриотизма. Аналитика экспертов // Официальный сайт ВЦИОМ от 07.12.2006. Доступ: http://wciom.ru/index.php?id=238&uid=3699 (Проверено: 08.03.2016.)

8. России нужен кураж. Аналитика экспертов ВЦИОМ // Официальный сайт ВЦИОМ от 04.12.2013. Доступ: http://wciom.ru/index.php?id=238&uid=114631 (Проверено: 03.03.2016.)

9. Согомонов А.Ю. Гражданское образование и патриотизм // Общая тетрадь. – 2014. – № 1 (64). – С. 65–76.

10. Это не значит, что мы готовы поддержать всё сказанное Путиным. Аналитика экспертов ВЦИОМ / Официальный сайт ВЦИОМ от 30.04.2015. Доступ: http://wciom.ru/index.php?id=238&uid=115243 (Проверено: 08.03.2016.)

11. Ярская-Смирнова Е.Р., Ярская В.Н. Социальная сплоченность: Направления теоретической дискуссии и перспективы социальной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2014. – Т. 17. – № 4. – С. 41–61.

А. Брглез

ОРГАНИЗАЦИИ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В СЛОВЕНИИ

Брглез Аля – профессор университета г. Любляна.

Русская эмиграция в Королевстве Югославия достаточно быстро создала целую сеть различных организаций. Деятельность большинства из них была направлена на оказание социальной поддержки эмигрантов, распределение помощи, поступающей как из Югославии, так и из других стран и международных организаций. Большинство из них, включая и культурно-просветительские организации, возникли в Белграде, однако они имели филиалы и на территории Словении. Это были объединения по профессиональным категориям, например Объединение русских ученых и служащих. К наиболее крупным организациям можно отнести Русские матицы, среди них особо выделялась матица в Любляне, членами которой были профессора Люблянского университета. Русская матица в Любляне действовала на всей территории Югославии и за рубежом.

Объединение русских ученых и служащих в Королевстве Югославия

Люблянский филиал Объединения русских ученых и служащих был учрежден на основании разрешения, полученного от администрации королевской бановины Дравской 16 декабря 1932 г. Первое заседание Объединения состоялось 19 января 1933 г. Свою основную задачу оно видело в оказании материальной и правовой помощи своим членам, содействии в получении ими образования и трудоустройстве.

Объединение русских ученых и служащих включало Генеральную ассамблею[1], правление[2] и надзорную комиссию[3]. Председателем комиссии стал Георгий Попов, а заместителем председателя выбрали генерала Владимира Жолтенко, отличавшегося своей твердой патриотической позицией. Члены правления собирались 2 раза в месяц в Народном доме[4]. Люблянский филиал был связан через белградский центр с Обществом русских христианских ученых и служащих в Женеве, председателем которого был А.И. Ладыженский[5].

Идеологическая ориентация участников Общества отличалась ярко выраженной антикоммунистической направленностью, оно старалось сохранить единство русской эмигрантской общины. Между тем некоторые его члены сохраняли надежду на интервенцию западных сил против Советского Союза[6]. В антикоммунистическом духе были выдержаны и лекции патриотического содержания[7], подготовленные в Обществе.

Как подчеркивал А.И. Ладыженский, основной задачей общества было сохранение «прочной профессиональной организации на базе христианских идеалов»[8]. Были прочитаны лекции о жизни в России под властью коммуни-

1. Генеральная ассамблея выбирала правление и надзорную комиссию, утверждала годовой бюджет филиала, рассматривала претензии к работе правления и отчеты надзорной комиссии. Рассматривала вопросы, связанные с Уставом и принимала решение о прекращении деятельности филиала. Сессии Генеральной ассамблеи проводились раз в год, их решения вступали в силу, если на ассамблее присутствовало не менее половины членов Объединения (см.: AS 1931, Republiški sekretariat za notranje zadeve Socialistične republike Slovenije, Ruske organizacije v SLRS, 1921–1945, a.e. 945, c. 6).

2. Задачи правления определялись Уставом. Правление принимало решения о приеме новых членов в Объединение. При этом оно имело право без объяснения причин отказать в приеме нового члена, а при желании выхода человек должен был написать заявление с указанием причин. Выход из Объединения предполагал обязательное погашение долгов перед организацией. Правление несло ответственность за ее имущество. Правление поддерживало связь с центральным управлением в Белграде и Женеве, а также с представительством югославского филиала русского христианского рабочего движения и другими организациями и обществами.

3. Надзорная комиссия контролировала финансы и регулярно представляла отчеты Генеральной ассамблеи.

4. AS 1931, a.e. 945, c. 6.

5. Там же.

6. Одиннадцать из них были бывшие русские высшие офицерские чины.

7. Такой была, например, лекция полковника русского генштаба Евгения Месснера: «Русский офицер в борьбе за Родину».

8. В протоколе (на котором не проставлена дата) одной из лекций, проведенной в Обществе, говорится: «Коммунисты являются противниками христианской веры и морали. После захвата власти в России они начали безжалостную борьбу с право-

стов и о работе Общества в Словении и других частях Королевства Югославия. Широкий круг слушателей знакомился с разнообразной информацией по научной тематике. Лекторами выступали ведущие русские профессора, приезжавшие из-за границы. Так, университетский профессор Козловский, прибывший в Любляну из Парижа, выступил с лекцией на тему «Дальний Восток и его население»[9]. Выраженная антибольшевистская позиция большинства членов общества привела к тому, что во время Второй мировой войны оккупационные силы смогли завербовать ряд его членов. Многие из них после войны были вынуждены покинуть Югославию, так как их подозревали в сотрудничестве с оккупантами или в активном участии в военных действиях.

Следует отметить, что еще до начала Второй мировой войны почти все русские эмигрантские организации, помогавшие русским эмигрантам адаптироваться к новой среде, превратились в политические общества, в основном консервативной направленности. Правда, они представляли лишь часть русской эмиграции.

Объединение русских студентов в Любляне

Среди русских эмигрантов было много молодых людей, вынужденных уехать из России, не закончив образования. Оказавшись в новой стране, они стали искать пути его продолжить. В Университет Любляны поступила относительно большая группа русских студентов[10]. Государственная комиссия в Белграде по делам русских беженцев обеспечивала их стипендиями. По ее инициативе русские эмигранты создали Объединение русских студентов.

Вскоре в Объединении сформировались две непримиримые группы. Первую группу, с просоветскими взглядами, возглавили студенты-химики Н. Брусникин и Л. Зажигаев. В 1925 г. они попытались через Советскую миссию в Вене организовать возвращение своих сторонников в Советский Союз. Вторую группу возглавил университетский профессор А.Д. Билимович. Эта группа была настроена резко антикоммунистически. Разногласия внутри Объединения усилились до такой степени, что Билимович потребовал исключения прокоммунистически настроенных членов и выбора нового

славной церковью. Русский народ издавна привык искать утешения у своего батюшки и проявлять свою любовь к Богу в строительстве красивых, скромных и роскошных храмов. [...] Уничтожение веры и этим самым любви к своему ближнему чревато страшными последствиями: люди становятся агрессивными».

9. Там же. – С. 32.

10. AS 1931, a.e. 945, c. 239.

правления[11]. На новых выборах Правления победило, однако, более умеренное крыло. Билимович был вынужден покинуть Объединение. На его место назначили преподавателя Люблянского университета профессора Ф. Грудинского, не придерживающегося столь радикальных антикоммунистических взглядов[12].

В таком составе Объединение работало еще несколько лет, затем распалось. Основная причина распада заключилась в том, что большинство его членов составляли студенты, которые после окончания учебного курса перешли в другие организации русских эмигрантов, в частности в Объединение русских интеллектуалов и служащих, во вновь созданное Национальное объединение новой русской молодежи в Королевстве Югославия и в Русскую колонию[13].

Русская матица в Любляне

Русская матица в Королевстве Югославия была создана по примеру прочих славянских матиц[14], которые выполняли важную роль в сохранении национальной идентичности. Согласно ее Уставу, принятому 30 апреля 1924 г., Русская матица представляла собой культурно-просветительское общество, поставившее перед собой задачу помогать эмигрантам в получении образования; укреплять связи между русскими эмигрантами, вести просветительско-культурную деятельность [2, с. 3].

Любляна воспринималась русскими как небольшой, провинциальный по духу город. Ведь среди эмигрантов было много высших офицерских чинов и профессоров ведущих российских университетов. «Люди, проживающие в крупных европейских центрах, которые были одновременно центрами эмиграций с многочисленными русскими библиотеками, просветительскими обществами, народными университетами и т.п., наверное, не осознают, как тяжело дается работа с русской эмиграцией в маленьких городах» [2, с. 5].

11. Группа Зажигаева находилась под влиянием ведущего Объединения в болгарской Варне, инициировавшего ее выход из Люблянского Объединения. Окончательное решение должно быть принято так называемым Судом русских университетских профессоров, большинство участников которого были на стороне либерально настроенных студентов (см.: AS 1931, a.e. 1053, c. 700).

12. AS 1931, a.e. 945, c. 239.

13. Там же.

14. Перечислим некоторые из них: Польская матица, созданная в 1822 г., Сербская матица, организованная в Будапеште в 1826 г., Чешская – в 1831, Илирская, позже переименованная в Хорватскую матицу, создана в 1842, Лужицко-сербская – в 1847, Галицко-русская – в 1848, Словацкая – в 1862, Словенская – в 1863, Далматинская – в 1863 г.

Одним из тех, кто, возможно, лучше других осознавал уровень среды, в которой оказался, был А. Билимович, видный ученый, одно время занимавший пост министра во Временном правительстве генерала Деникина. В Любляне он стал преподавателем юридического факультета в только что созданном Университете. В свободное время Билимович занимался созданием Русской матицы. Он составил план ее работы и, вероятно, разработал также первую версию Устава [3, с. 13–22]. Русскую матицу он задумал как национально-культурную, а не политическую организацию. Она должна была связывать людей «в соответствии с духом всеобщей любви к национальной культуре, ее традициям и моральным ценностям» [1, с. 3]. Миссию матицы он видел в издании книг, в том числе произведений художественной и научной литературы, переводов новых произведений. Особенное значение он придавал созданию библиотеки.

Билимович стал первым председателем Русской матицы в Любляне. Кроме него, в инициативную группу вошли профессор Е. Спекторский, занимающий, как и Билимович, антикоммунистические позиции, и университетский профессор А. Копылов [6, с. 65–66]. Задачи заместителя председателя сначала выполняли председатели других филиалов: А. Кулженко из Загреба, В. Кашкаров из Баня Луки.

В списке почетных членов матицы был профессор В.А. Францев из Праги, один из ведущих русских ученых того времени. Почетным членом Русской матицы в Любляне стал также Д.В. Скринченко, председатель Русской матицы в Нови Саде, много сделавший для ее развития в этом городе.

Большой известностью в среде эмигрантов пользовалась Терезия Михайловна Енко – председатель учрежденного в 1899 г. Русского кружка в Любляне. Нельзя не отметить ее заслуг в деле создания библиотеки Русской матицы. Русский кружок, созданный Терезией Михайловной и ее мужем Людовиком Енко, отвечал духовным запросам словенского общества, испытывающего большой интерес к русской культуре, языку и науке, возникший еще в 1877–1878 гг. – после победы России над турками. Устав кружка был утвержден Краньской областной администрацией. Словенская газета «Люблянский звон» (Ljubljanski zvon) взяла на себя обязательство печатать статьи о его деятельности. Кружки, по образцу люблянского, стали появляться и в других словенских городах: Идрии, Триесте, Целье, Мариборе, Горице и некоторых других. Их главной задачей было обучение русскому языку и литературе, для чего были созданы русские библиотеки. Они устраивали встречи, где все разговоры велись только на русском языке, вечера русской песни и музыки русских композиторов, давали любительские театральные представления по пьесам русских авторов [4, с. 205].

Устав Русской матицы в Любляне предусматривал пожизненное членство. Согласно перечню, пополнявшемуся до 1934 г., в числе пожизненных ее

членов были и словенские интеллектуалы. В матицу вошли Андриевский, Барле, Билимович, Бубнов, Вагнер, Батаци, графиня Гейден, Грашич, Дрейлинг, Еленев, Ермелянов с супругой и др. Пожизненное членство получили также некоторые организации, например Объединение русских инвалидов (Люблянское отделение), Матица из Нови Сада и др. [2, с. 18].

В 1927 г. состоялись первые выборы, предусмотренные Уставом Матицы. В состав комитета вошел профессор юридического факультета Люблянского университета А. Маклецов. Именно ему принадлежит заслуга в создании основ словенской криминалогии. В 1929 г. покровителем Русской матицы стал король Александр. На выборах в 1931 г. ее председателем был избран Е. Спекторский.

Матица в Любляне организовывала многочисленные лекции, на которые приглашались русские преподаватели, проживающие на территории Словении и за границей. Содержание их было связано, в основном, с профессиональной тематикой того или иного преподавателя, хотя это и не было обязательно. Так, очень много лекций было посвящено вопросам национальной культуры, и литературы. В 1926 г. начались занятия в воскресной школе, где, кроме лекций, организовывались литературные вечера, языковые курсы, спортивные мероприятия, работали фотокружок, музыкальная и балетная секции; устраивались театральные и музыкальные представления, работали выставки. Матица также создала фонд помощи детям из необеспеченных семей, оказывала финансовую помощь школам и людям с ограниченными возможностями. По инициативе матицы была восстановлена русская часовня на Вршиче и оформлена собственность на землю, на которой она была расположена. Молодые русские эмигранты стремились избежать ассимиляции и сохранить свою национальную идентичность. Из центров русской эмиграции в Праге, Берлине, Белграде [5, с. 307–308] и других городов в Любляну приезжали лекторы и деятели русской культуры [2, с. 13–16]. Среди них был, например, известный поэт К. Бальмонт. При его участии состоялся литературный вечер под названием «Русский язык и его авторы». Свои стихи для слушателей Любляны читал и поэт-новатор Игорь Северянин. Весьма разнообразна тематика прочитанных лекций. Их авторами были приехавшие из Праги профессор Завадский («Роман и драма»), генерал Иностранцев («Германский империализм как фактор мировой войны; Соотношение военных сил и планы враждебных сторон в начале мирового сражения»), профессор Кизеветтер («Евразийство»), профессор Лапшин («Метафизика Достоевского»; «Философия музыки»; «Мусоргский»), профессор Францев («Поэзия Хомякова»), профессор Ильин, проживавший в Берлине («О русском народном характере»), и многие другие крупные ученые и мыслители.

Из преподавателей Университета Любляны лекции читали исключительно русские эмигранты – преподаватели Люблянского университета:

А. Билимович («Десять лет советской власти»; «Рационализация хозяйства»; «Менделеев как экономист»), Н. Бубнов («История происхождения наших чисел»), А. Маклецов («Проблема преступления в русской беллетристике»; «Причины и виды детской преступности»; «Воспитание и наказание»; «Пражский конгресс о внешкольном образовании и борьба против национальной ассимиляции русской молодежи»), Н. Преображенский («Театр Островского»; «А.К. Толстой»; «Дневник Марии Башкировой»; «Данилевский как писатель и историк»; «Люблянский конгресс в 1821 г.»; «Писатель Бунин»), Е. Спекторский («Трагедия у Л.Н. Толстого»; «Тургенев – Толстой – Достоевский»; «Философия авторства»; «Женский вопрос»; «Столетие кодекса законов»), М. Ясинский («Историческое описание семьи и брака») и др.

Среди наиболее известных словенских художников и деятелей культуры Матицу посетили Отон Жупанчич, Изидор Цанкар и Йосип Видмар.

Все лекции предназначались для широкого круга слушателей, хотя по своему содержанию они представляли интерес прежде всего для русских эмигрантов и словенцев, интересующихся русской культурой.

В организации лекций значительную помощь оказывал Русский народный университет из Белграда, имевший богатый опыт в этой области. По инициативе Русской матицы устраивались торжественные мероприятия по случаю важных дат, например 200-летия со дня смерти Петра Великого, 50-летия со дня смерти царя Александра Освободителя, 175-летия Московского университета, в честь юбилеев известных русских писателей, поэтов и ученых – Достоевского, Крылова, Тургенева, Лескова, Бунина, Менделеева. Торжественное мероприятие было также организовано в память крупного ученого-историка С.Ф. Платонова и т.д. [2, с. 25].

Одной из важнейших задач Русской матицы была забота о «национальном просвещении» молодого поколения. Первые несколько лет после завершения Гражданской войны среди белоэмигрантов существовало общее убеждение, что эмиграция – лишь временный эпизод, и что скорое крушение диктатуры большевиков в Советском Союзе неизбежно, затем последует торжественное возвращение белоэмигрантов на Родину. Однако со временем большинство из них похоронило эти надежды. Среди антикоммунистически настроенных эмигрантов росла тревога, вызванная тем, что воодушевление, с которым молодежь, выросшая за границей, встретила известие о возможности возвращения в Советский Союз. Консервативно настроенные члены

русской эмиграции решили организовать специальные русские школы для воспитания русских детей в духе «былых времен»[15].

Эту службу в Русской матице Любляны возглавил член правления, бывший генерал русской царской армии М. Воронов[16]. В январе 1926 г. была основана воскресная школа для русских детей, где он проводил занятия. Воронов выбирал книги для школьной библиотеки, определял темы литературных вечеров, обеспечивал детей спортивным обмундированием, учил их географии и навыкам выживания в условиях дикой природы[17]. Перед началом Второй мировой войны библиотека, созданная матицей, насчитывала около 10 тыс. наименований книг. Их отправляли в школы, дома инвалидов, больницы и читальные залы за такую малую сумму, что они могли только покрыть стоимость доставки [2, с. 13–16]. Для развития интереса школьников к чтению и правописанию на русском языке периодически проводились конкурсы на лучшее сочинение. Сочинения оценивались комиссией во главе с профессором А.В. Маклецовым.

Устав Русской матицы предусматривал также выпуск в свет русских учебников, книг и периодических изданий. Кроме того, велась подготовка к изданию Устава Русской матицы, брошюры о первом десятилетии ее работы, написанной А. Билимовичем, и первого тома из серии работ, посвященных будущему России.

Русской матицей был основан специальный денежный фонд, который помогал приобретать необходимые учебные пособия для русских детей из бедных семей, оплачивал репетиторов, собирал деньги на оплату пошлины за экзамены, приобретал рождественские и пасхальные подарки. Эту же цель преследовал и праздник «День русского ребенка», который Русская матица устраивала совместно с Управлением Русской колонии и отделом Русского Красного Креста в Любляне.

---

15. Желание сохранить русскую самобытность, русский язык и память о родине выражается также в организации систематических встреч русских эмигрантов у русской часовни по дороге на Вршич. Встречи проводятся до настоящего времени. – Прим. авт.

16. В брошюре, выпущенной в честь десятилетия существования Русской матицы, помимо Михаила Воронова, упоминаются также профессор Александр Билимович, бывший генерал Генгросс, член Русской матицы Кротко, член правления В. Никитина, О. Маркова, Лупи-Береза, Корн. Имена указаны так, как они записаны в источнике, т.е. не полностью. (См.: Русская матица (1924–1934): Отчеты о деятельности, Русская матица, Любляна, 1935.)

17. Русская эмиграция в Королевстве СХС открыла несколько русских начальных и средних школ-интернатов. Интернаты были созданы в Белграде, в Храстовце, Мариборе и при других средних школах в Королевстве и непосредственно за его границей, например в Клагенфурте. См.: Milenković T. и Pavlović M. [с. 254–255].

Русская матица старалась создать собственный книжный фонд; она восстановила русскую библиотеку, основу которой составила библиотека бывшего Русского кружка. До начала Второй мировой войны Матица пополняла ее новыми изданиями[18] за счет собственных средств и пожертвований своих членов. В библиотеку поступала и литература из больших русских эмигрантских центров. Так, регулярно приходила газета «Руль» из Германии, ежедневники «Иллюстрированная Россия» и «Современные записки» из Парижа, из Белграда присылали газеты и журналы «Русский Голос», «Последние новости», «Новое время» и «Возрождение». Редактором «Возрождения» был П.Б. Струве. Официально газета выпускалась группой русских эмигрантов во главе с Гусаковым. Это была газета антифашистской ориентации, финансируемая, вероятнее всего, французским или английским правительством[19].

От Русского кружка Русская матица переняла традицию обучать русскому языку местных жителей. С инициативой об организации курсов для словенцев выступил профессор Н. Бубнов. Курсы имели три уровня в зависимости от знаний учеников. Их число колебалось от 11 в 1927/1928 уч. г. до 58 человек в 1931/1932 уч. г. В среднем, оно составляло около 50 человек. На курсах читались также лекции на литературные темы, иногда участники организовывали свои литературные вечера. Курсы русского языка были организованы также в филиалах Русской матицы в Нови Саде и Бане Луке. В отчете о деятельности Русской матицы говорится: «Долгожительство курсов, постоянный прилив новых учеников являются подтверждением их положительной культурной роли» [2, с. 30].

Работу Русской матицы поддерживали и другие центры русской эмиграции за пределами Словении. Выдержки из годовых отчетов Русской матицы публиковались в белградских русских газетах «Новое время» и «Русский голос». Небольшие статьи о ее деятельности появлялись также в газетах «Россия и славянство», «Возрождение» (обе издавались в Париже), «Руль» (Германия), в русском издании «Подкарпатская Русь» и «Дальний Восток», в журналах «Русская школа за рубежом», «Вестник русского педагогического ведомства», «Хозяин» (Прага), «Часовой» (Париж), в сборнике «День русской культуры» (Прага). Особую поддержку Русской матице оказали словенские газеты, в первую очередь «Утро», «Словенец» и «Словенский народ».

Русская матица тесно сотрудничала с Русским научным институтом и Русским народным университетом в Белграде. Связи поддерживались также с Русским педагогическим ведомством в Праге. Так, представители Русской матицы приняли участие в Конгрессе по внешкольному образованию

18. Югославские власти при конфискации библиотеки Русской матицы в 1945 г. обнаружили в ней 6500 книг. AS 1931, a. e. 945, c. 91.

19. Там же.

(Прага, 1930 г.). На этом конгрессе делегат Русской матицы профессор Маклецов выступил с докладом «Опыт Русской матицы в деле внешкольного образования за границей». Здесь стоит добавить, что Русская матица входила в состав акционеров издательства «Единство» в Праге. Русская матица наладила также контакты с родственными, в основном славянскими матицами, например со словенской, чешской, сербской и словацкой, а также с обществом Духовнича из Подкарпатской Руси [2, с. 32].

В соответствии со своим Уставом Русская матица имела право открывать филиалы в городах, где проживали русские эмигранты. Так, в разное время были открыты ее филиалы в Загребе, Бане Луке, Ужицах, Нови Саде, Храстовце, Кральеве, Бачкой Тополе, Сомборе, Мариборе. Был открыт филиал и в Брюсселе. Однако существование большинства филиалов длилось недолго. Вынужденные частые переезды, связанные с проблемой трудоустройства, недостаток материальных средств, а также разногласия среди самих русских эмигрантов неблагоприятно сказывались на работе филиалов Русской матицы.

Самый крупный филиал Русской матицы вне Словении был открыт в апреле 1925 г.[20] в Нови Саде. В него вошел Русский национальный кружок, организованный еще в 1922 г. До 1927 г. его председателем была госпожа Росеншильд-Паулин, после нее – Скриченко, внесший большой вклад в деятельность этой организации. В конце 1928 г. филиал в Нови Саде насчитывал 185 членов, в январе 1930 г. это число выросло до 270, а в 1933 г. – до 275 человек. Новосадским филиалом было подготовлено около 40 лекций с участием не только членов правления, но и ученых и специалистов из Белграда, Суботицы, Любляны и других городов. Их посещали русские ученые, приезжавшие в Королевство по делам службы. В филиале была открыта русская библиотека, которая в начале 1925 г. насчитывала 283 наименования, а к 1933 г. число книг возросло примерно до 3900 экземпляров. В Матице торжественно отмечали многие знаменательные даты: 50-летие русско-турецкой войны (1877–1878), 100-летие со дня рождения Л.Н. Толстого, 10-летие первого кубанского похода[21], 350-летие выпуска Острожской Библии (1931), 70-летие со дня смерти композитора М.И. Глинки, 80-летие со дня смерти Гоголя и т.д.

Во время итальянской и немецкой оккупации Любляны деятельность Русской матицы существенно сократилась, а после отъезда ее видных членов полностью прекратилась. После окончания Второй мировой войны югославские власти с большим недоверием относились к бывшим членам Русской

20. AS 1931, a. e. 1053, c. 167.

21. Годовщина связана с военными операциями Белого движения на Юге России во время Гражданской войны. – Прим. авт.

матицы. Подозрение вызывала также ее библиотека, в фондах которой были обнаружены издания антикоммунистической направленности. После Второй мировой войны Русская матица была причислена руководством Югославии к контрреволюционным организациям и расформирована, а ее имущество конфисковано. Что касается библиотеки, то большая часть ее фондов была передана Обществу культурных связей с СССР.

Литература

1. Билимович А. Русская матица. – Любляна, 1924. – 14 с.
2. Русская матица (1924–1934): Отчет о деятельности. Русская матица. – Любляна, 1935. – 35 с.
3. Селяк М. Доктор А.Д. Билимович – Исторический вестник университетов Любляны и Перми. – Пермь, 2007. – С. 14–53.
4. Чуркина И. Русские словенцы: Научные связи конца XVIII в. – 1914 г. – Slovenska matica. – L., 1995. – 220 с.
5. Bade J., Klaus J. Evropa v gibanju: migracije od poznega 18. stoletja do danes, Založba. – L., 2005. – 567 c.
6. Brglez A., Seljak M. Ruski profesorji na Univerzi v Ljubljani, ICK. – L., 2007. – 261 c.
7. Lincoln W. Bruce. Red victory: a History of the Russian Civil War, 1918–1921, Simon and Schuster. – New York, 1989. – 637 c.
8. Milenković T., Pavlović M. Beloemigracija u Jugoslaviji 1918–1941, Institut za savremenu istoriju. – Beograd, 2006. – 506 str.
9. Zgodovinski arhiv Ljubljana, ZAL, L., God III, 95.

В.П. Любин

АНЖЕЛИКА БАЛАБАНОВА И ИТАЛЬЯНСКИЕ СОЦИАЛИСТЫ*

Любин Владимир Петрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

Анжелика Исааковна Балабанова (1878–1965) – интереснейшая фигура российского, итальянского и международного социалистического движения. Она оставила заметный след в истории первой половины XX в., написала интересные работы, издала замечательные воспоминания на русском, немецком, английском, итальянском языках. Ее деятельность нашла отражение в различных публикациях и диссертационных работах.

В современной России ее имя упоминается мало. Между тем активная революционерка, внесшая вклад в развитие международного рабочего и социалистического движения, особенно в деятельность Итальянской социалистической партии (ИСП) накануне и во время Первой мировой войны, она достойна сохранения памяти о себе не только в Америке, где провела часть своей жизни, но и в России, где она родилась, выросла, где оставались ее родственники (попавшие в 1930-е годы под сталинские репрессии), где она, хотя и недолгое время, проработала в структурах Коминтерна, занимая важные посты члена Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала, а затем и секретаря, организуя связи московского центра с другими коммунистическими партиями[1].

** Статья написана на основе доклада автора на Международной конференции «Социал-демократия – Интернационализм – Политика сохранении мира: К столетию Циммервальдской конференции». Фонд им. Фридриха Эберта в РФ, РГАСПИ. Москва, 12.10.2015.*

1. Согласно Протоколу № 1 заседания Исполнительного комитета Коминтерна, 26 марта 1919 г. заслушан «доклад тт. Балабановой и Зиновьева о переговорах с представителями Наркоминдела», а что касается денег, постановили: «Деньги выдавать лишь по указаниям и за подписью тт. Балабановой и Клингера или тт. Воровского и Клингера». РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2. См.: [4, с. 119–120].

Из России она эмигрировала в 1897 г., училась в университетах Брюсселя, Лейпцига, Берлина, Рима. Примкнула к социал-демократам, после II съезда РСДРП оказалась на стороне меньшевиков. С 1900 г. стала членом Итальянской социалистической партии, поддерживала позиции крыла «непримиримых», в частности Джачинто Менотти Серрати, выдвинулась как способный лектор, организатор и пропагандист в итальянской Швейцарии, где, оставаясь многие годы членом Исполнительного комитета ИСП, представляла его в Швейцарии. Познакомилась там в 1904 г. с итальянским эмигрантом Б. Муссолини [15, с. 39–40]. Она покровительствовала ему, учила его марксизму, их дружеские отношения продолжались десять лет. В автобиографических работах она называет Муссолини «предателем». Вопреки распространенному мифу они не находились в интимных отношениях (в изученных мною архивных материалах, в том числе и по швейцарскому периоду ее жизни, в начале XX в. никаких доказательств этого не содержится). А в мемуарах «Моя жизнь – борьба», Балабанова, сравнивая двух известных политических деятелей, с которыми ей в жизни приходилось вместе работать, отозвалась о них так: «После Муссолини, которого я все-таки лучше и дольше знала, я считаю Зиновьева самым презренным человеком, с которым я когда-либо встречалась» [2, с. 215].

Во время Русской революции 1905 г. Балабанова вела в Италии и Швейцарии кампанию солидарности с восставшими. Поддерживала отношения с руководителями российской социал-демократии, находившимися в изгнании Плехановым, Лениным, Зиновьевым, Троцким и др. Содействовала проведению Лондонского съезда РСДРП 1907 г. и была его делегатом, избегая занимать позиции большевиков или меньшевиков. Живя в Италии, владея многим европейскими языками, она выполняла посредническую роль между итальянскими социалистами и международным социалистическим движением, где ей были близки позиции А. Бебеля и Р. Люксембург. Работала в исполнительных структурах II Интернационала, вошла в Международное социалистическое бюро (МСБ – Bureau socialiste international). Была делегатом от ИСП на последнем предвоенном Конгрессе этого Интернационала в Базеле в ноябре 1912 г. В июле 1912 г. на чрезвычайном съезде ИСП в Реджо-Эмилии, делегаты которого исключили из партии реформистов Биссолати, Кабрини, Бономи и Подрекка, вошла в секретариат ЦК ИСП и, по настоянию Муссолини, ставшего после съезда директором (главным редактором) партийной газеты «Аванти!», работала секретарем редакции, переехав в Милан, где издавалась газета.

Балабанова присутствовала на заседании Интернационала в Брюсселе 28–29 июля 1914 г. вместе с Виктором Адлером, Розой Люксембург, Жаном Жоресом (убитым через несколько дней) и др. Ее инициатива устроить всеобщую забастовку против войны – не нашла поддержки.

После начала войны в Европе Балабанова поддерживала избранную руководством ИСП линию нейтралитета Италии и ее невступления в войну. Она не приняла шовинистических высказываний Плеханова, отстаивала свои интернационалистские взгляды в обстановке развернутой против нее итальянскими интервентистами, сторонниками вступления страны в войну на стороне Антанты, кампании лжи и клеветы. «Сознание того, что я “иностранка” никогда так не тяготило меня, как в теперешний момент, – писала Балабанова Плеханову, – я нигде не выступаю и не пишу [и] если не сложила еще представительных функций партии в ЦК и ИБ, то потому, что, когда началась война, был более чем вероятным арест всего ЦК, и мне чрезвычайно в этот момент не хотелось покидать ЦК и товарищей…»[2]

Летом 1915 г. Балабанова писала своей близкой подруге Иде Аксельрод, поддержавшей позицию Плеханова, что «если бы, к несчастью, мне пришлось выбирать между плехановским и ленинским направлениями я бы, конечно, выбрала второе, но к счастью, такой выбор мне не нужен, ибо работаю в унисон со своим итальянским Ц.К.»[3].

Когда в октябре 1914 г. Муссолини переметнулся на позиции интервентизма, Балабанова безоговорочно поддержала исключение его из ЦК партии и отставку с поста главного редактора газеты «Аванти!», а также избрание на этот пост Дж.М. Серрати.

В 1915 г. она перебирается в Берн, где организует оппозицию войне, одержимая идеей сплотить распавшееся международное социалистическое движение при помощи оставшихся верными интернационализму сил в социалистических партиях. Вместе с Кларой Цеткин она организовала весной 1915 г. в Берне международную женскую конференцию против войны с участием делегаток из воюющих и нейтральных стран. На ней она спорила с Лениным и делегатками большевистской партии, выдвинувшими предложение о немедленном создании нового Интернационала.

Балабанова была среди организаторов и главных действующих лиц трех «исторических» конференций: 1) итальянских и швейцарских социалистов в Лугано 27 сентября 1914 г.[4]; 2) представителей социал-демократических

2. Архив Дома Плеханова. Ф. 8.38. Инв. № 569. А. Балабанова – Г.В. Плеханову, Милан, б.д. См.: [6, с. 104–105; 7, с. 99]. Вероятная дата письма, как подчеркивает опубликовавшая в указанном номере «Исторического архива» подборку писем Балабановой Плеханову сотрудница Дома Плеханова М.В. Пронина, август 1914 г., когда Балабанова встретилась с Плехановым. См.: [1, с. 22–25].

3. РГАСПИ. Ф. 286. Оп. 1. Д. 46. Л. 36–37.

4. Со стороны итальянской партии участниками были Армуцци, Балабанова, Дефалько, Ладзари, Модильяни, Моргари, Музатти, Рати, Серрати и Турати, швейцарской – Альбиссер, Ферри, Гройлих, Гримм, Нэн, Пфлюгер, Римате и Шенкель. На этой конференции в Лугано обе партии призвали к укреплению взаимопонимания и высказа-

партий II Интернационала в Циммервальде 5–8 сентября 1915 г., на которой ее снова избирают в МСБ; 3) в Кинтале 24–30 апреля 1916 г. Для конференции в Лугано Ленин передал свои тезисы о войне с изложением позиции большевиков (об отношении Ленина к разным течениям в ИСП см., например: 5, с. 31).

Итальянская делегация, представлявшая ИСП и ее парламентскую группу в Циммервальде, состояла из Моргари, Модильяни, Ладзари, Балабановой. В делегацию из России входили большевики – Ленин, Зиновьев, Радек, Берзин, меньшевики – Аксельрод и Мартов, эсер – А. Бобров, редактор издания «Наше дело» Троцкий [17, с. 147–148].

Как подчеркивал видный итальянский исследователь Джорджо Галли в книге «Итальянский социализм», ИСП оказалась на этих двух конференциях единственной партией, представленной целиком (а не в виде меньшинств, фракций или течений). Выдвинутые Лениным и большевиками идеи революционного пораженчества, превращения войны империалистической в войну гражданскую натолкнулись на идеи, которые отстаивали представители других партий, включая итальянскую, – борьба рабочего класса против войны, но не за революцию, а за немедленный мир без аннексий и контрибуций, основанный на праве народов на самоопределение. Текст в таком духе был подготовлен в Циммервальде Троцким, он получил одобрение немецких левых (будущих спартаковских руководителей К. Либкнехта и Р. Люксембург). Ленин также подписался под этим текстом, потому что в нем осуждался «социал-патриотизм», и таким образом его имя фигурирует там рядом с именами итальянцев Ладзари и Модильяни.

Но большевики представили и провели голосование за свой текст, вокруг которого сформировалась «циммервальдская левая». Год спустя на конференции в Кинтале единодушно был принят финальный документ из 14 пунктов, в котором борьба за мир отождествлялась с борьбой за социализм, в него не вошли пункты о революционном пораженчестве, на которых настаивали большевики и под которыми частично поставили свои подписи представители ИСП – Серрати и Балабанова. «Однако уже тогда циммервальдская левая расценивала эксперимент Второго Интернационала как окончательно завершенный» [16, с. 86–87].

«В антивоенной пропаганде ИСП идеи Циммервальда смешивались в это время с обрывками марксистских, реформистских, анархо-синдикалистских идей» [3, с. 239]. Циммервальдская левая подталкивалась Лениным и большевиками в направлении нового революционного интернационализма. Как

ли пожелание о воссоздании уничтоженных в начале войны структур Интернационала из-за принятия партиями воюющих стран по сути национал-патриотических позиций.

отметила А. Балабанова в своей книге о Ленине, он воплощал свои идеи в жизнь железной волей, жертвуя всем, что препятствовало осуществлению этих идей [12, с. 8].

После Февральской революции 1917 г. Балабанова вместе с российскими социал-демократами эмигрантами возвращается в Россию. Не разделяя многие идеи, которые отстаивал Ленин, она высказывалась за совершение социалистической революции, сепаратный русско-германский мир, возобновление циммервальдского движения. В июле 1917 г. она направляется как секретарь МСБ в Стокгольм для подготовки Третьей циммервальдской конференции, созванной лишь в сентябре. На ней окончательно возобладали интернационалистские и революционные тезисы большевиков, их защищал тогда в Стокгольме К. Радек.

В июле 1917 г. Балабанова становится членом РКП(б). После Октябрьской революции Балабанова, убежденная в том, что циммервальдское движение выполнило свою миссию, содействует его роспуску и встает на позиции советского интернационализма. Вернувшись в Россию осенью 1918 г., она, как уже отмечалось, стала одной из тех, кто немало способствовал созданию III Коммунистического Интернационала и занимал в нем ведущие посты.

Направленная Лениным в Швейцарию, она подверглась высылке из этой страны вместе с представителями советского посольства. В феврале 1919 г. ее направляют в Киев налаживать международные дела Украинской Республики. После возвращения она становится в 1919–1920 гг. членом секретариата ИККИ. Вступает в конфликт с Г. Зиновьевым и в 1922 г., ввиду несогласия с политикой большевиков, покидает Россию навсегда. Расхождения с большевиками в сфере международной политики заключались в том, что она не одобряла нападки на Серрати и попытки Москвы расколоть ИСП. Она осуждала практику раскола партий, за которую его организаторы расплачивались крупными денежными суммами, часто не понимая ситуацию на местах.

Балабанова живет в Стокгольме, затем в Вене, где зарабатывает на жизнь преподаванием языков. Помогает Антонио Грамши получить разрешение на проживание в Вене. В августе 1924 г. ее исключают из РКП(б) «за антисоветские заявления». И хотя из ИСП Балабанова не выходила, к активной деятельности в партии она возвращается лишь в 1926 г., переезжает в Париж. В 1926–1931 гг. она руководит газетой «Аванти!». Противостоит политике Ненни, намеревавшегося объединить ИСП с реформистской Социалистической партией итальянских трудящихся [8, с. 286].

В 1936 г. Балабанова переезжает в США, где останется на десятилетие. Продолжает поддерживать контакты с антимуссолиниевскими группами, активно участвует в антифашистской пропаганде. В те же годы, особенно после московских судебных процессов 1930-х годов, уничтоживших старую

большевистскую гвардию, она пересматривает свои взгляды на коммунистический эксперимент в России и переходит на социал-демократические и антикоммунистические позиции. Когда Балабанова по окончании войны возвращается в Италию, то примыкает к отколовшейся от ИСП на январском съезде 1947 г. социал-демократической партии Сарагата [8, с. 332–335].

В годы холодной войны Балабанова резко полемизирует с советскими и итальянскими коммунистами. За несколько лет до смерти она передала документы своего личного архива в Международный Институт социальной истории в Амстердаме (они занимают там, по словам его сотрудников, 1,5 м полок).

Деятельность Балабановой времен Первой мировой войны, в том числе на конференции в Циммервальде, неплохо освещена в ее воспоминаниях [см.: 1; 2; 11; 13; 14]. Одной из лучших работ о том времени, где представлена история европейских левых сил той эпохи, является книга известного деятеля швейцарского и международного рабочего движения Жюля Эмбер-Дро, одного из руководителей Коминтерна в 1921–1943 гг. – «Происхождение Коммунистического Интернационала. От Циммервальда до Москвы» [17]. Фактически это ценнейший справочник по циммервальдскому движению и деятельности Коминтерна. Наряду с другими важными сюжетами в книге даны интересные оценки деятельности лидеров международного движения левых сил, в том числе и А.И. Балабановой.

Литература

1. Балабанова А. Из личных воспоминаний циммервальдца. – Л. – М., 1925. – 231 с.
2. Балабанова А. Моя жизнь – борьба. Мемуары русской социалистки. 1897–1938. – М., 2007. – 335 с.
3. Кирова К.Э. Революционное движение в Италии, 1914–1917 гг. – М., 1962. – 432 с.
4. Коминтерн и идея мировой революции. Документы. Отв. ред. Я.М. Драбкин. – М., 1998. – 949 с.
5. Любин В.П. Из библиографии по Италии в работах В.И. Ленина (швейцарский период 1914–1917 гг.) // Проблемы итальянской истории. – М., 1972. – С. 29–36.
6. Любин В.П. Италия накануне вступления в Первую мировую войну. – М., 1982. – 192 с.
7. Любин В.П. Итальянские социалисты и российские революционеры (конец XIX – начало XX в.) // К 75-летию Дома Плеханова. Сб. статей и публикаций, материалы конференции. – СПб., 2003. – С. 87–100.
8. Любин В.П. Социалисты в истории Италии: ИСП и ее наследники, 1892–2006 гг. – М., 2007. – 463 с.
9. «Поговорить с Вами является для меня не только желанием, но и потребностью»: Письма А.И. Балабановой к Г.В. Плеханову // Исторический архив. – М., 1998. – № 2. – С. 72–111.
10. Талалай М. Русский некрополь в Италии. – М., 2014. – 907 с. (Рец.: Любин В.П. Выходцы из Российской империи и СССР в Италии // Российская история. – М., 2016. – № 5. – С. 223–227.)

11. Balabanoff A. Erinnerungen und Erlebnisse. – Berlin, 1927. – 300 S.
12. Balabanoff A. Lenin. Hannover, 1959. – 184 S.
13. Balabanoff A. My life as a Rebel. – L., 1938. – 324 p.
14. Balabanoff A. Ricordi di una socialista. – Roma, 1946. – 387 p.
15. De Felice R. Mussolini il rivoluzionario, 1983–1920. Torino: Einaudi, 1965. – 773 p.
16. Galli G. Socialismo italiano. – Roma-Bari, 1983. – 378 p.
17. Humbert-Droz J. Le origini dell'Internazionale comunista. Da Zimmerwald a Mosca. – Parma, 1968. – 284 p.

В. Мотылёв

О ТРЕХ ИСТОЧНИКАХ МАРКСИЗМА: ПРАВДА И ВЫМЫСЛЫ (Полемические заметки)

Мотылёв Вениамин – доктор экономических наук, Сан-Франциско, Калифорния.

Приближается 100-летняя годовщина Октябрьского переворота 1917 г., который положил начало социалистической революции в России. К этой годовщине полезно окончательно разобраться в истоках марксизма, в его теоретических источниках. Необходимо отделить в понимании этой проблемы правду от заблуждений и вымыслов.

В марксистско-ленинской литературе принято считать, что марксизм имел три теоретических источника: 1) классическая английская (и французская) буржуазная политическая экономия; 2) немецкая классическая философия; 3) утопический социализм. Так ставил вопрос В.И. Ленин в известной статье «Три источника и три составных части марксизма». Сам К. Маркс утверждал, что он продолжал и развивал учение классиков буржуазной политической экономии: «Моя теория стоимости, денег и капитала в ее основных чертах является необходимым дальнейшим развитием учения Смита-Рикардо» («Капитал», т. 1, соч., т. 23, с. 19). Маркс писал о развитии «классической политической экономии, которая начинается в Англии с Уильяма Петти, а во Франции с Буагильбера и заканчивается в Англии Рикардо, а во Франции Сисмонди» (соч., т. 13, с. 39). Маркс также называл среди классиков французских экономистов Ф. Кенэ, А.Р. Тюрго. Он выделял взгляды знаменитого американца Бенджамина Франклина. Идею о трех источниках марксизма усиленно защищал Ф. Энгельс.

К. Маркс утверждал, что все классики английской и французской политической экономии были сторонниками трудовой теории стоимости, которая и составляла исходный пункт его экономического учения в «Капитале». Однако при ближайшем ознакомлении с учениями названных предшествен-

ников Маркса все оказывается иначе, чем он утверждал. Попробуем разобраться в том, что верно и что неверно в утверждениях Маркса и Ленина о классической буржуазной экономии как одном из источников марксизма.

Трудовая теория стоимости появилась не у А. Смита. Из истории экономических учений известно, что трудовую теорию стоимости исповедовал средневековый философ-схоласт Фома Аквинский (XIII в.). Крупный русский экономист М.И Туган-Барановский (в молодости – легальный марксист) писал в своей книге «Теоретические основы марксизма» (1915), что трудовую теорию стоимости исповедовал не только Фома Аквинский, но и отцы христианской церкви. Вера в то, что богатства рождаются от трудов праведных, заложена в Библии. Эта идея о труде как о самом богоугодном деянии наиболее рельефно выступает у протестантов.

Так что К. Маркс не «открыл Америки», утверждая, что труд создает стоимостное богатство. Но Маркс без достаточных оснований называл сторонниками трудовой теории стоимости У. Петти, А. Смита, Ф. Кенэ, П. Буагильбера, А. Тюрго, Б. Франклина, которые якобы и составляли первый (т.е. экономический) источник марксизма. При чтении этих великих мыслителей бросается в глаза, что они вовсе не были сторонниками только трудовой теории стоимости. Их учение было гораздо глубже, шире и качественно отличалось от трудовой теории стоимости. Одно дело считать, что только труд создает стоимость, другое – что природа, труд и капитал создают стоимость. В этом принципиальное различие. Маркс между тем не продолжал и не развивал их взгляды, а пытался опровергнуть. Он называл У. Петти «отцом английской политэкономии» и приводил в первой главе «Капитала» афоризм У. Петти, что «труд – отец богатства, а земля – его мать». При этом Маркс утверждал, что труд создает стоимостное богатство, а земля якобы создает только вещественное богатство (как совокупность потребительных стоимостей товаров). И это понимание он приписывал Петти. Однако, открыв книгу Петти, мы убеждаемся, что, по его мнению, не только земля, но и вся природа (т.е. вода, воздух, солнце и т.д.) создают стоимостное богатство. При этом У. Петти подсчитывал статистически величину богатства Англии, Голландии и Франции.

К. Маркс также называл основателя английской политэкономии Адама Смита среди теоретиков трудовой теории стоимости. А. Смит действительно считал, что стоимость создается трудом (но отнюдь не только трудом). Он писал: «Труд представляет собой действительно мерило стоимости всех товаров». Смит особенно подчеркивал роль производительного труда рабочих, технического персонала предприятий и управляющих производством. Маркс в первой главе «Капитала» утверждал, что Смит считал труд единственной мерой стоимости всех товаров [с. 106].

В третьей главе первого тома «Исследования о природе и причинах богатства народов» (М., 1935), которая посвящена накоплению капитала, А. Смит писал: «Государь вместе со всеми своими судебными чиновниками и офицерами, вся армия и флот представляют собой непроизводительных работников», которые содержатся за счет производительного труда остального населения [с. 279, 291]. А. Смит считал, что для накопления капитала бережливость более важна, чем трудолюбие. Он особенно осуждал расточительность частных лиц, чиновников и государства. Любовь к роскоши и расточительность министров, короля и знати также вызывала осуждение А. Смита. Он решительно критиковал разорительные и ненужные войны, которые Англия вела в конце XVII – первой половине XVIII в., в частности, четыре войны Англии с Францией (с 1688 по 1756 г.), что привело к росту государственного долга до 200 млн фунтов стерлингов.

Итак, мы видим, что вторым главным фактором производства стоимости и богатства Смит считал капитал и его накопление. Смит изучал превращение бездействующего капитала в действующий и производительный. Когда предприниматели строят фабрики, покупают сырье и машины, нанимают рабочих, образуется производительный капитал. Предпосылкой промышленного капитала являлся торговый капитал, который исторически предшествовал эпохе промышленного капитала. Немалую роль также играли банки, которые накапливали денежные капиталы еще с эпохи первоначального накопления и великих географических открытий. Все это можно прочитать в книге А. Смита о природе и происхождении богатства народов.

Третий взгляд А. Смита на происхождение богатства в стоимостной форме связан с ролью природы. Смит писал, что «природа работает наряду с человеком» [см.: с. 307] и в земледелии, и в промышленности, и в других отраслях экономики. Природа создает не меньше стоимости, чем самые производительные работники. Главное богатство общества – это земля. Смит также считал, что и вода, и солнце, и ветер создают новую стоимость. Смит ставил вопрос широко: разве природа не создает ничего нового в обрабатывающей промышленности? Разве силы ветра и воды, которые приводят в действие машины, равняются нулю? А сила пара в самых больших машинах? Предполагался положительный ответ.

Смит искал альтернативные решения проблемы меновой стоимости товаров. Он объединял все три источника стоимости в понятие издержек производства, т.е. затрат труда, капитала и природных ресурсов. Французский экономист Ж.-Б. Сэй не скрывал, что он заимствовал эти идеи у А. Смита, назвав их «триединой формулой капитала»: труд, капитал и земля. К. Маркс пытался высмеивать Сэя, не умея его опровергнуть. В своей полемике Маркс вообще часто пользовался ярлыками и прозвищами. (Например, «гений буржуазной глупости».) Он считал, что после Д. Рикардо

пришли вульгарные экономисты, которые описывают только внешнюю сторону явлений. Их он называл наемными писаками, которые якобы приспосабливаются к полицейским условиям и т.д. Однако Ж.-Б. Сэй понимал стоимость лучше Маркса. А Кейнс считал классиками также своих учителей, которые жили после Рикардо.

Маркс утверждал, что у А. Смита было два противоположных метода для изучения экономики: глубокий и правильный – эндогенный, который открыл роль труда, и второй – внешний (экзогенный), который якобы поверхностно и неверно описывал роль природы и капитала. Смит любил конкретный анализ явлений в экономике, но не сводил ее к внешней видимости явлений. Когда Смит ищет источники создания стоимости, он изучает различные точки зрения, применяет к анализу происхождения стоимости многофакторный подход, не противопоставляя внутренних и внешних методов анализа. Они все для него важны, направлены на открытие истины.

Многофакторный подход к изучению стоимости А. Смита и Ж.-Б. Сэя оправдался с практической точки зрения. Современные наука и статистика делят товары на трудоемкие (текстиль и др.), капиталоемкие (машиностроение), ресурсоемкие (сырьевые) и наукоемкие (электроника и пр.). Тем самым подтверждается теория факторов производства, которые изучали Смит и Сэй.

К. Маркс произвольно и неточно излагал взгляды не только Смита и Петти, но и других экономистов Англии, Франции, Германии и США. Современниками Смита во Франции были физиократы: Ф. Кенэ, А. Тюрго и другие, которые считали, что природа – главный фактор происхождения богатства (именно природа, а не только земля). Лидер школы физиократов Ф. Кенэ считал, что природа дает избыток стоимости как приращение богатства. В своей таблице воспроизводства Кенэ подсчитывал, как образуется этот избыток общественного богатства, источником которого является прежде всего природа.

Фрэнклин, Джефферсон и Адамс были знакомы со взглядами Тюрго, Кенэ и, конечно, Адама Смита. А Маркс в первой главе «Капитала» утверждал, что знаменитый американец Б. Фрэнклин разделял трудовую теорию стоимости. Маркс ссылался на текст его ранней работы 1831 г., но умолчал, что Фрэнклин в середине и в конце XVIII в. был согласен со взглядами физиократов на роль природы в создании богатства. Отцы-основатели США (Фрэнклин, Адамс, Джефферсон и др.) обсуждали в Конгрессе роль земли в создании богатства при подготовке налогового законодательства в США, указывали на роль других природных факторов. Джефферсон в переписке с Сэем отмечал, что природа создает стоимостное богатство. Для него роль природы не подлежала сомнению, как и естественные права человека.

Единственным экономистом, у которого трудовая теория стоимости была всеохватывающей и стояла в центре его учения, был Д. Рикардо. Маркс

провозгласил его завершителем английской политэкономии и стал его последователем. В книге «Начала политической экономии» Рикардо писал в первой главе: «Стоимость товара зависит от относительного количества труда, которое необходимо для его производства». Он уверовал в доктрину трудовой стоимости и отрицал все другие трактовки стоимости своих предшественников. В той же главе, через несколько страниц Рикардо упрекал А. Смита в непоследовательности – за признание роли природы и капитала в создании стоимости. Во второй главе «О ренте» Рикардо критиковал Смита и Сэя за признание трех факторов производства и за триединую формулу капитала. Он был не согласен с А. Смитом в том, что в земледелии и в промышленности природа работает наряду с человеком и пытался исправлять его идеи. Если назвать вещи своими именами, то можно утверждать, что Рикардо пересматривал и искажал теорию А. Смита, а Маркс продолжал это искажение и не был продолжателем учения А. Смита.

Почему Маркс неправильно понимал А. Смита, У. Петти, А.Р. Тюрго и их сторонников? Он стал социалистом и рикардианцем во время эмиграции в Париже и параллельно начал изучать теорию А. Смита. В книге «Нищета философии» в 1844 г., направленной против Прудона, Маркс ссылался на Рикардо и на его закон трудовой стоимости. В том же году он усиленно конспектировал труды Смита и физиократов. В его экономическо-философских рукописях 1844 г., однако, нельзя обнаружить знания всестороннего исследования и анализа Смитом происхождения стоимостного богатства общества. Рикардианство помешало Марксу правильно понять учение А. Смита и физиократов. Среди выписок и цитат из сочинения Смита о происхождении богатства народов у Маркса есть упоминание, что «ренту можно рассматривать как продукт ... сил природы». Маркс замечал, что Смит сводил земельную ренту к большему или меньшему плодородию земли. «Это ясно свидетельствует об извращении понятий в политической экономии», – писал Маркс [см.: К. Маркс. «Капитал». – М., 2013. – С. 817–818]. Он явно заблуждался, отрицая роль земли и природы в создании стоимости, разделяя ошибки Рикардо. Оба они считали, что природа создает только вещественное богатство как совокупность потребительных стоимостей. Маркс истолковывал тексты Смита, как Рикардо.

Из работ по истории экономических учений известно, что у Рикардо было очень мало последователей даже в Англии (например, Джон С. Милль и еще несколько менее известных экономистов). Английская политическая экономия и вся западная экономическая наука пошли по другому пути. А. Маршалл пытался соединить идеи Рикардо о роли труда с теорией предельной полезности австрийских экономистов. В Австрии и Германии измеряли стоимость предельной полезностью товаров, т.е. связывали стоимость

и цены с качеством товаров. По этому же пути шли и сторонники маркетинга и макроэкономики в США и в других странах.

Сам Д. Рикардо, отрицавший в книге «Начала политической экономии» роль капитала, в конце жизни сожалел об этом. Он писал английскому экономисту Мак-Куллоху, что если бы ему пришлось переиздавать свою книгу о политэкономии, то он дополнил бы ее анализом роли капитала в создании стоимости. Вот дословно его признание: «Если бы мне случилось вновь написать в моей книге главу о ценности, то я бы написал, что она регулируется не одной, а двумя причинами: относительным количеством труда, необходимого для производства продукта, и суммой прибыли, полученной от затраченного капитала» (цитируется по книге М.И. Туган-Барановского «Теоретические основы марксизма». Издана в 1915 г. и переиздана в Москве в 2010 г., с. 123). Иначе говоря, Д. Рикардо в зрелом возрасте понял свою ошибку и хотел бы исправить теорию трудовой стоимости, но не исправил. Так ставил вопрос известный советский экономист Д. Розенберг в книге «История экономических учений» [М., 1934 г., с. 232–233]. Выходит, что в России некоторые известные экономисты знали об ошибках Рикардо и Маркса. У В.И. Ленина между тем нет работ по истории политической экономии и теориям стоимости (о теориях У. Петти, А. Смита, Д. Рикардо и т.д.). У него нет также работ с серьезным анализом структуры «Капитала» (статья о биографии Маркса не в счет, там мало теории). Советская учебная литература по политэкономии обычно давала догматическое истолкование проблемы стоимости и капитала; альтернативные взгляды не освещались.

Выдающийся английский экономист XX в. Джон М. Кейнс называл трудовую теорию стоимости Рикардо тупиковой. Западная экономическая наука не пошла по пути Рикардо. Появились другие теории стоимости, главным образом как продолжение учения Адама Смита: кейнсианство, неоклассические теории, субъективная теория ценности, теории роста, экономико-математические модели. Все это разновидности теории рыночной экономики, основы которой заложил Адам Смит. Кейнс считал, что марксизм возник «на задворках экономической науки», поскольку К. Маркс взял за отправной пункт в «Капитале» идею Рикардо о трудовой теории стоимости.

Но если неверна трудовая теория стоимости, то неверна и теория прибавочной стоимости К. Маркса, которую считают главным его открытием. Вследствие ложной основы ошибочными оказываются и выводы о возможности строительства социалистического общества (путем установления диктатуры пролетариата, национализации частной собственности и т.д.). Маркс включил в свою теорию социализма идеи утопических социалистов об идеальном обществе будущего без эксплуатации и угнетения. Но на основе несостоятельной трудовой теории стоимости этот мир не мог быть реально построен на практике.

У марксизма не было такого экономического источника, как классическая английская и французская политическая экономия: теория Маркса противоречит теориям Петти, Тюрго, А. Смита и его сторонников и последователей в других странах. Кроме Риккардо, у Маркса не было предшественников среди классиков английской и французской политэкономии, которых он бы продолжал и развивал. Первого источника марксизма (в виде классиков английской и французской политэкономии, кроме Рикардо) не существует. Те политики и экономисты, которые не принимают во внимание историю политической экономии, не изучали трудов У. Петти и А. Смита и их сторонников, не видят необоснованности трудовой теории стоимости Рикардо и экономического учения, изложенного в «Капитале». В заключение добавим, что Маркс претендовал также на создание материалистического понимания истории. Однако если экономическое учение марксизма плохо обосновано, то экономический базис как обоснование материалистического понимания истории также следует поставить под вопрос.

Р.С. Гранин

РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ ТРАДИЦИЯ: ОТ УТОПИЗМА К ТОТАЛИТАРИЗМУ

Гранин Роман Сергеевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН.

Актуальность эсхатологической проблематики для русского религиозно-философского самосознания

Русскому самосознанию свойственно утопическое и мессианское мироощущение. Так, по В.В. Зеньковскому, над русской мыслью витает дух утопизма, что является свидетельством как обращенности ее к последним целям истории, так и свидетельством неумения связать эти цели с исторической реальностью [15, с. 150].

Г.В. Флоровский писал об утопичности и «мечтательности» обстановки, которую следует учитывать для понимания русской философии[1].

Современный исследователь В.П. Шестаков замечает, что русской утопии свойственен критический оттенок, ироническое отношение к оптимистическому прогнозу. Не случайно, отмечает он, антиутопический жанр появляется именно в России [31, с. 5]. Утопичность может оставаться лишь «мечтательностью», но она таит в себе враждебность свободе, антииндивидуализм, тоталитаризм. Опасность идеологических форм мессианства и политической утопии требует самого пристального изучения и понимания его оснований (эсхатологического самосознания).

Русские философы проявляли особый интерес к философии истории, в которой эсхатологическая проблематика занимает центральное положение. Подтверждением тому, например, является философия всеединства и софиология В.С. Соловьёва, где эсхатологические мотивы, относящиеся к общей

1. Г.В. Флоровский говорит это прежде всего по отношению к Н.Ф. Федорову, но не только: «Понять его всего легче в перспективе его эпохи, в мечтательной и утопической обстановке 70-х годов» [29, с. 408–409].

истории, взаимосвязаны как с бытием всего человечества, так и с судьбами отдельных людей. Поскольку, писал философ, цель жизни каждого человека «неразрывно связана с жизненной целью всех остальных, то личный вопрос превращается в вопрос общий: спрашивается – какая цель человеческого существования вообще, для чего, на какой конец существует человечество?» [23, с. 140].

В истории все не удается и вместе с тем история имеет смысл. Этот смысл лежит за ее пределами, что предполагает ее конец. Поэтому настоящая философия истории должна быть эсхатологической философией истории.

Осознание ключевой истины мир «трагически несовершенен», писал в 2000 г. И.Г. Яковенко в статье «Эсхатологическая компонента российской ментальности», было огромным потрясением, запустившим движение историософской и религиозной мысли. Эсхатология питается чувством «преходящести» бытия и вырастает из идеи возвращения в вечное. Человеческая природа требует надежды и перспективы, хотя бы самой отдаленной.

Эсхатологизм оформляет «бегство… от нестерпимо сложной жизни в цивилизации, надежду на то, что однажды испытание историей завершится, и человек вернется в Рай бытия вне истории» [26, с. 91].

Преломленная религиозно, историософия превращается в историодицею – оправдание истории в перспективе апокалиптики (последних времен земной истории, освященных божественным вмешательством). По замечанию С.Н. Булгакова, апокалиптической в прямом и точном смысле является вся человеческая история[2].

Византийско-русские апокрифы как источник первых эсхатологических представлений в Древней Руси

После крещения Древняя Русь вместе с православием заимствует от Византии и христианскую эсхатологическую традицию через переводную литературу, в основном с греческого, реже с латинского, иногда с древнееврейского языков. Русь знакомится с библейскими текстами, патристикой, богословием, агиографией первых веков христианства, со всемирными хрониками. Уже через полвека на Руси создаются свои собственные летописи, ораторская проза («Слово о Законе и Благодати» киевского митрополита Илариона), свои первые жития – князей-мучеников Бориса и Глеба [1, с. 6]. Происходит знакомство с эсхатологическими текстами Ветхого Завета (книги

2. Философ пишет, что слово «апокалиптический» обычно употребляется в смысле «эсхатологический», но на самом деле такая равнозначность им не свойственна [8, с. 210]; апокалиптика исторична, эсхатология сверхисторична.

пророков Исаии, Иезекииля, Даниила и др.) и Нового Завета (Евангелие, Деяния и Послания апостолов, Откровение Иоанна Богослова). А также с их толкованиями (часто носящими апокрифический характер).

Особой популярностью в Древней Руси пользовался жанр индивидуальной эсхатологии. Сказания о посмертной судьбе человеческой души получили широкое распространение по всей Руси с XI–XII вв.

Помимо индивидуальной эсхатологии, в Древней Руси развивалась общая эсхатология, связанная с апокалиптическими идеями избранности Руси в «последние времена». Русь, только что принявшая христианство, последней пришла к служению Богу, но представления о том, что «будут последние первыми, а первые последними» (Мф. 20, 16), составили основной пафос «Слова о Законе и Благодати» (не позднее середины XI в.). Эсхатологические мотивы отмечены в Повести временных лет (XI в.). Вероятно сам ее заголовок, появившийся примерно в начале XII в., несет на себе следы ожидания близящегося конца света. Ряд специалистов отмечает устойчивость фразеологического оборота «временные лета», сравнимого с цитатой из Деяний апостолов (Деян. 1:7) в Толковой Палее: «Несть вам разумети временных лет [сроков. – *Г. Р.*], яже отець Своею властию положи» [12, с. 101–110]. Более отчетливо представление об избранности Руси в «последние времена» выражено в Новгородской Первой летописи младшего извода, автор которого сообщает «…како избра Бог страну нашу на последнее время» [20, с. 103]. Тексты показывают наличие устойчивых представлений о «последних временах», в которых, вероятно, живут православные люди. Такие представления о непосредственном соприкосновении с концом мира мобилизуют религиозные чувства, делая новую веру предельно напряженной.

Ниже приведем – и это своего рода отступление – примечательные факты и обстоятельства, многое объясняющее в русском богословии. Основы эсхатологии в России в ее современном виде были заложены во второй половине XIX – начале XX в. в процессе полномасштабного перевода Библии на русский язык [Синодальный перевод Библии (1876)]. Данный перевод (1816–1826; 1858–1876) осуществлялся в рамках созданного для этой цели «Российского библейского общества» (1813). Полный вариант перевода Библии существовал на церковно-славянском языке [Острожская Библия (Острог, 1581), первая русская печатная Библия]. Авторизованным для богослужения в Русской православной церкви до настоящего времени (с некоторыми исправлениями) является текст Елизаветинской Библии (СПб., 1751)[3].

3. Как пишет Б.А. Тихомиров: «Славянская Библия была большой редкостью, почти недоступной для частных лиц и духовенства, слишком дорогой и для семинарской библиотеки даже после издания ее в 1751 г. Неудивительно, что изучения Свящ. Писания вовсе не было не только в семинариях, но даже и в академиях. Между духо-

Апокалиптика и утопизм в культуре русского религиозно-философского ренессанса

На рубеже XIX–XX вв. интерес к эсхатологической проблематике выходит за рамки теологии и получает широкое отражение в философии и в художественной литературе[4]. Даже те русские мыслители, которые не занимались эсхатологией специально, в ряде своих метафизических построений касались ее проблематики. Так, например, П.А. Флоренский говорил о «трещинах бытия», вероятно свидетельствующих о близости Конца [27, с. 127].

Ощущение расколотости мира, чувство близости к последней черте свойственно многим мыслителям Серебряного века.

Например, С.Л. Франку [30, с. 433]. В.В. Зеньковскому, писавшему (со ссылкой на Франка): «Мир как целое предстоит перед нами в *некоем уже поврежденном состоянии* – и жизнь природы свидетельствует о “трещине” в бытии (что богословие связывает с первородным грехом) с такой силой, что только зачарованностью реальным бытием можно объяснить ошибочную мысль, будто в природе все “естественно”» [16, с. 119].

Г.В. Флоровский полагал, что «только в опыте веры, в религиозном опыте раскрывается метафизическая расколотость бытия, бездна отпадения» [28, с. 220].

С.Н. Булгаков считал: «Не цельность, а разорванность, постоянное движение во времени составляют наш удел» [7, с. 387].

Чувство «конца века» (фр. Fin de siecle) свойственно всей европейской культуре рубежа XIX–XX столетий. Оно сопровождается «метаниями между ожиданием перемен, эйфорией в ожидании будущего, страхом перед этим будущим, эфемерностью бытия, чувством приближающегося конца света, пресыщением жизнью, очарованием смертью, беззаботностью, фривольностью и декадансом»[5]. Все это присуще Серебряному веку.

Русскому религиозно-философскому самосознанию вообще свойственно апокалиптическое восприятие бытия и истории, что может быть связано

венством о чтении Свящ. Писания и речи не было. <…> С 1751 по 1814 г. было осуществлено 22 издания Елизаветинской Библии. Тем не менее неутешительное на этот счет свидетельство 1818 г. <…> По существу, можно говорить, что библейский текст в его полноте Ветхого и Нового Заветов оставался на периферии религиозной жизни вплоть до XIX столетия. От него оказались дистанцированными и клир, и общество» [25].

4. По словам Н. Бердяева, предельность эсхатологических тем раскрывалась в большей степени у великих русских писателей, нежели у профессиональных философов [2, с. 407].

5. См.: Статья электронного словаря Wikipedia. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Fin_de_siècle (Дата обращения: 17.06.2016.)

с утопическим и мессианским мировоззрением. Декаданс и апокалиптика Серебряного века пришли на смену «мечтательной» и «утопической» (по выражению Г.В. Флоровского) эпохе в России второй половины XIX в. [29, с. 408–409]. Эсхатология и апокалиптика, утопия и антиутопия, декаданс и мессианская экзальтация выступают чертами «духа времени», проявляющегося в духовном кризисе и духовном поиске новых горизонтов и перспектив эпохи. Под знаком апокалиптики проходит деятельность «нового религиозного сознания» и его идейного лидера Д.С. Мережковского[6]. Современное человечество он называет людьми Конца, а эсхатологию – душой России, Религией Конца [19, с. 22].

Уже в эмиграции русские мыслители ретроспективно назвали эпоху Серебряного века «ренессансом». Впервые этот термин использует евразиец Петр Сувчинский в статье «Два Ренессанса. 1890–1900-е и 1920-е годы», вышедшей в первом номере «Верст» (1926) [24, с. 136–142]. Николай Бердяев, которому традиционно приписывают авторство данного понятия, использует его в статье «Русская религиозная мысль и революция», вышедшей позже в третьем номере того же сборника «Версты» (1928) [3, с. 40–62]. Но именно эта и последующие работы Бердяева способствовали популяризации данного понятия[7].

Период подъема русской философско-художественной мысли 1890–1900-х годов, – представленный В.С. Соловьёвым, Д.С. Мережковским, З.Н. Гиппиус, В.В. Розановым, А.А. Блоком, А. Белым, А.Н. Бенуа, «Миром искусства», «символизмом» и др., – Сувчинский связал с бурными процессами общественно-политической жизни и общим духовным кризисом, охватившим все социальные слои общества. Он обращает внимание на проблему установления некой закономерности, при которой кризисы и катастрофы неизменно совпадают с начальными сроками ренессансных процессов, «срывая их эволюционную планомерность, размыкая непосредственную преемственность и, тем самым, двигая жизнь поступательными толчками и жестокими перебоями» [18, с. 91]. При этом главным для него выступает культурная и социально-политическая роль интеллигенции в данных процессах. Интеллигенция, исцеленная от нигилизма 60–80-х годов XIX в. (после реформ

6. Как отмечает В.Н. Жуков: «Центральным идейным компонентом, психологическим стержнем и нервом концепции Третьего Завета является эсхатологизм Мережковского, его философия Конца» [14, с. 681].

7. Бердяев развивает проблему «ренессанса» и в более поздних работах: «Русский духовный ренессанс начала XX в.» и журнал «Путь» (К десятилетию «Пути») (1935); «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937); «Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века» (1946); «Самопознание. Опыт философской автобиографии» (1949).

1861 г.), начинает ощущать политическое неблагополучие, переключаясь на политические игрища, что приводит ее к утрате пассионарности и угасанию воли.

Говоря о ренессансе духовной культуры, достигшей в начале XX в. предельной утонченности, Н. Бердяев считает: «Это было все-таки движение культурной элиты, оторванной не только от процессов, происходивших в народной массе, но и от процессов, происходивших в широких кругах интеллигенции» [4, с. 3]. Ренессанс сопровождался декадансом, духовный поиск – духовным кризисом. Его причиной Бердяев называет разложение интеллигентского миросозерцания, ориентированного социально; разрыв с русским просветительством и позитивизмом, переход с внешнего на внутреннее, обращение к «потустороннему». Причем, наряду с серьезными исканиями, сопровождающимися глубоким душевным кризисом, была и мода на мистику, оккультизм, эстетизм, мода на пренебрежительное отношение к этике[8].

Гибель своей эпохи в Революции большинство русских мыслителей переживало как религиозное событие, связанное с крушением целого мировоззрения, по своей сути идеалистичного, оторванного от почвы, утопичного. Бывают эпохи предельного истончения эмпирии, писал Г. Флоровский, когда каждому становится видна глубочайшая метафизическая борьба. Но она свидетельствует не о последних временах, а о разложении утопического духа конкретной исторической эпохи, о крушении очередной системы жизни и ее духовного склада. Утопизм – это неизбывный соблазн человеческой мысли, ее отрицательный полюс. Не случайно о него споткнулась и средневековая католическая мысль, и обмирщенная философия Нового времени, и эпоха Просвещения, и эпоха «исторической реакции», и богоборческий социализм.

Утопическое мировоззрение представляет собой сложное многоуровневое образование. Его поверхностным слоем является общественный утопизм, в рамках которого существует вера в имманентное истории достижение социального идеала. Веру в возможность достижения идеала как части истории Флоровский называет «этическим натурализмом», в рамках которого происходит приравнивание ценности и факта. «Этический натуралист» верит в устранение во времени противоположности «должного» и «действительного», лежащих в одной плоскости бытия. При этом хронология выступает оценочным мерилом: то лучше, что впереди. Хронологическая последовательность отождествляется с оценочной иерархией. Так, за социальным

8. Как замечает А.А. Ермичев, понимание ренессанса Бердяевым и действительный культурный подъем начала XX в. не совпадают, философ «обращает внимание на психологию весьма узкого круга лиц – создателей "ренессанса" в его понимании и на образуемое ими общественное религиозно-философское и религиозно-литературное движение» [13, с. 10].

утопизмом следует обосновывающая его утопическая философия истории – вера в прогресс, согласно которой развитие может актуально достигнуть абсолютного значения – совершенства. При этом конец прогресса будет концом истории, ознаменовывающим собой начало утопии («утопист должен утверждать, что “история” длиннее “прогресса”» [28, с. 208]). Идеал становится фактом достижимого будущего. Причем, утопические идеалы не историчны, так как отталкиваются не от конкретного социокультурного опыта, а имеют отвлеченно логический характер, оперируя различного рода теоретическими конструкциями (такими, например, как «класс»)[9].

Этический натурализм не преодолевается даже тогда, когда идеал выносится за пределы истории, ибо он все равно сохраняет свой смысл образца, хотя и неосуществимого, но непрерывно «нарастающе-осуществляемого». Такую ситуацию Г. Флоровский называет «потенциальным хилиазмом», так как в ней происходит абсолютизация не только одной заветной эпохи, но происходит сакрализация всего исторического процесса, причем не только в силу его телеологичности, но и в силу относительного совершенства каждого этапа, находящегося на своем необходимом для достижения идеала месте. Неправда этического натурализма заключается в том, что идеальная действительность («действительность идеала») отождествляется и соподчиняется с актуально существующей действительностью в одной и той же плоскости эмпирического бытия. Утопический идеал не преобразует действительность. В «утопических грезах» идеальная жизнь прорисовывается объектно и вещно, как новый порядок или строй, который представляется вершиной из всех разновидностей строев, откуда возникает вера в самодостаточный характер социальных форм, вера в учреждения, в институционализм, в рационализируемость общественной жизни. Так появляется тоталитаристский пафос насильственного дарования счастья: «Исповедник прогресса чувствует в себе вселенскую, сверхличную непогрешимую силу. И исторически мы наблюдаем неизменное сочетание учения о “насилии благодати” с напряженностью утопических ожиданий» [28, с. 211]. Личность при этом игнорируется. Достигнутый социальный строй оказывается над этической сферой, приобретая «нравственно-метафизический суверенитет». В грезах о «мессианском пире» забываются личные и чужие муки и страдания. Появляется чувство «космической одержимости», ощущение вовлеченности и включенности во вселен-

9. В связи с отмеченным логизмом утопии приведем высказывание С.Н. Булгакова о логической природе апокалипсисов и социологии: «...известная псевдонимность апокалипсисов, символика цифр и зверей и обычная манера изображать прошедшее и настоящее в будущем времени, как предсказание о них, ...характеризуют логическую природу апокалиптики, приближая ее в этом к современной “социологии” с ее абстрактными схемами» [7, с. 381].

ский строй, которое определяет утопическую самооценку и оценку мира. «Утопический человек», включенный в мировую стихию, лишается собственной воли, он живет в тенетах «мировой воли». Мир понимается как телеологическое единство, органическое всеединство, в его рамках происходит натурализация человека, который понимается как родовой человек (человечество) – индивид высшего, космического порядка. История становится историей всего мира, а не биографией индивида.

Если Г. Флоровский подводит под утопизм метафизические предпосылки, то Н. Бердяев исследует данный вопрос с позиций экзистенциализма. Согласно философу, основными чертами утопии выступают ее целостность, тоталитарность, безличность: «Человек живет в раздробленном мире и мечтает о мире целостном. Целостность есть главный признак утопии. …Утопия всегда тоталитарна, и тоталитаризм всегда утопичен в условиях нашего мира. …В сущности, утопия всегда враждебна свободе» [6, с. 667][10].

Согласно Бердяеву, в утопии преодолевается раздробленность мира за счет того, что иррациональные, стихийные силы принимают форму крайней рациональности. Это рациональность предельной объективированности и тотального безличия. По этой причине в условиях нашего мира утопия тоталитарна и безлична, а тоталитаризм всегда утопичен. Утопия враждебна свободе, а значит, человеку. В этом смысле антиутопия гуманнее утопии, так как в ней присутствует горизонт свободы: динамика борьбы личности за свою свободу, против безличия коллективной морали, пуританских авторитетов и ценностей.

Утопические представления связаны с мессианскими ожиданиями, а также с теорией прогресса. Осознавая свою богоизбранность и ожидая в будущем исключительного для себя положения, «народ-богоносец» смиряется с неудовлетворенностью своей исторической судьбой в настоящем, перенося все чаяния в будущее. Однако уровень душевного напряжения не может длиться долго: «При поражении мессианизма победного на первый план выступает мессианизм страдальческий» [2, с. 526]. В этом случае силы черпаются уже не из экзальтированно-возбужденной радости ожидания конца времен, а из упоения своей богооставленностью.

Религиозно-психологическая структура мессианизма устойчива в разных культурно-исторических и политических формах. Экзальтированность

10. То же у С.Н. Булгакова: «…именно относительно последних целей, последних мотивов своей деятельности, коренящихся в самых глубоких и коренных свойствах души, человек чувствует себя наименее свободным» [9, с. 45]; а также: «Мы имеем потребность цельности, нося в себе образ абсолютного, но, оставаясь в оковах временности, вмещаем эту абсолютность, эту цельную жизнь только по частям» [7, с. 387].

скорейшим приходом мессии есть тот же духовный подъем, что и в религиозных войнах, революциях, коммунизме, сектантстве и прочем. В секуляризованном мире мессианские и хилиастические чувства сублимируются, получая рациональное выражение в позитивистской теории прогресса[11]. Выступая, казалось бы, против традиционных религий, данная теория является антирелигиозной, но она сама превратилась в своего рода религию XIX в. Учение о прогрессе, в отличие от теории эволюции, является верой. В нем заложена бессознательная вера в то, что в будущем будут разрешены все задачи всемирной истории человечества. В эту эпоху будет жить поколение избранных, а все предшествующее человечество является лишь орудием достижения «золотого века». Теория прогресса неудовлетворительна не только с моральной точки зрения, но и с метафизической. Основной проблемой метафизики истории Бердяев называет проблему времени: разорванности прошлого, настоящего и будущего. Только преодолев эту разорванность, можно преодолеть порочную природу времени и выйти в вечность. Родственная концепции прогресса утопия земного рая также не состоятельна, так как предполагает имманентное истории осуществление. Она всецело остается в трех измерениях земной истории, не переходя в историю небесную. Концепция прогресса неверна еще и тем, считает Н. Бердяев, что в мире идет нарастание не только положительных христианских сил, но и отрицательных антихристианских. Апокалиптическое грядущее двойственно: нарастают как доброе, так и злое начала. Антихрист – это не явление старого зла, унаследованного от первоначальной стадии человеческой истории (которое должно изживаться со временем), а нового зла грядущего века [5, с. 159]. Вот так мечтательный утопизм XIX столетия, пройдя через эсхатологические ожидания, сменился в России тоталитарной утопией XX в.

Литература

1. Апокрифы Древней Руси / Сост., предисловие М.В. Рождественская. – СПб., 2002. – 239 с.

2. Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики: Творчество и объективация // Дух и реальность. – М.; Харьков, 2006. – С. 381–564.

3. Бердяев Н.А. Русская религиозная мысль и революция // Версты. № 3. – Париж, 1928. – С. 40–62.

4. Бердяев Н.А. Русский духовный ренессанс начала XX века и журнал «Путь» (К десятилетию «Пути») // Путь. № 49. – Париж, 1935. – С. 3–22.

5. Бердяев Н.А. Смысл истории; Новое средневековье. – М., 2002. – 448 с.

11. Эсхатологический характер прогресса также отмечает С.Н. Булгаков: «Позитивная теория прогресса является своего рода эсхатологией, призванной воодушевить борцов и поддержать религиозную веру в конечное торжество добра» [10, с. 80].

6. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря // Дух и реальность. – М.; Харьков, 2006. – С. 567–671.

7. Булгаков С.Н. Апокалиптика и социализм (Религиозно-философские параллели) // Сочинения в двух томах. Т. 2. – М., 1993. – С. 368–434.

8. Булгаков С.Н. Апокалипсис Иоанна. – Париж, 1948. – 353 с.

9. Булгаков С.Н. Основные проблемы теории прогресса // Сочинения в двух томах. Т. 2. – М., 1993. – С. 46–94.

10. Данилевский И.Н. Замысел и название Повести временных лет // Отечественная история. – М., 1994. – № 5. – С. 101–110.

11. Ермичев А.А. «Суждения Н.А. Бердяева о “русском культурном ренессансе” и настоящее значение этого термина» // Studia culturae. Вып. 2. – СПб., 2002. – С. 9–24.

12. Жуков В.Н. Третий Завет Дмитрия Мережковского // Мережковский Д.С. Иисус Неизвестный. – М., 1996. – С. 676–683.

13. Зеньковский В.В. История русской философии: В 2 т. в 4-х книгах. Том II, кн. 1. – Л., 1991. – 280 с.

14. Зеньковский В.В. Основы христианской философии // Христианская философия. – М., 2010. – С. 12–147.

15. Колобова Ю.И. Личность и творческая деятельность П.П. Сувчинского в культуре XX века: дис. ...канд. культурологических наук: 24.00.01. – Киров, 2006. – 155 с.

16. Мережковский Д.С. Атлантида – Европа: Тайна Запада. – М., 1992. – 416 с.

17. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. – М.; Л., 1950. – 642 с.

18. Соловьёв В.С. Философские начала цельного знания // Сочинения в двух томах. Т. 2. – М., 1988. – С. 139–288.

19. Сувчинский П.П. Два Ренессанса 1890–1900-е и 1920-е годы // Версты. Выпуск 1. – Париж, 1926. – С. 136–142.

20. Тихомиров Б.А. Славянская Библия: Основные издания и место в духовной жизни [Электронный ресурс]. URL: http://www.portal-slovo.ru/theology/37752.php (Дата обращения: 13.02.2016.)

21. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах // Соч.: В 2 т. (3-х частях) Т. I. (в 2-х частях). – М., 1990.

22. Флоровский Г.В. Метафизические предпосылки утопизма // Вера и культура. Избранные труды по богословию и философии. – СПб., 2002. – С. 197–228.

23. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. – М., 2009. – 848 с.

24. Франк С.Л. Непостижимое (Онтологическое введение в философию религии) // Франк С.Л. Сочинения. – М., 1990. – С. 183–603.

25. Шестаков В.П. Эсхатология и утопия: Очерки русской философии и культуры. – М.: ЛКИ, 2007. – 208 с.

26. Яковенко И.Г. Эсхатологическая компонента российской ментальности (связи, обусловленности, логика актуализации) // Общественные науки и современность. – М., 2000. – № 3. – С. 87–95.

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Б.А. Хейфец

ПЕРВЫЕ БОГОМОЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Хейфец Борис Аронович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ИЭ РАН

В Институте экономики РАН, составной частью которого в 2005 г. стал богомоловский Институт международных политических и экономических исследований, в сентябре 2016 г. состоялась конференция – первые богомоловские чтения «Глобальная и российская экономика в эпоху перемен».

Конференция была приурочена к первой годовщине кончины выдающегося русского ученого-экономиста академика Российской академии наук – Олега Тимофеевича Богомолова. Конференция вызвала большой интерес у общественности, представителей академической науки и научных изданий.

Роль О.Т. Богомолова для российской экономической науки трудно переоценить. Он был человеком широких взглядов и интересов, интеллектуал из плеяды старой академической школы. Круг проблем, над которыми он работал, весьма широк. О.Т. Богомолов опубликовал более 500 работ в области сравнительного анализа экономики и политики переходного периода, роли государства и рынка, а также глобализации, международной экономики и внешнеполитических проблем, которые изданы в России (СССР) и во многих зарубежных странах. Большое внимание он уделял преподавательской работе в МГУ, Государственном университете управления. О.Т. Богомолов издал один из лучших учебников по мировой экономике – «Мировая экономика в век глобализации».

О.Т. Богомолов был блестящим организатором науки, сумев сплотить вокруг себя дружный коллектив единомышленников, учеников и коллег, создав практически с нуля знаменитый Институт экономики мировой социалистической системы, переименованный в период постсоветских реформ в Институт международных политических и экономических исследований. Сколько ярких исследователей обрели общероссийскую и международную известность, работая вместе с ним. О.Т. Богомолов, невзирая на многие

имевшиеся в СССР догматические нормы кадровой политики, привлекал на работу не только способную молодежь, но и опальных талантливых ученых, которые содействовали высокому имиджу богомоловского института. Основополагающее кредо кадровой политики О.Т. Богомолова – «лицо любого института определяет, конечно, не название, а ученые, которые в нем работают... Институт рождается не в тот момент, когда ему выделены финансовые средства и определены название и профиль исследований, а когда появляется группа ученых, способных генерировать идеи, организовать работу, увлечь и вдохновить своих коллег»[1].

Воспитанница богомоловского института, нынешний директор Института экономики РАН Л.Б. Ленчук в своем вступительном слове подчеркнула, что богомоловские чтения очень важны для нас не только с точки зрения нашей общей памяти о великом ученом, экономисте-международнике, академике О.Т. Богомолове, но и с точки зрения сохранения созданной им научной школы. Е.Б. Ленчук подчеркнула: то, что О.Т. Богомолов последнее время много внимания уделял социальной сфере экономического развития, – не случайно. Это во многом объяснялось его активной жизненной позицией. Изучая причины наших экономических бед и неудач, он доказывал, что не только научно-технический прогресс и экономические механизмы влияют на экономическое развитие. Для экономического роста также важна господствующая идеология, состояние общественного сознания. Успех экономической и технологической модернизации во многом зависит от институтов управления, уровня культуры и образования, нравственности. Именно социальный капитал, по мнению О.Т. Богомолова, является залогом успеха во всех начинаниях. Если в развитых странах мира социально-экономический прогресс связывается с развитием человеческого капитала и это ставится в качестве важнейшей цели государства, то в нашей стране происходит перекладывание всех тягот на плечи людей. Проводимые псевдореформы в социальной сфере привели к тому, что государство практически переложило все затраты на социальное развитие на самого человека. Результатом такой политики становится разрушение сферы здравоохранения, образования, науки. Например, в России крайне низка доля в ВВП «экономики знаний»: НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение – всего 15%, в то время как в советское время эта доля доходила до 20, в западноевропейских странах она составляет 30, в США – 40%. Между тем экономика знаний вносит решающий вклад в развитие человеческого капитала – в знания, навыки людей.

1. Богомолов О.Т. Раздумья о былом и насущном. – М.: ИНЭС, 2007. – С. 19–20.

Один из старых соратников О.Т. Богомолова Р.Н. Евстигнеев отметил выдающуюся роль ученого в общественной жизни СССР, когда было непросто говорить правду власть имущим. Его первые деловые контакты с О.Т. Богомоловым начались в 1957 г., когда он трудился в НИЭИ Госплана под началом академика А.Н. Ефимова, сплотившего вокруг себя С. Шаталина, А. Анчишкина, Э. Ершова и других незаурядных ученых. И далее в созданном Ю.В. Андроповым Отделе ЦК КПСС, где сотоварищами О.Т. Богомолова оказались А. Бовин, Ф. Бурлацкий, Г. Шахназаров… Эти имена тоже говорят сами за себя. В конце 1960-х годов Р.Н. Евстигнеев оказался с О.Т. Богомоловым под одной крышей в Институте экономики мировой социалистической системы. И сразу после назначения директором «рыночника» в институте воцарилась другая атмосфера. Работать стало намного интересней. Исчезли запретные темы. Участвовать в свободных дискуссиях потянулись как отечественные, так и зарубежные ученые. В жестких схватках с мракобесным Отделом науки (С. Трапезников, М. Волков) О.Т. Богомолов настойчиво стремился вписать СЭВ, и прежде всего СССР, в мировое сообщество. Вместе с В.И. Дашичевым он выступил против афганской авантюры.

Научный руководитель Института экономики Р.С. Гринберг также особо подчеркнул гражданскую позицию О.Т. Богомолова, его высокую моральную и нравственную планку Человека и Гражданина. Р.С. Гринберг отметил принципиальную позицию О.Т. Богомолова по поводу реформы РАН. Богомолов говорил, что неправильно обескровливать науку, а потом идти на поклон к Западу, для того, чтобы приехали ученые и создали новые лаборатории. Что же касается академической и университетской науки, необходим не просто перенос всей науки в университеты по западному типу, а рациональная координация и гибкая интеграция академической и университетской науки, в соответствии с имеющимися в нашей стране традициями.

Известный политолог-публицист и ученый А.С. Ципко отметил огромную роль О.Т. Богомолова в процессе перестройки. Ему довелось быть соучастником ряда эпохальных событий в жизни нашей страны. Олег Тимофеевич избирался депутатом Съезда народных депутатов СССР и первой Государственной думы независимой России, в составе которой работал заместителем Председателя Комитета по международным делам, был членом Консультативного совета при Президенте России, где обсуждались самые острые проблемы развития страны. А.С. Ципко подчеркнул, что О.Т. Богомолов не боялся оппонировать сильным мира сего, если был уверен в своей правоте. Об этом говорят его открытые письма, опубликованные в журнале «Огонек» в сентябре 1990 г., в связи с итогами XXVIII съезда КПСС. Чего стоит лишь его подпись под письмом Б.Н. Ельцину с резко негативной оценкой проводимых правительством реформ в феврале 1992 г. Это письмо, составленное им и академиком Г.А. Арбатовым и подписанное рядом других

членов Консультативного совета при Президенте России, фактически означало их добровольный выход из этого совета. О.Т. Богомолов активно работал в российско-американской Группе экономических преобразований, объединившей видных ученых, в том числе лауреатов Нобелевской премии, с целью предложить альтернативу радикально-либеральному реформированию в России. Члены группы в 1996 г. и 2000 г. предлагали в своих обращениях к Президенту России альтернативную повестку дня реформ.

Б.А. Шмелев говорил о большом международном авторитете О.Б. Богомолова среди коллег-экономистов зарубежных стран. Он был членом Комитета «За европейское сотрудничество и безопасность», председателем Общества российско-венгерской дружбы; членом Исполкома Международной экономической ассоциации, избран ее Почетным президентом, состоял членом Исполкома по общественным наукам при ЮНЕСКО, председателем экономического комитета Парламентской ассамблеи ОБСЕ. Б.А. Шмелев подчеркнул, что глобализация неудержима и все попытки отстраниться от нее, отгородиться стеной запретительных тарифов, протекционистских норм, переход в режим самоизоляции от мирового сообщества будет означать для страны, вставшей на этот путь, сползание на обочину мирового прогресса, стагнацию и в конечном счете – гибель как самостоятельного и независимого государства. Открытость предполагает усиление конкуренции между странами, глобальными компаниями, экономическими и военно-политическими союзами, между цивилизациями, между товарами и идеями. Нарастающая всеобъемлющая конкуренция будет определять место каждой страны в системе международных отношений, ее способность воздействовать на утверждение и принятие таких правил в международных политических и экономических отношениях, которые бы в максимально возможной степени защищали ее интересы. Понятие *конкурентоспособность* будет являться ключевой характеристикой каждой страны, показывающей ее способность влиять на формирование отношений на глобальном и региональном уровнях. При сохранении важности военной силы как действенного фактора обеспечения национальной безопасности не военные факторы, а так называемая «мягкая сила» будет играть все возрастающую роль в арсенале государств и цивилизаций в их борьбе за доминирование в мировой политике, за усиление своего влияния на принятие решений о глобальном управлении. Вместе с тем, по мнению Б.А. Шмелева, последние 30 лет не были эффективно использованы Россией для повышения своей конкурентоспособности. Она «проспала» четвертую научно-техническую революцию, не смогла пока использовать достижения шестого технологического уклада. Россия не создала своего реально действующего (а не декларативного) интеграционного проекта и не примкнула к чужим. Это одинокая великая держава, которая для своего развития должна рассчитывать на свои собственные ресурсы. Их

использование при грамотной и разумной политике может дать так необходимый сегодня стране социально-экономический эффект.

Выдающуюся роль О.Т. Богомолова в создании новых направлений научных исследований подчеркнул Л.Б. Вардомский. Он отметил, что при директорстве О.Т. Богомолова ИЭМСС стал ведущим центром в СССР в области экономического страноведения, мирового хозяйства, экономических реформ и региональной интеграции. И методически, и методологически институт выделялся на фоне других экономических институтов АН СССР. Вопросы, исследовавшиеся О.Т. Богомоловым, в те годы приобрели особую актуальность сейчас. Это вопросы социального неравенства в мире, вопросы экономической и политической дискриминации ведущими странами нелояльных им государств. Крупное наследие О.Т. Богомолов оставил в области изучения мировой финансовой системы, вскрыв в ней глубинные противоречия. Новаторское значение имеет и новое направление исследований академика, которому он много внимания уделял в последние годы жизни, – «Взаимодействие экономики и общественной среды».

Т.В. Чубарова остановилась именно на этом новом направлении исследований О.Т. Богомолова. Она отметила, что под руководством Олега Тимофеевича был реализован проект РАН «Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние», по результатам которого было выпущено две монографии со статьями российских ученых – представителей различных обществоведческих дисциплин. Тема работ – «неэкономические грани экономики», ее взаимосвязь и взаимовлияние с другими сферами общественной жизни.

В этих работах значительное внимание было уделено проблемам духовности и нравственности, состоянию культуры и средств массовой информации, развитию отраслей социальной сферы. Последние рассматриваются не просто как результат, продукт экономического развития, а как важнейшая детерминанта экономического роста. Социальное развитие не может быть обеспечено без экономического, а последнее не имеет смысла без улучшений в благосостоянии людей.

Т.В. Чубарова подчеркнула, что именно в отраслях социальной сферы особенно очевидно проявляется связь социальных, экономических и морально-нравственных факторов, определяющих развитие современного общества. При этом О.Т. Богомолов всегда отстаивал гуманистические принципы и идеи социальной справедливости, настаивал на приоритете общечеловеческих ценностей, необходимости создать возможности для формирования и полного раскрытия потенциала человека.

Высокий уровень социального неравенства в России (коэффициент Джини в 2015 г. составил 0,412) ведет к концентрации богатства и бедности, когда жизнь состоятельных граждан фундаментально отличается от жизни

малообеспеченных, что подрывает основы социальной солидарности в обществе. На этом фоне сокращение финансового участия государства имеет принципиальное значение с точки зрения выбора форм и методов социальной политики. По мнению Т.В. Чубаровой, происходит институциализация минимальных социальных расходов государства при введении платности услуг для населения. В этой ситуации О.Т. Богомолов выступал против коммерциализации социальной сферы, настаивал на том, что государство должно сохранить свою ведущую роль в ней, обеспечивать социальное благосостояние граждан.

Т.В. Чубарова подчеркнула, что О.Т. Богомолов всегда помещал анализ российской реальности в глобальный контекст, поскольку наша страна всегда оказывала реальное влияние на формирование основных направлений социальной политики во всем мире. Сегодня мы опять оказались на острие современных проблем и имеем шанс предложить новый подход к социально-экономическому развитию, учитывая богатый культурно-исторический опыт.

Л.С. Косикова отметила большой личный вклад О.Т. Богомолова в формирование такого научного направления, как зарубежное регионоведение, особенно в плане комплексного, углубленного изучения бывших социалистических стран – Центрально-Восточной Европы, Кубы, Вьетнама, Монголии, Китая. Благодаря стратегическому мышлению и организаторскому таланту О.Т. Богомолова сложилась целая научная школа, сформировались многие крупные ученые-регионоведы. После 1991 г. О.Т. Богомолов внимательно следил за трансформационными процессами в постсоветском регионе и проявлял активный интерес к изучению стран СНГ, а также к вопросам сотрудничества России с бывшими союзными республиками.

На примере собственных исследований по Украине и российско-украинским отношениям, а также в области региональной интеграции на постсоветском пространстве, Л.С. Косикова выделила несколько важных методологических подходов, основанных на идеях академика О.Т. Богомолова. Во-первых, важность комплексного анализа экономических и политических факторов, определяющих международные отношения и соответственно формирующих внешнеэкономическую политику России. Во-вторых, необходимость применения многоуровневого подхода к анализу внешнеэкономических связей, учитывающего наличие разных акторов, действующих в этой сфере и их разноплановые интересы (в частности, государство – крупный бизнес и финансово-промышленные группы – мелкий бизнес – рядовые граждане).

По мнению Л.С. Косиковой, внешнеэкономическая политика России в регионе СНГ оказалась малоэффективной, особенно в первое постсоветское десятилетие, из-за недоучета серьезных различий во внешнеполитических стратегиях Новых Независимых Государств «ближнего зарубежья».

Официальный интеграционный курс РФ фактически игнорировал раскол региона еще с середины 1990-х годов на две основные группы стран: первая ориентировалась на сближение с Россией в разных формах региональных союзов, тогда как вторая открыто заявляла о стремлении сблизиться с Западом и интегрироваться с ЕС. С учетом этого фактора российской стороне следовало проводить более дифференцированную, а не унифицированную политику региональной интеграции. Л.С. Косикова подчеркнула, что многоуровневый подход к анализу отношений России со странами СНГ также чрезвычайно актуален сегодня, поскольку национально-государственные интересы в этих странах подменяются интересами правящих элит, которые и определяют внешнеполитический курс. Важно глубоко исследовать стратификацию обществ в регионе СНГ и на этой основе определять области совпадения / несовпадения интересов России и соседних стран. По мнению Л.С. Косиковой, нельзя подменять политику России в регионе интересами крупного бизнеса к слияниям и поглощениям. Кроме колоссальных финансовых потерь российского бюджета от теневых схем в сотрудничестве, а также имиджевых потерь для страны в целом такая интеграционная политика ведет не к сближению, а к дезинтеграции. Нужны изменения в сторону сближения интересов стран на уровне малого и среднего предпринимательства, межрегиональных и приграничных связей, межличностных контактов, особенно среди молодежи – это укрепит «пирамиду интеграционных предпочтений» у наших соседей по СНГ.

Заведующий кафедрой мировой экономики Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург) А.А. Мальцев, окончивший аспирантуру ИЭМСС, отметил, что во многом благодаря влиянию О.Т. Богомолова в его университете впервые на Урале удалось открыть в 1990 г. новую учебную специальность «Мировая экономика». За прошедшие годы эту специальность получили свыше 2 тыс. специалистов, работающих во всех субъектах Федерации, Урала, многих регионах страны и за рубежом. Сотрудники и аспиранты кафедры удостаивались медалей РАН для молодых ученых, памятных медалей имени Н.Д. Кондратьева, премий Президента РФ для поддержки талантливой молодежи, премий губернатора Свердловской области за лучшую работу в области экономики, аспирантских стипендий Президента РФ и Правительства РФ, выигрывали гранты Президента РФ, РФФИ и РГНФ. В этих скромных успехах – огромная заслуга научной школы, сформированной академиком О.Т. Богомоловым и его соратниками, базовые принципы и методические подходы которой творчески реализует коллектив кафедры.

На конференции выступили с интересными сообщениями и докладами, касающимися актуальных проблем развития российской и мировой экономики, В.И. Волошин, Ю.К. Князев, М.М. Соколов, Б.А. Хейфец и ряд других

участников. Состоялась содержательная дискуссия по затронутым вопросам. Выступавшие отмечали сложнейшие проблемы, которые стоят сегодня перед нашей страной, слабую востребованность со стороны органов госуправления работ ученых-экономистов, особенно международного профиля, вспоминали честную оценку О.Т. Богомолова результатов своей научной деятельности. О.Т. Богомолов писал: «Я не прихожу в уныние от того, что многое из высказанного мной в книгах и статьях как по вопросам международного экономического сотрудничества, так и нашей реформы общественно-экономического устройства не воплотились в практику. Она, стало быть, пока не смогла подтвердить правоту или ошибочность моих взглядов, но думаю, и не опровергла их. А опыт других стран и обществ говорит о том, что многие из моих суждений не были уж столь абсурдны»[2]. Участники дискуссии, отметив ее творческий характер, предложили сделать такие конференции ежегодными, выделяя для каждого года основные проблемы для обсуждения и, возможно, создавая несколько тематических площадок для дискуссий в их рамках. Предлагалось организовать издание материалов таких чтений в электронном виде.

На конференции присутствовали представители научных журналов – «Мир перемен», «Россия и современный мир», «ЭТАП: Экономическая теория, анализ, практика», которые пригласили участников чтений творчески развивать идеи О.Т. Богомолова на страницах их периодических изданий.

2. Богомолов О.Т. Раздумья о былом и насущном. – М.: ИНЭС, 2007. – С. 411.

Л.В. Митрашенкова

МУЗЕЙ-ПАНОРАМА «БОРОДИНСКАЯ БИТВА»

Митрашенкова Лада Вадимовна – кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Музея.

Идея создания в России отдельного музея, посвященного Эпохе 1812 г., возникла сразу же после завершения войны с Наполеоном и особенно активно обсуждалась в просвещенных кругах российского общества на рубеже XIX–XX вв. Однако к 100-летию Отечественной войны 1812 г. была открыта лишь временная выставка в залах Государственного исторического музея, которая позднее почти растворилась в обширном собрании этого музея. И все же в 1912 г. панорама Бородинского сражения, написанная по заказу Российского императорского правительства художником-баталистом Францем Алексеевичем Рубо, увидела свет. «Изобретенный» еще в XVIII столетии жанр панорамы в данном случае как нельзя лучше соответствовал ожиданиям заказчика: огромное, расположенное по кругу живописное полотно, специальное освещение и «предметный план» (классическая структура панорамного произведения) помещали зрителя в «трехмерное пространство», превращая его из отстраненного созерцателя в соучастника самой значительной по масштабам и последствиям битвы 1812 г.

После октябрьского переворота 1917 г. тема войны 1812 г. оказалась по понятным причинам совсем не актуальна, о Музее 1812 г. забыли, а панораму свернули и отправили кочевать по разным малоприспособленным помещениям. И только в связи с очевидным нарастанием нового вооруженного мирового конфликта в конце 1930-х годов Отечественная война 1812 г. и ее герои вновь оказались в фокусе внимания власти и общества. Заговорили о необходимости отреставрировать сильно пострадавшую за прошедшие годы картину Ф.А. Рубо. Это произведение искусства когда-то производило на посетителей столь сильное впечатление, что и через 20 лет после его исчезновения с культурной карты столицы оставалось немало людей, которые помнили панораму

«Бородино» и продолжали считать ее лучшим памятником подвигу русского солдата в 1812 г.

Великая Отечественная война и преодоление ее тяжелых последствий отодвинули осуществление этого плана на несколько лет. Наконец, 28 сентября 1948 г. Совет Министров СССР принял Постановление о восстановлении панорамы. Реставрация была поручена группе сотрудников Государственной центральной научно-реставрационной мастерской под руководством П.Д. Корина и Е.В. Кудрявцева (в нее вошли также художники С.Я. Бабкин, М.Ф. Иванов-Чуронов, М.Н. Махалов, К.А. Фёдоров). Работа была непростой, продолжалась более полутора лет. А после ее успешного окончания выяснилось, что здания для размещения картины не было. В результате отреставрированное полотно вновь свернули и положили на хранение в запасники ГМИИ им. А.С. Пушкина.

В преддверии 150-летнего юбилея войны 1812 г., в 1960 г. решение о строительстве для панорамы нового здания приняло Министерство культуры СССР. Известие об этом активная общественность страны восприняла с большим воодушевлением. В одной из центральных газет в те дни писали: «Глядя на полотно художника, мы будто слышим стоны, храп взмыленных коней, звонкие хлопки карабинов и пистолетов, рев канонады, приглушенные боем русские, польские, немецкие, французские слова команд, окриков, молитв. Лишь старожилы-москвичи помнят теперь уникальное творение выдающегося русского художника-баталиста Франца Алексеевича Рубо… И вот через пятьдесят лет после создания панорамы “Бородинская битва” начнет свою вторую жизнь…»[1]

За прошедшее десятилетие лежавшему в свернутом виде полотну потребовалась новая реставрация, которую также проводили в Государственной центральной научно-реставрационной мастерской. Некоторые художники группы, возглавляемые одним из старейших и опытнейших мастеров М.Ф. Ивановым-Чуроновым, имели за плечами ценный опыт реставрации после катаклизмов Второй мировой войны картин Дрезденской галереи (С.С. Чураков, Б.М. Шахов) и уцелевших фрагментов панорамы «Оборона Севастополя» (И.Ф. Есаулов).

В феврале 1961 г. началось строительство здания на Кутузовском проспекте (по проекту архитекторов А.Р. Корабельникова, С.И. Кучанова, А.А. Кузьмина и инженера Ю.Е. Аврутина, техническое оборудование панорамного зала разработано архитектором В.П. Петропавловским), а 18 октября 1962 г. уже состоялось торжественное открытие нового московского музея – Музея-панорамы «Бородинская битва».

1. Бассейн Ю. Панорама «Бородино» // «Известия». № 44. 20 февраля 1961 г.

По тем временам церемония открытия была очень пышной, участие в ней принимали министр культуры СССР Е.А. Фурцева, космонавты Ю.А. Гагарин, А.Г. Николаев, П.Р. Попович, многие военачальники, художники, литераторы и общественные деятели, а также реставраторы и строители здания. Перед гостями музея предстала обновленная панорама Ф.А. Рубо. А в двух соседних залах была развернута временная выставка, рассказывающая о других событиях войны 1812 г. и созданная на основе предметов, предоставленных музеями Москвы и Ленинграда. Сбылась давняя мечта москвичей о появлении в столице музея, посвященного Отечественной войне 1812 г.

С первых дней своего существования и до настоящего времени «Бородинская панорама» занимает особое место в числе столичных музеев, являясь, одновременно, музеем историко-художественным и военно-историческим. Безусловным центром экспозиции, музееобразующим экспонатом по-прежнему остается шедевр батального искусства, обладающий мировой известностью и уникальной историко-художественной ценностью, – панорама Ф.А. Рубо «Бородино». Выполняя просветительские задачи, панорама доставляет зрителю и высокое эстетическое удовольствие. Поэтому, вероятно, классическая панорама и в наши дни остается востребованной в современном мире, несмотря на растущее многообразие различных направлений в развитии художественной культуры. В настоящее время в мире демонстрируется более 60 произведений, называемых панорамами (четыре из них находятся в России). Они различны по тематике (пейзажи, баталии, работы на библейские сюжеты) и технике исполнения (живописные полотна, произведения, выполненные с использованием современных информационных технологий). Однако панорама «Бородино» признана вершиной панорамного искусства как русскими, так и зарубежными специалистами. В 1993 г. Музей-панорама «Бородинская битва» вошел в Международный совет панорам и много лет принимал участие в его мероприятиях (конференциях, выставках), которые проходят по всему миру. Правда, в последние годы эта традиция прервалась, но мы надеемся на ее возрождение в ближайшем будущем.

Первоначально предполагалось, что здание на Кутузовском проспекте будет использоваться исключительно для демонстрации панорамы «Бородино» и временных выставок, но уже летом 1962 г. коллекционеры, потомки участников войны 1812 г., стали приносить в музей предметы, связанные с этой эпохой. С тех пор собирательская работа Музея-панорамы активно развивалась, и к настоящему времени сформировалось значительное по объему и историко-культурной значимости собрание, включающее более 40 тыс. единиц хранения.

Среди музейных коллекций особое значение мы придаем коллекции живописных картин (всего – более 200), благодаря которой многие события Отечественной войны 1812 г. представлены в экспозиции Музея-панорамы

ярко и наглядно. Классикой российской исторической живописи стали такие работы, как «Подвиг солдат Раевского под Салтановкой» Н.С. Самокиша, «Дело казаков Платова под Миром 9 июля 1812 года» В.В. Мазуровского, «Преследование конногвардейцами французских конных егерей под Полоцком 6 августа 1812 года» Ф.А. Чирки, «Пожар Москвы» А.Ф. Смирнова и многие другие. Основой для создания выставок, посвященных эпохе 1812 г., в других музейных и культурных организациях как в столице, так и в различных регионах России часто становятся серии работ прославленных баталистов современности А.А. Аверьянова и А.С. Чагадаева.

Музей-панорама обладает ценным собранием портретов участников Отечественной войны 1812 г., среди которых особо стоит выделить портрет императора Александра I кисти хорошо известного в Европе немецкого портретиста и официального художника Российского Императорского двора Герхарда фон Кюгельхена и одно из последних прижизненных изображений Светлейшего князя М.И. Кутузова работы академика Императорской академии художеств Р.М. Волкова.

Оценить значение Бородинской баталии в истории войны 1812 г. нельзя без показа предметов оружия, обмундирования и снаряжения. В наших коллекциях хранятся уникальные «участники» боевых действий эпохи Отечественной войны 1812 г. – ружья и пистолеты, палаши и сабли, кирасы и кирасирские каски, гренадерские шапки Павловского полка, ботфорты, а также многие другие предметы вооружения и экипировки Российской Императорской армии и Великой армии Наполеона начала XIX в. Подлинные предметы получают в экспозиции «новое звучание», когда располагаются рядом с обмундированием и снаряжением различных родов войск обеих армий, воспроизведенными высококлассными мастерами-реконструкторами точно по образцам, из соответствующих материалов и строго с использованием технологий начала XIX столетия. Достоверно представленные внешний вид солдат и офицеров той далекой эпохи и их экипировка позволяют нам продемонстрировать бережно сохраненное реконструкторами культурное наследие нематериального характера (традиции и технологии).

Поскольку адекватно показать войну 1812 г. невозможно в отрыве от исторического контекста, музейная экспозиция включает и предметы, отражающие художественный стиль и мировоззрение эпохи классицизма – гипсовые и мраморные скульптуры, изделия из дерева, бронзы, фарфора, стекла, фаянса. Наибольшее внимание в этой группе экспонатов привлекают произведения популярного в начале XIX в. русского скульптора В.И. Демут-Малиновского «Русский Сцевола» и статуя «Наполеон-законодатель» работы известнейшего французского скульптора А.-Д. Шоде. Немалое значение имеют музейные коллекции нумизматики и фалеристики, графических работ и эстампа, оригинального рисунка, редкой книги, документов. Без преувели-

чения можно сказать, что коллекции, собранные в Музее-панораме за последние 50 лет, представляют собой гордость музейного фонда не только Москвы, но и всей России.

Фондовое собрание Музея-панорамы пополнялось так быстро, что уже в 1965 г. на его основе была создана первая постоянная экспозиция (авторы Р.С. Бобашинский и Б.Н. Соколов), которая рассказывала обо всех событиях Отечественной войны 1812 г. Только так можно было раскрыть значение Бородинского сражения и его влияние на исход всей военной кампании. Эта экспозиция просуществовала почти 30 лет, прежде чем была признана устаревшей и заменена. Новая экспозиция Музея-панорамы, открытая в 1995 г. (авторы концепции Н.В. Богомолова, И.С. Соловьева, Т.Д. Шувалова; художники Е.В. Богданов и С.Н. Черменский), сразу была признана одной из самых современных музейных экспозиций Москвы. Однако с течением времени и она устарела, и к 200-летию войны 1812 г. правительство Москвы приняло решение о полной замене экспозиции Музея-панорамы «Бородинская битва».

В основу новой концепции экспозиции был положен военно-антропологический подход, обозначенный как «Человек и Война». Авторы (Е.В. Сереброва, Л.Л. Ивченко, А.Л. Монахов, С.В. Львов, Л.В. Митрошенкова, Г.И. Герасимова) исходили из необходимости показать события, предметы и героев эпохи 1812 г. уже на основе современного научно-исторического осмысления, а также познакомить посетителей с воспоминаниями участников и свидетелей событий. «Погружению» в эпоху способствует специально разработанный художественный проект (авторы А. Рейнер и И. Райтман), включающий сложное колористическое решение вводного и заключительного залов, элементы классицизма в декоративном оформлении стен, пространственно-образные композиции, продуманную многофункциональную систему средств мультимедиа, профессионально выставленный свет и, конечно, современное музейное оборудование.

При сохранении прежних площадей экспозиция вместила вдвое больше экспонатов, чем прежде. Более 200 предметов приобретены специально для новой экспозиции на средства, выделенные Департаментом культуры города Москвы. Среди них особое место занимают, конечно, памятники эпохи 1812 г.

Начинается экспозиция уже в вестибюле, где глазам посетителей предстает панорама допожарной Москвы – объемно-пространственная композиция «Накануне 1812 года». В вестибюле расположен также вводный экспозиционный комплекс «Во славу Отечества Российского!», раскрывающий традиции сохранения памяти о героях Отечества, во все времена поддерживавшиеся в российском обществе. Поднявшись из вестибюля в вводный зал, посетители знакомятся с разделом экспозиции «Европа перед войной», посвященным событиям, предшествовавшим началу военных

действий в 1812 г. События начала войны раскрываются следующим разделом экспозиции – «От Немана до Смоленска». Об участниках войны 1812 г., полководцах, офицерах и солдатах Российской и Великой армий рассказывает раздел «Дети Марса». Особое место здесь отдано предметам, связанным с именем генерала от инфантерии Светлейшего князя главнокомандующего российскими войсками в 1812 г. Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова. Завершается осмотр вводного зала темой «Честь Бородинского дня». Посетители знакомятся с основным ходом военных действий на Бородинском поле, после чего поднимаются в панорамный зал. Перед 200-летним юбилеем события и 100-летием самой картины панораму вновь обновили и почистили. Кроме того, в панорамном зале установили мультимедийные киоски, где можно получить информацию обо всех исторических персонажах и частях войск, изображенных на панораме, и рассмотреть детали картины. Для посетителей с проблемами опорно-двигательного аппарата выделили помещение, которое мы называем «залом виртуальной реальности». Здесь, сидя на удобных стульях, можно увидеть панораму Ф.А. Рубо в 3D-формате и услышать подробный рассказ о ней, что хотя бы частично заменяет экскурсию по «живой» панораме.

После осмотра панорамы в заключительном зале глазам посетителей предстают прежде всего виды допожарной Москвы. Тема «Москва в 1812 году» раскрыта многими предметами, впервые представленными в экспозиции. Раздел «Тарутино» рассказывает о жизни солдат Российской армии в лагере, разбитом по приказанию Кутузова у села Тарутино, и о том, как наши войска готовились к изгнанию неприятеля. Особое место здесь занимают такие темы, как «Ополчение», «Рекруты», «Партизаны», «Партизанский бивак». Тема изгнания неприятеля раскрывается в одноименном разделе. Завершается рассказ о противоборстве с армией Наполеона темой «Освобожденная Европа», посвященной заграничным походам Российской армии в 1813–1814 гг.

Открытие новой экспозиции Музея к 200-летнему юбилею Отечественной войны весной 2012 г. вызвало повышенный интерес посетителей. В этот год Музей посетили 200 тыс. человек. Вообще среди гостей города, да и среди москвичей Музей приобрел большую популярность с первых дней своего существования. Старожилы помнят длинные очереди, постоянно стоявшие перед нашим зданием в 1960–1980-е годы. В те времена Музей-панорама принимал в среднем более миллиона посетителей в год. В 1990-е годы интерес к музеям в нашей стране резко упал, и в конце прошлого – начале нынешнего тысячелетия средняя посещаемость музея снизилась до 170–180 тыс. человек в год. Всего же за время существования Музея-панорамы его посетили почти 34 млн человек. И большинство этих людей, как мы могли убедиться, приходят в музей прежде всего, чтобы увидеть панораму

Ф.А. Рубо «Бородино». Но в то же время опыт убедил и в другом: без рассказа о том, что предшествовало и что последовало за Бородинской битвой в 1812 г., панорама не была бы понятна посетителям и, следовательно, не была бы так популярна.

Музей постоянно расширяет выставочную работу. Всего с 1962 г. было организовано более тысячи выставок, в том числе более 200 – выездных. Во время подготовки к празднованию юбилея войны в Музее-панораме и на других выставочных площадках с нашим участием состоялось более 50 крупных межмузейных выставочных проектов. Мы научились создавать виртуальные выставки на сайте музея (сейчас их уже более десяти). После юбилея эта работа ведется еще активнее и разнообразнее. В ближайших планах – выход на международный уровень, привлечение новых партнеров, реализация собственных выставочных проектов в различных регионах страны.

В Музее ведутся не только поиски новых способов, но и научные исследования. Среди сотрудников всегда было немало серьезных историков-исследователей и популяризаторов эпохи 1812 г. Многие из них ежегодно участвуют в научных и просветительных конференциях, публикуют свои работы в сборниках научных трудов, в центральных и региональных периодических изданиях. С 1998 г. научные конференции, посвященные событиям, героям и памятникам эпохи Наполеоновских войн, ежегодно проводятся в Музее-панораме. Конференции собирают представителей музеев, архивов, библиотек, академических институтов из Москвы, регионов России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

Издательская программа Музея-панорамы до 2012 г. была довольно широка: мы выпускали путеводители, альбомы, сборники документов, каталоги, популярные и научно-популярные книги для детей и взрослых (всего с 1962 г. вышло в свет более 70 изданий). Результаты нашей издательской деятельности в 2013 г. были отмечены особой престижной премией по культуре и искусству Центрального федерального округа в номинации «За просветительскую деятельность в сфере культуры». В «послеюбилейные» годы издательская деятельность в музее по финансовым соображениям была свернута. Но ресурсы для ее развития все еще есть, и мы надеемся дождаться «своего часа».

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

Т.Я. Четвернина, А.В. Четвернина

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА: ОБЗОР НОВЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Четвернина Татьяна Яковлевна – доктор экономических наук, НИУ Высшая школа экономики.

Четвернина Александра Владимировна – научный сотрудник ИНИОН РАН.

За последние несколько лет миграционная политика многих государств заметно изменилась. Ранее международная миграция рассматривалась развитыми странами как временное явление, не имеющее значимых политических последствий и не несущее угроз для национальной безопасности. Ныне миграционная ситуация в мире кардинально изменилась. Ее основными признаками стали усиление социально-политических противоречий, возрастающая глобальная нестабильность, неконтролируемые и плохо управляемые потоки вынужденной миграции, обострение проблем национальной и международной безопасности. Это неизбежно повлекло за собой изменение форм и методов регулирования миграционных процессов на внутригосударственном и международном уровнях. В первую очередь изменения затронули нормативно-правовую базу – национальное миграционное законодательство, нормативные акты, формирующие систему отбора мигрантов.

В последние десятилетия развитые страны рассматривали прием иммигрантов в качестве долгосрочного решения многих проблем. Например, проблем низкой рождаемости и старения населения. Иммиграция рассматривалась и как благоприятная возможность пополнить население страны трудоспособной рабочей силой. Однако заметное увеличение доли иммигрантов стало вызывать в общественном сознании опасения, связанные с сохранением отлаженной системы социального обеспечения, усилением конкуренции на рынке труда, «размыванием» национальной культуры, угрозой национальной безопасности.

Призывы к ужесточению иммиграционной политики стали сегодня повсеместными в развитых странах Европы. Недавний кризис, вызванный наплывом беженцев, спровоцировал новую, беспрецедентную по накалу, волну общественной и политической полемики. Однако у исследователей нет однозначного ответа на вопрос, смогут ли подобные ужесточения снизить приток иммигрантов в целом и беженцев в частности. Одни исследователи считают, что более жесткие меры контроля лишь толкают потенциальных переселенцев искать обходные пути для въезда в страны Европы, другие утверждают, что иммиграционная политика европейских государств в целом эффективна, а ужесточение контроля способно ограничить непрестанно увеличивающийся поток желающих переселиться в Европу. Некоторые эмпирические исследования даже устанавливают прямую взаимосвязь между вводом новых ограничительных мер и непосредственным сокращением заявок на статус беженца. Неясно лишь, не связано ли снижение количества заявок на статус беженца с уходом мигрантов «в тень».

В работе Матиаса Чайки (Великобритания) и М. Хоболта (Дания) анализируются данные иммиграционного притока в 29 стран Европы из более чем 200 стран мира на протяжении 2008–2011 гг. [1]. Согласно гипотезе авторов, увеличение нелегальной миграции является следствием естественной адаптации мигрантов к ужесточению государственной иммиграционной политики. Иными словами, многие беженцы, столкнувшиеся с невозможностью легализовать свой статус, принимают решение остаться в нелегальном статусе. Для оценки уровня нелегальной миграции авторы используют статистику задержаний в странах Европы из-за нарушений регистрационных документов. Подобные данные, доступные лишь с 2008 г., значительно различаются по странам и зависят от потенциала европейских государств в борьбе с нелегальной миграцией (интенсивности работы полиции по выявлению и пресечению нарушений миграционного режима, а также от численности полиции в странах Европы).

Результаты исследования показывают, что увеличение числа отказов в выдаче статуса беженца или въездной визы на 10% соответствует увеличению числа задержанных за нарушение визового режима на 3–4%. При этом наблюдается различие, связанное с местом задержания нелегальных мигрантов, – на территории страны или на границе. Так, увеличение отказов в предоставлении статуса беженца увеличивают численность задержаний на территории страны. Напротив, учащение отказов в выдаче виз приводит к значительному увеличению задержаний на границе. Таким образом, ужесточение визового режима приводит к увеличению числа попыток нелегального пересечения границ, в то время как ужесточение требований к получению статуса беженца приводит к росту числа мигрантов, решающих остаться нелегально на территории отказавшим им в убежище стран. Иссле-

дование выявило еще одну закономерность: общий миграционный контингент (migrant stock) в стране прибытия положительно связан с распространенностью нелегальной миграции [1].

Общий вывод авторов состоит в том, что ужесточение иммиграционной политики увеличивает распространенность нелегального пребывания мигрантов в странах Европы, как бы выталкивая их из правового поля. Этот побочный эффект иммиграционной политики практически не упоминается в современных общественно-политических дискуссиях, хотя он заслуживает пристального внимания не только исследователей, но также политиков и законодателей. В общем постоянное ужесточение мер иммиграционной политики в странах Европы можно считать менее успешными, чем принято думать.

Ф. Уйффинг, Ф. Роув и К. Мюльдер исследуют взаимосвязь между государственной иммиграционной политикой и отношением общества к иммиграции [2] на примере двух стран – Германии и Австралии. Этот выбор для сравнения не был случайным. В Австралии после Второй мировой войны сформировалось понимание необходимости иммиграционной политики, направленной на увеличение численности населения страны и обеспечение стабильного экономического роста. С этой целью была разработана система отбора иммигрантов, которая ориентировалась на привлечение наиболее образованных переселенцев, вне зависимости от страны происхождения, и на содействие их скорейшей адаптации. Германии же, напротив, не удалось сформировать единую концепцию иммиграционной политики, несмотря на колоссальный приток иммигрантов.

На примере этих двух стран проверялась гипотеза, согласно которой общественное мнение по отношению к иммигрантам в той или иной степени отражает официальную государственную иммиграционную политику. Авторы стремились показать, в какой степени она может влиять на общественное восприятие иммиграции.

Результаты их анализа в целом подтвердили исходную гипотезу, выявив существенные различия в отношении населения Австралии и Германии к иммиграции. Наибольшее расхождение общественного мнения между странами было выявлено в оценках влияния иммиграции на развитие национальной экономики: более 70% респондентов Австралии отметили ее позитивное воздействие, в Германии их доля составила лишь 26%. Следует отметить два интересных результата проведенного исследования. Во-первых, позитивная оценка влияния иммиграции на культуру страны: 75% респондентов в Австралии и 54% – в Германии. Во-вторых, резко отрицательное отношение респондентов в обеих странах к дальнейшему увеличению притока иммигрантов. Дальнейший рост иммиграции поддержали только 23% респондентов в Австралии и 5% – в Германии.

Исследования последнего десятилетия доказывают наличие факторов, усиливающих миграцию населения как на международном, так и на внутристрановом уровнях. К таким факторам прежде всего относятся глобализация, стремительные изменения демографической ситуации, политические конфликты, а также трансформация социальных институтов. Причины, побуждающие людей к смене места жительства, принято делить на две категории: притягивающие и выталкивающие. К «притягивающим факторам» принимающей территории относят высокие доходы населения, лучшие условия жизни, наличие диаспор и социальных сетей; к «выталкивающим факторам» – безработицу, низкие заработки, слабость социальных институтов.

Вместе с тем исследователи отмечают и другие факторы миграции. Так, Аруши Курэй (Малайзия) и Фридрих Шнайдер (Австрия) выделяют в качестве «выталкивающего» фактора уровень коррупции в стране исхода. Исследование построено на анализе данных о переселении людей совершенно разного происхождения в 20 развитых странах ОЭСР [4].

Распространенность коррупции ухудшает условия труда и жизни большей части населения, мотивируя многих к радикальной смене этих условий. Наиболее подвержены желанию уехать из коррумпированной страны высокообразованные работники. Высокий уровень коррупции разрушает здоровую конкуренцию на всех уровнях развития карьеры, что болезненно отражается именно на самых образованных, так как они получили бы наибольшие дивиденды в условиях честной конкуренции. Обесценивая инвестиции в человеческий капитал, коррупция побуждает представителей образованных слоев населения уезжать в развитые страны, которые предъявляют все более жесткие требования к иммигрантам.

Авторы показывают, что с ростом уровня коррупции наиболее образованные работники демонстрируют неизменно бóльшую склонность покинуть страну, чем работники с низким и средним уровнем образования. Среди последних эмиграция усиливается только до определенного уровня роста коррупции, а затем снижается. Вероятно, высокий уровень коррупции и неравенства резко сокращает возможности для эмиграции менее образованных граждан. Таким образом, подтверждаются многочисленные ранние свидетельства о наличии так называемой «ловушки бедности», удерживающей представителей наиболее неблагополучных слоев общества от закономерного желания эмигрировать. Одновременно с этим ограничения в иммиграционной политике развитых стран отсеивают менее образованных претендентов. В исследовании сделан вывод, что развивающимся странам надо уделять пристальное внимание борьбе с коррупцией, если они не желают терять наиболее образованную часть своего населения.

Матиас Чайка и Хайн де Хаас дают обзор различных взглядов на эффективную миграционную политику [3]. Отмечается, что, по мнению последова-

тельных скептиков, международные потоки миграции вызваны преимущественно структурными экономическими проблемами в странах исхода – безработицей, неравенством в доходах, политической нестабильностью. На эти факторы иммиграционная политика стран-реципиентов не влияет. В результате ее ужесточения лишь видоизменяются способы, которыми пользуются мигранты, чтобы переехать в более благополучные государства. Так, в большинстве развитых стран стабильно увеличивается доля семейной миграции; при достижении определенного порога миграционный поток становится устойчивым и начинает подпитывать сам себя за счет социальных связей. К тому же развитые государства ограничены в использовании по отношению к иммигрантам чрезмерно жестких мер, поскольку связаны обязательствами по соблюдению прав человека, которые принимались в период относительно скромных масштабов миграции.

Другие исследователи утверждают, что в целом меры жесткой иммиграционной политики работают вполне эффективно, значительно сокращая и фильтруя иммиграционные потоки. При отсутствии таких регулирующих механизмов масштаб проблем был бы значительно больше. Так, введение ужесточенных визовых требований и контроля на границах резко снизило долю бедных иммигрантов. Ряд авторов, исследующих международную миграцию, показывает, что иммигранты все больше превращаются в элитарную категорию в сравнении со средним уровнем бывших сограждан.

Одну из причин расхождения в оценках М. Чайка и Х. де Хаас видят в том, что одними и теми же терминами обозначаются различные явления, т.е. отсутствует единообразная трактовка сути иммиграционной политики и ее эффективности. Так, в понятие «иммиграционная политика» отдельные исследователи включают и публичную дискуссию, и законодательные меры, существующие лишь на бумаге, и меры, реализуемые на практике. М. Чайка и Х. де Хаас предлагают строго разграничивать публичные дискуссии и меры «на бумаге» (discursive gap); декларативные нормативные документы и их реальное претворение в жизнь (implementation gap); наконец, собственно эффективность воплощаемых мер (efficiency gap). Смешения понятий можно избежать, если при постановке задачи исследования будет четко указано, какой из указанных проблем оно посвящено. Вторая причина расхождений связана с различиями во временной экспозиции исследования: в некоторых работах рассматриваются краткосрочные эффекты от применения конкретных мер, в других – долгосрочные и глобальные эффекты. Неудивительно, что исследователи приходят к различным выводам.

Статья Элеоноры Моррис (США) посвящена проблемам воссоединения семей и влиянию интеграционной политики Европейского союза на положение женщин [5].

Современные миграционные программы в Европе принимались в ответ на массовый приток иностранных рабочих во второй половине XX в. Подавляющее большинство их были мужчинами, ищущими работу, чтобы прокормить семью в собственной стране. Поэтому миграционные программы изначально ориентировались на мужчин-мигрантов, решали их проблемы и учитывали их потребности. Этим же стандартом руководствовались и научные исследования, также фокусировавшие внимание практически исключительно на мужчинах. Однако со временем появилось понимание миграции как более сложного процесса, в котором игнорирование гендерных различий приводит к серьезному искажению реальности. Во многих исследованиях и ранее было показано, что при схожих мотивах миграции женщины испытывают отличные от мужчин трудности при адаптации к новой среде. Главные их проблемы – существенно меньшее разнообразие доступных видов деятельности при значительно более низкой оплате труда. Рынок труда для женщин-мигрантов, как правило, ограничен низкоквалифицированными позициями, преимущественно в частном секторе. Это означает повышенный риск непостоянного заработка и отсутствие государственных и социальных обязательств. Постепенно научное сообщество перешло от изучения «феминизации миграции» к исследованию «гендерных аспектов миграции».

По мнению Э. Морис, игнорирование гендерных вопросов при формировании миграционной политики усложняет адаптацию мигрантов. В конечном счете это сказывается не только на самих женщинах-мигрантах, но и на их семьях. В отличие от мужчин женщины-мигранты сосредоточены на проблемах семьи и воспитания детей, мужчины-мигранты – на экономических проблемах. Миграционные меры, ориентированные только на нужды мужчин, не решают наиболее насущных вопросов женщин-мигрантов.

Специфическая проблема женщин, приезжающих в Европу по программам воссоединения семей, состоит в том, что их по умолчанию воспринимают как неквалифицированных работников, вне зависимости от реальных профессиональных навыков и образования. Отчасти причина таких стереотипов исторически действительно связана с бóльшим количеством женщин-мигрантов на низкоквалифицированных работах. Однако тенденция последних лет – стремительный рост доли высококвалифицированной женской миграции. Тем не менее эта уже относительно устоявшаяся тенденция пока не в состоянии переломить многолетних стереотипов.

В последние два десятилетия научное сообщество осознало важность гендерных аспектов миграции. К этому же осознанию постепенно приходят и негосударственные организации, имеющие возможность формировать общественное мнение и лоббировать изменения в миграционном законодательстве. Однако этот важный сдвиг происходит достаточно медленно,

и в ближайшее время нет оснований ожидать реального улучшения перспектив для женщин-мигрантов.

Литература

1. Czaika M., Hobolth M. (2016). Do restrictive asylum and visa policies increase irregular migration into Europe? // European Union Politics, 17 (3), p. 345–365. – https://doi.org/10.1177/1465116516633299

2. Ueffing P., Rowe F., Mulder C.H. (2015). Differences in Attitudes towards Immigration between Australia and Germany: The Role of Immigration Policy // Comparative Population Studies, 40 (4). Retrieved from http://www.comparativepopulationstudies.de/index.php/CPoS/article/view/181

3. Czaika M., De Haas H. The Effectiveness of Immigration Policies // Population and Development Review, 2013, 39 (3), p. 487–508. – http://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2013.00613.x

4. Cooray A., Schneider F. (2015). Does corruption promote emigration? An empirical examination // Journal of Population Economics, 29 (1), p. 293–310. – http://doi.org/10.1007/s00148-015-0563-y

5. Morris E. (2015). Family Reunification and Integration Policy in the EU: Where Are the Women? // Journal of International Migration and Integration, 16 (3), p. 639–660. – http://doi.org/10.1007/s12134-014-0363-3

МакАллистер Я., Уайт Ст.*

ЛУКАШЕНКО И ЕГО ИЗБИРАТЕЛИ

MCALLISTER IAN, WHITE ST. Lukashenko and His Voters // East European Politics and Societies and Cultures. – Sage Publishing, California. – 2016. – N 2. – P. 360–380.

Зарубежные ученые по-разному толкуют причины внушительной поддержки, которую оказывают избиратели Александру Лукашенко, начиная с его первых президентских выборов в 1994 г. Опросы общественного мнения, проведенные авторами статьи после президентских выборов 2006 и 2011 гг., показали наличие связи между социальным составом населения, его отношением к экономическим мерам правительства, их эффективностью, с одной стороны, и электоральной поддержкой – с другой. Но эта связь не носит устойчивого характера. Одобрение избирателями личности Лукашенко является определяющим фактором его успеха на выборах.

По мнению авторов, А. Лукашенко – не только один из самых длительно находящихся у власти политических лидеров в мире, но и один из самых загадочных. Отчасти это связано с ограниченными возможностями белорусских СМИ и весьма немногочисленными фактами «разоблачений» со стороны представителей иностранных государств, что является следствием его редких выездов за рубеж.

Для политологов природа лидерства Лукашенко остается загадочной. По мнению исследователей *Freedom House*[1], Белоруссия в 2014 г. была «не свободной», оценки политических прав и гражданских свобод ставили ее вровень с самыми репрессивными режимами мира, ниже Афганистана и чуть выше Северной Кореи и Узбекистана; согласно результатам проекта *Nations in Transit*[2], это был «упрочившийся авторитарный режим». Ученые, работавшие над другим исследовательским проек-

** Ян МакАллистер – профессор политологии Австралийского национального университета.*

Стефен Уайт – профессор политологии Университета Глазго.

1. Независимая американская организация, анализирующая политические режимы и степень свободы в разных странах. – https://freedomhouse.org/about-us

2. Исследовательский проект Freedom House, анализирующий уровень демократии в 29 бывших коммунистических странах от Центральной Европы до Средней Азии. – https://freedomhouse.org/report-types/nations-transit

том, – *Polity IV*[3] – назвали режим в Белоруссии «конституционным самодержавием», а Лукашенко «фактически системно объединил всю политическую власть в своих руках». Оппозиция имеет право на существование, но она ограничена «устрашением и принуждением со стороны правительства, государственным контролем СМИ, широко распространенным патронажем по отношению к тем, кто поддерживает Лукашенко, и фракционными расколами внутри самого оппозиционного движения» [с. 361]. Вместе с тем все исследователи придерживались мнения, что действующий белорусский президент скорее всего выиграет президентские выборы 2016 г., поскольку пользуется «широкой народной поддержкой».

Авторитарное лидерство, которое опирается на общественный консенсус, породило вопросы о происхождении самого этого консенсуса. Одни исследователи придают значение личным качествам Лукашенко. Другие обращают внимание на «белорусскую модель», в которой сохранились многие социальные гарантии советского периода, включая полную занятость и доступное жилье. Даже экономические трудности, которые привели к скачку валюты в 2011 г., в долгосрочной перспективе не повредили успеху власти. Согласие между режимом и обществом сохранилось.

Индекс развития человеческого потенциала ООН (учитывает совокупно продолжительность жизни, ВВП на душу населения и образование) поставил Белоруссию на первое место среди стран СНГ в 2014 г. (53-е из 187), непосредственно перед Россией (57-е) и намного выше Украины (83-е) и других постсоветских республик.

Какие социальные группы поддерживают Лукашенко? Распространялась ли эта поддержка равномерно в обществе, как в случае с Владимиром Путиным в России? Или она была сконцентрирована среди определенных групп, таких как пожилые избиратели (ностальгирующие по советскому прошлому и более зависящие от государственных дотаций), или сельские избиратели, которые положительно реагировали на стиль лидерства, напоминавший им руководство директора совхоза. (Эту должность Лукашенко занимал в ранний период своей карьеры.) Действительно, были ли социально-структурные факторы этого рода основным объяснением, а лидерские качества и государственная деятельность – несущественными? Отвечая на эти вопросы, авторы опираются в основном на данные опросов, проведенных после выборов в 2006 и 2011 гг.

По Конституции 1994 г. Президент является «главой государства [и] гарантом Конституции Республики Беларусь [и] прав и свобод личности и гражданина» (ст. 79). Его полномочия чрезвычайно об-

3. Исследовательский проект, анализирующий политические режимы и их трансформации. – http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm

ширны, включая исключительное право назначать премьер-министра, отклонять законопроекты, возглавлять Вооруженные силы и представлять государство на международном уровне. Президенту может быть объявлен импичмент на основании его болезни или преступления против государства, но со значительными дополнительные условиями, затрудняющими его (ст. 88). Такие далеко идущие полномочия сильно напоминают те, которыми наделен Президент России, но превосходят их в некоторых аспектах (таких, как право приостанавливать забастовки на срок до трех месяцев: ст. 84:23).

Кандидаты на выборы Президента Белоруссии номинируются на основании как минимум 1 тыс. подписей зарегистрированных избирателей (ст. 81); выборы считаются действительными, если в них приняли участие больше половины избирателей, и побеждает тот кандидат, который получает больше половины голосов (ст. 82). Во время первых выборов в 1994 г. было два раунда голосования, и Лукашенко получил более 80% во втором раунде, решив исход гонки против тогдашнего премьер-министра, Вячеслава Кебича. С тех пор во время президентских выборов все решалось в первом туре и примерно с таким же решающим большинством.

Если сравнить первый тур трех выборов с их конечным результатом, получим следующую картину:

Таблица 1

ПРОЦЕНТ ГОЛОСОВ, ОТДАННЫХ ЗА ЛУКАШЕНКО

Годы	*Голоса в первом туре (в %)*	*Итого (в %)*
1994	44,8	79
2001	75,6	83,9
2006	82,6	92,6
2010	79,7	90,7

Таким образом, перевес Лукашенко на всех последующих выборах был еще более убедительным. Власть самого президента неуклонно расширялась на протяжении всего этого периода. Референдум 1995 г. разрешил президенту приостанавливать деятельность парламента, если он сочтет, что тот действовал неконституционно. Другой референдум – 1996 г. – еще больше расширил президентские полномочия, включая право распускать парламент, аннулировать решения правительства, назначать членов верхней палаты и Конституционного суда, что едва ли согласуется с принципом разделения властей. Следующий референдум – 2004 г. – снял требование, согласно которому президент не может находиться в должности больше двух последовательных сроков, позво-

лив Лукашенко по своему желанию занимать этот пост до бесконечности.

По оценке авторов, государственное устройство Белоруссии после 1996 г. точнее всего можно описать как «супер-президентское». Наиболее тщательное на данный момент исследование, которое было проведено на территории постсоветских республик, основанное на средневзвешенной версии Индекса политической власти М. Шугарта и Дж. Кэрри[4], обнаружило слабость президентской власти в прибалтийских республиках и Молдавии, которые ушли от полупрезидентской к парламентской системе в 2000 г. В Украине и Грузии власть президента оценивалась как «умеренная», это же относится к Киргизии и Таджикистану, хотя в их конституциях опущены соответствующие положения. Другие страны, в том числе Белоруссия, были классифицированы как «супер-президентские» из-за «громадной концентрации власти в руках президента», включая «практически бесконтрольную исполнительную власть» [с. 363]. Белоруссия в этом перечне оказалась второй, уступив только Туркмении.

Лукашенко закрыл единственную в стране независимую радиостанцию, ограничил уличные акции протеста, использовал референдум 1996 г., чтобы заменить существующий парламент полностью подчиненной ему Палатой представителей. К середине 2000-х годов, после снятия ограничений на пребывание в должности президента, режим можно квалифицировать как «руководящий». Это означает, что политическая оппозиция была «фактически подавлена» и осталась без какого-либо представительства в белорусском парламенте. В отличие от Украины, в Белоруссии не было полуавтономной бизнес-элиты, которая могла бы финансировать альтернативный политический проект. Важно, что Россия обеспечивала Белоруссии экономическую и дипломатическую поддержку, которая препятствовала западному давлению.

Белорусская система того периода может рассматриваться как пример авторитаризма, который допускает конкуренцию и изредка победу оппозиции, злоупотребления власти, доминирующую роль государства, «нечестный доступ к СМИ» и т.д. Некоторые из подобных стран стали демократичнее (например, Мексика и Словакия), но Белоруссия и Россия стали более авторитарными. Авторы определяют белорусский режим как «авторитаризм с выборами», «форму самодержавия»; некоторые обозначают его как «президентскую монархию» [с. 364].

Данные опроса, собранные во время переизбрания Лукашенко в 2001 г., показали, что меньше других его поддерживали предприниматели (4% опрошенных), больше всех – пенсионеры (62) – значительная сила на выборах, так как они представляли собой более

4. Позволяет оценить объем законодательных полномочий президента.

35% электората. Значительную поддержку оказали работники совхозов (48%) – влиятельная избирательная сила в обществе, где 31% населения проживал в сельской местности. Другие опросы, проведенные в ранние годы его второго президентского срока, выявили, что голосовавшие за Лукашенко чаще встречались среди лиц старше 60 лет, с низким уровнем образования, живущие в небольших городах и деревнях. Его основных избирателей можно охарактеризовать как социально уязвимых – т.е. тех, кто нуждается в поддержке государства, и смотрит на таких политиков типа Лукашенко как на своих защитников [с. 364].

Избиратели Лукашенко распределись неравномерно и по территории страны. Восток, включая Витебскую область, где Лукашенко родился, и Могилевскую область, в которой он работал директором совхоза, поддерживал его больше всех; Могилевская область обеспечила наибольшую долю голосов за Лукашенко на двух из четырех президентских выборах в период между 1994 и 2010 гг., а Гомель – на двух других. Наименьшей поддержкой он пользовался в Минске. Но по мере упрочения власти Лукашенко явное неравенство исчезало и «больше не наблюдалось значительного раскола по линии восток–запад». По мнению экспертов из Независимого института социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ)[5], важнее был демографический критерий. Проявились заметные различия между поддержкой в городе и на селе (в селах Лукашенко пользовался намного большей поддержкой), между поколениями (ярко выраженной была поддержка среди пенсионеров), между полами (женщины намного охотнее голосовали за Лукашенко, чем мужчины). Прослеживалась и связь с различиями в уровне образования: наиболее выраженной была поддержка избирателей с начальным образованием.

Между тем подобные толкования небезоговорочны. Другие исследователи, используя более точные статистические методы, пришли к иным заключениям. Выяснилось, что поддерживавшие Лукашенко не были пожилыми или менее образованными, чем остальные, и не жили, вероятно, в селах [с. 365]. Хотя пожилые больше поддерживали существующий режим, но не возраст создавал различия, а другие связанные с ним факторы. Аналогичным образом обстоит дело с критерием образования: при всех прочих равных условиях, «более образованные люди были настроены позитивнее по отношению к режиму, чем лица с более низким уровнем образования». Сопоставляя все переменные, авторы выяснили, что позитивное отношение к коммунистическому периоду имело неко-

5. Белорусский негосударственный исследовательский центр. – http://www.iiseps. org/?page_id=16

торое значение, но позитивная оценка нынешнего режима была «в основном вызвана современной экономической ситуацией в стране».

Прихожане (посещающие церковь минимум один раз в месяц) охотно голосовали за Лукашенко в 2011 г., но не в 2006.

Обнаружилась связь между улучшением материального положения семьи респондента и голосованием за Лукашенко, хотя статистически и она менее значима. Более охотно голосовали за Лукашенко те, кто считал, что уровень коррупции среди должностных лиц невысок, а коррупция уменьшилась по сравнению с советским периодом.

Авторы проверили связь между голосованием за Лукашенко и тезисом, что «сильный лидер может дать стране больше, чем любые законы». Те, для кого роль лидера приоритетна, отдавали голоса за Лукашенко. Однако личное отношение к Лукашенко со стороны электората влияет на результаты больше, чем просто признание сильного лидера, положительная оценка правительства или социальные характеристики респондента.

Итак, победа Лукашенко не зависит полностью от его экономической деятельности. Голосование за него намного теснее связано с личным одобрением его фигуры, чем с одобрением государственной деятельности, верой в сильного лидера или с социальными характеристиками респондента. Но белорусский президент не без оснований мог утверждать, что он помог своей стране преодолеть испытание международным финансовым кризисом 2008–2009 гг., а к 2013 г. стабильность была восстановлена.

Наблюдатели, конечно, очень скептически относились к качеству белорусских выборов. В отчете ОБСЕ о президентских выборах 2010 г. утверждалось, что страна проделала «значительный путь навстречу обязательствам ОБСЕ по демократическим выборам», но недоставало независимости и беспристрастности со стороны избирательных комиссий и были наложены ограничения на медиасреду. Недоставало также прозрачности на ключевых стадиях избирательного процесса, а подсчет голосов «оставлял желать лучшего в почти половине проверенных избирательных участков» [с. 373]. Выборы сопровождались массовой демонстрацией, которая была жестоко подавлена, а тюремные заключения устранили с политической арены большую часть потенциальных соперников Лукашенко.

Сами белорусы, судя по данным опросов, не были столь критичны. Примерно половина респондентов (51%) сочли, что выборы дали «возможность людям влиять на управление страной», это немного больше того количества, которое приняло эту точку зрения в России и на Украине (около 47% в обоих случаях). Сравнимое число избирателей считали, что выборы могут «определенно или скорее всего изменить ход событий в стране» (58% придерживались этой точки зрения в Белоруссии, 52 – в России и 59%

на Украине). Две трети (65%) полагали, что президентские выборы были «в значительной степени» или «полностью честными» в отношении подготовки избирательных бюллетеней и подсчета голосов (это существенно больше, чем 52% придерживающихся такой точки зрения в России, и 48% – на Украине). 56% белорусских респондентов сочли, что президентские выборы были проведены «честно и справедливо»; это был намного более позитивный вывод, чем на Украине (где лишь 35% придерживались такой оценки) или в России (31%).

По этим же данным, белорусы были больше удовлетворены собственной жизнью и устройством страны, чем жители Украины или России; больше удовлетворены «уровнем демократии», чем население Украины или России. Соответственно, в 2 и 3 раза большая доля граждан Белоруссии верили, что права человека в их стране уважаются. Они более склонны доверять своим гражданским институтам – правительству, судам, политическим партиям и бизнес-объединениям, полиции и армии, СМИ и местным советам.

По мнению авторов, одна из определяющих черт авторитарного режима – манипулирование потоками информации внутри государства и за его пределами. В Белоруссии государственное телевидение всегда было продолжением самого режима, а независимые СМИ были поставлены в трудные обстоятельства. Но с развитием электронных СМИ у власти меньше возможностей для контроля над потоками информации. Белорусы имеют доступ к российскому и украинскому телевидению, напрямую или через Интернет, и к западным каналам через спутники, Космос-ТВ и Евроньюс. Они могут ездить за границу непосредственно наблюдать западную политическую практику. По данным опроса, 36% белорусов посещали хотя бы одну из прибалтийских республик (в России – только 18% жителей, на Украине – 14%). В 2014 г. белорусам было выдано почти 1 млн Шенгенских виз, позволяющих без ограничений путешествовать по странам Евросоюза – больше на душу населения, чем в любой другой стране мира. Поэтому маловероятно, что лидирующие позиции Лукашенко на протяжении нескольких выборов определялись его способностью контролировать потоки людей и политических идей.

Существуют некоторые признаки того, что авторитарный, но пользующийся широкой поддержкой президент ищет способы расширить свой политический базис, реформируя политические институты. Так, в своем президентском обращении Лукашенко настаивал, что чиновники должны чаще встречаться с обычными людьми на рабочих местах: «Люди должны видеть нас!» В его обращении 2012 г. сделан акцент на «дальнейшем развитии политической системы» и создании «нормальной цивилизованной партийной системы», которая будет играть боль-

шую роль в избирательном процессе. В его обращении 2015 г. к Национальному законодательному собранию также подчеркивается важность прямых еженедельных контактов с людьми, а выборным органам всех уровней предложено прилагать все усилия, чтобы полнее представлять весь спектр общественного мнения [с. 376].

По общему мнению, если бы «последний диктатор Европы» вступил в подлинное политическое состязание, то все равно выиграл бы его. Очевидно, что способность влиять на правительство (которая в Белоруссии выражена сильнее, чем в России или на Украине) требует не обязательного наличия конкурентных выборов. В относительно небольшой и сплоченной стране, с унитарной системой правления им проще найти альтернативу, чем в крупных Федерациях. В Белоруссии авторитарные методы политики послужили сдерживанию олигархических сил, которые в других постсоветских республиках вытеснили обычных граждан из политического процесса.

Дырина А.Ф.

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА SUMMARIES

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА
Summaries

И.Г. Минервин. Живучи на Руси социокультурные стереотипы (Читая историю страны)

I.G. Minervin. On the Persistence of Socio-cultural Stereotypes in Russia (Reading the History of the Country)

Ключевые слова: устойчивость социокультурных характеристик, культурный код, общество и управление, экономическая история России.

Keywords: persistence of sociocultural stereotypes of social behavior, cultural code, society and governance, economic history of Russia.

В статье описываются негативные социокультурные стереотипы – неприятие изменений, тенденция к централизации власти, отсутствие системного подхода в управлении, неэффективная бюрократия, незрелое отношение к свободе и демократии. Преодоление необходимо для стимулирования предпринимательского потенциала и создания условий для социально-экономического развития страны.

Describing some negative sociocultural stereotypes such as aversion to change, tendencies to power centralization, lack of systematic approach to governance, ineffective bureaucracy, immature attitude towards freedom and democracy, the author argues that the society should overcome these traits in order to be able to encourage creative entrepreneurial forces and produce opportunities for socioeconomic progress.

С.Ю. Барсукова. Новый российский капитализм: Институционализация коррупции

S.Yu. Barsukova. The New Russian Capitalism: Institutionalization of Corruption

Ключевые слова: коррупция, олигархический капитализм, государственно-корпоративный капитализм, централизация и институционализация коррупции.

Keywords: corruption, oligarchic capitalism, state-corporate capitalism, centralization and institutionalization of corruption.

В статье, написанной на основе полуформализованных интервью с предпринимателями, рассматриваются изменения в характере российской коррупции, связанные со сменой модели капитализма: в ходе трансформации произошел переход от олигархического к государственно-корпоративному капитализму, где государство доминирует в диалоге с бизнесом. Это привело к изменению не только масштаба, но и сути коррупционных отношений.

Based on semi-formalized interviews with businessmen, the article analyzes the changes in the nature of Russian corruption caused by transformation of the dominant model of capitalism, i.e. transition from oligarchic to state-corporate capitalism, which has changed not only the scale but also the essence of corruption in the country.

Е.А. Лукьянова. Об итогах парламентских выборов в России: Участь победителей

E.A. Lukyanova. On the Results of Parliamentary Elections in Russia: The Fate of the Winners

Ключевые слова: недостоверность итогов выборов, общие и парламентские риски, снижение доверия к парламенту, снижение качества законов и управленческих решений.

Keywords: questionable character of the election results, general and parliamentary risks, declining trust to the parliament, deterioration in the quality of laws and governing decisions.

В статье объясняется, почему итоги последних выборов в Думу невозможно считать полностью достоверными; какие риски в результате этого возникают для самого парламента и в конечном счете – для государства.

The article explains why the results of the recent elections to the Duma might be not quite trustworthy and what are the resulting risks for the parliament itself and ultimately for the state.

А.К. Соловьёв. Старение населения России как фактор бюджетного кризиса
A.K. Solovyov. The Ageing of Russian Population as a Factor of Budget Crisis

Ключевые слова: макроэкономические параметры, пенсионный возраст, стратегическое планирование, долгосрочное прогнозирование, актуарные расчеты, продолжительность жизни, демографическая стратегия, страховая пенсия, бюджетный кризис, бюджетные трансферты.

Keywords: macroeconomic parameters, retirement age, strategic planning, long-term forecasting, actuarial calculations, life expectancy, demographic strategy, insurance pension, budgetary crisis, budgetary transfers.

Автор показывает, что уровень пенсионного возраста в стране существенным образом зависит от факторов, «внешних» по отношению к пенсионной системе, в частности от демографических характеристик населения. Помимо этого, на пенсионные обязательства государства влияют макроэкономика и уровень развития рынка труда.

The author argues that the level of the retirement age in the country depends on the factors that lie outside of the pension system, in particular on demographic characteristics of population. Besides, macroeconomic system and the labour market exert strong influence on the pension obligations of the state.

Л.С. Ржаницына. «Детский бюджет»: Новая управленческая технология в социальной сфере

L.S. Rzhanitsina. «Children Budget»: A New Management Technology in the Social Sphere

Ключевые слова: уровень жизни семьи с детьми, социальные расходы бюджета.

Keywords: standards of living in families with children, social expenditures in the budget.

В статье обосновывается необходимость для России составления Детского бюджета с использованием программно-целевого подхода. Это поможет усилить адресность государственных расходов на решение проблем уровня жизни, демографической и социальной политики.

The article argues that there is a need for a special Children Budget in Russia which could streamline public expenditures on improvement of the standards of living, demographic and social policies.

М.Н. Муханова. Занятость сельского населения России в неформальном секторе

M.N. Mukhanova. The Employment of Rural Population of Russia in the Informal Sector

Ключевые слова: структура занятости сельского населения, отрасли АПК, неформальный и формальный сектора, социально-профессиональная структура, домохозяйства, образование, удовлетворенность трудом, доходы.

Keywords: the structure of employment of the rural population, branches of agricultural production, informal and formal sectors, socio-professional structure, households, education, satisfaction with work, incomes.

Переход к рынку в 1990-е годы сопровождался ростом безработицы, бедности, изменениями на рынке труда, появлением разных форм самозанятости. Снижение уровня занятости сельского населения в сельском хозяйстве обусловило структурную отраслевую мобильность, вызвало трансформацию социальной структуры села и породило неформальный сектор, в котором работает треть сельского населения.

The transition to market relations in the 1990s had as its consequence such processes as the growth of unemployment and poverty, changes in the labour market and the formation of various forms of self-employment. All of these led to the structural mobility in Russian agriculture, transformed the rural social structure and gave rise to the informal sector that now provides employment for one third of the rural population.

О.А. Кислицына. Место России в международных рейтингах качества жизни

O.A. Kislitsina. Russia's Place in the International Rankings of Quality of Life

Ключевые слова: качество жизни, благополучие, прогресс общества, методы исследования качества жизни, интегральные показатели качества жизни, индекс качества жизни, международные рейтинги, Россия.

Keywords: quality of life, well-being, the progress of society, quality of life indicators, integrated indicators of quality of life, quality of life index, international ratings, Russia.

В статье анализируется международный опыт измерения качества жизни (благополучия) с помощью композитных индексов, определяется место России в международных рейтингах качества жизни.

Looking at the international practice of measuring the quality of life (well-being) on the basis of composite indicators, the articles aims to define Russia's place in the international quality of life rankings.

Н.В. Фейт, Э.Я. Шейнин. Экономические отношения России со странами Центральной и Восточной Европы

N.V. Feyt, E.Ya. Sheynin. Russia's Economic Relations with the Countries of Central and Eastern Europe

Ключевые слова: социально-экономические отношения, страны Центральной и Восточной Европы, Россия, товарооборот, структура экспорта и импорта, энергетика, прямые инвестиции, рынок.

Keywords: socio-economic relations, Central and East European countries, Russia, trade, the structure of export and import, the energy sector, direct investments, market.

На развитие экономических отношений России и стран ЦВЕ негативное влияние оказывают напряженность в политических отношениях России с ЕС, экономические трудности и в России, и в странах ЦВЕ, экономические санкции Запада против России. В результате ограничились возможности для развития экономических связей России со странами ЦВЕ: взаимной торговли, освоения рынка России частным восточноевропейским бизнесом, участия российских компаний в решении экономических проблем стран ЦВЕ.

The economic relations between Russia and the Central and East European countries have been negatively impacted by such factors as the political tensions in the Russia-European Union relations, economic problems both in Russia and Europe, the Western sanctions on Russia, etc. As a result, what we are witnessing today is the deterioration of mutual trade, weak presence of the countries of Eastern Europe on the Russian market as well as weak participation of Russian businesses in the economies of these countries.

Т.В. Соколова. Социальные итоги независимого развития постсоветских государств (К 25-летию образования СНГ)

T.V. Sokolova. Social Aspects of the post-Soviet States' Independent Development (The 25th Anniversary of the CIS)

Ключевые слова: постсоветские государства, СНГ, социальное развитие, уровень жизни, бедность, неравенство, безработица.

Keywords: post-Soviet states, CIS, socio-economic development, standards of living, poverty, inequality, unemployment.

В статье представлены основные социальные итоги развития постсоветских государств, проанализированы наследие прошлого и контрасты современного социального ландшафта. Показано, что население не готово идти на дальнейшие неизбежные жертвы (снижение уровня жизни, увеличение риска безработицы и т.п.) ввиду низкого уровня доверия к проводимой социально-экономической политике, отсутствия массового среднего класса, способного придать прочность социальной структуре, неэффективной системы государственной социальной поддержки.

Addressing the main aspects of social developments in the post-soviet states, the author analyzes the legacy of the past and the contrasts of the present-day social landscape. It is shown that the population is not ready to suffer inevitable hardships due to a low level of public confidence in the socio-economic policies, lack of a large middle class and inefficient system of the state social policies.

Е.В. Пинюгина. КНР, Россия, Германия, Казахстан: Тенденции развития партнерства

E.V. Pinyugina. China, Russia, Germany, Kazakhstan: Trends of Partnerships Development

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, «Экономический пояс Шёлкового пути», евразийская интеграция, российско-китайские отношения, транспортные коридоры, российско-китайская конкуренция.

Keywords: Eurasian Economic Union, the «Economic belt of the Silk road», transport corridors, Eurasian integration, Russian-Chinese partnership, geopolitical competition in Central Asia.

В статье рассматриваются перспективы сопряжения Евразийского союза и Экономического пояса Шёлкового пути, международный контекст и различный подход Китая к отношениям с Россией, ФРГ и Казахстаном. Анализируется расхождение ожиданий России и последствий для нее от действий КНР на постсоветском пространстве по развитию трансъевразийских транспортных коридоров.

Analyzing the prospects of compatibility between the Russian-led Eurasian Economic Union and the Chinese Economic belt of the Silk Road as well as the differences in China's approach to Russia, Germany and Kazakhstan, the author focuses on the Russian interests and expectations with regards to trans-European transport corridors.

Ф.О. Трунов. Позиции России и Германии по «сирийскому вопросу»: Взаимодействие или взаимное отчуждение?

F.O. Trunov. Russia's and Germany's Positions on the «Syrian Crisis»: Cooperation or Mutual Alienation?

Ключевые слова: внешняя политика ФРГ, Сирия, вооруженный конфликт, НАТО, Россия, международная безопасность.

Keywords: German foreign policy, Syria, armed conflict, NATO, Russia, international security.

В статье рассматриваются особенности развития отношений РФ и ФРГ по «сирийскому вопросу», дается их периодизация. Раскрываются различия в видении каждой из держав будущего Сирии, показывается ее место в их долгосрочных планах. Исследуются предпосылки и характер временно возникавшего взаимодействия сторон, его значение для хода урегулирования конфликта.

The article looks at the development of Russia – Germany relations over the Syrian crisis and defines different stages of the process. Underlined are the differences in the policies of each country towards Syria's future.

З.А. Дадабаева. Присоединение Таджикистана к ЕАЭС: Преимущества и риски
Z.A. Dadabayeva. The Tajikistan's Accession to the EAEU: Advantages and Risks

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, Республика Таджикистан, интеграция, Таможенный кодекс, взаимная торговля, евразийское пространство, региональные союзы.

Keywords: the Eurasian Economic Union, the Republic of Tajikistan, integration, the Customs Code, inter-state trade, Eurasian space, regional unions.

В статье отмечается, что возможное вступление экономически слабого Таджикистана в ЕАЭС принесет ему больше положительных эффектов, чем странам – участницам Союза. Необходимо предварительно просчитать все последствия интеграции и продумать механизмы ее реализации.

Stating that the possible accession of the economically weak Tajikistan to the EAEU might bring more benefits to Dushanbe than to the current participants of the Union, the author postulates a necessity to calculate all consequences of integration and think over the mechanisms of its realization.

И.Г. Шаблинский. Российские авторы о двух десятилетиях реформ (Размышления на полях книг)

I.G. Shablinskiy. Russian Authors on the Two Decades of Reforms (Reflections on the Margins of Books)

Ключевые слова: модернизация, реформа, демократизация, права человека, частная собственность, политический режим.

Keywords: modernization, evolution of political regime, reforms, democratization, humane rights, private ownership.

Анализируются размышления российских авторов о причинах и сущности демократизации при Горбачёве, распаде СССР, эволюции политического режима в Российской Федерации. Рассматриваются особенности развития политических и правовых институтов России в последние два десятилетия.

Dealing s with the recent publications by Russian scholars on such issues as democratization of the country under M.S. Gorbachev, the collapse of the USSR, and the evolution of the political regime in the Russian Federation, the author focuses on the specific features of the present-day political and legal institutions of Russia.

Л.В. Колпина. О специфике российского патриотизма

L.V. Kolpina. On the Specific Features of Russian Patriotism

Ключевые слова: патриотизм критический и некритический, рост патриотических настроений, доверие президенту, некритическое отношение к власти, неспособность населения к самоорганизации.

Keywords: «critical» and «noncritical» patriotism, increase of patriotic attitudes in the Russian society, the level of trust to the president, noncritical attitudes to authorities, population's inability to self-organization.

На основе опросов, проведенных Левада-Центром и ВЦИОМом, обосновывается пассивно-созерцательный характер патриотизма россиян. Он не оказывает влияния на их невысокую способность к самоорганизации и воздействию на власть.

Analyzing the data from the opinion polls by the Levada-Tsentr and VTsOM, the author argues that the present-day patriotism of the Russians has a passive and

purely contemplative nature with little influence on their ability to self-organize and exert pressure upon the authorities.

А. Брглез. Организации русских эмигрантов в Словении
A. Brglez. Organizations of Russian Emigrants in Slovenia

Ключевые слова: русская эмиграция в Югославии, Объединение русских ученых и служащих, Объединение русских студентов в Любляне, Русская матица в Любляне.

Keywords: Russian emigration in Yugoslavia, the Community of Russian scientists and office workers, the Community of Russian students in Ljubljana, Russian «matsitsa» in Ljubljana.

В очерке приводятся сведения об организациях русских эмигрантов в Королевстве Югославия, их филиалах, деятельности, публикациях и персоналиях.

The article looks at the organizations of Russian emigrants in the Kingdom of Yugoslavia, their branches, activities, publications and prominent figures.

В.П. Любин. Анжелика Балабанова и итальянские социалисты
V.P. Lyubin. Angelica Balabanova and the Italian Socialists

Ключевые слова: Анжелика Балабанова, Итальянская социалистическая партия, РСДРП, Коминтерн, Циммервальдское движение.

Keywords: Angelica Balabanova, the Italian Socialist party, the Russian Social-Democratic Workers' party, Comintern, the Zimmerwald movement.

А. Балабанова характеризуется в очерке как заметная фигура российского, итальянского, международного социалистического движения; рассказывается о ее деятельности в Итальянской социалистической партии, Циммервальдском движении, о работе в эмиграции.

Describing Angelica Barabanova as a prominent figure in the Russian, Italian and international Socialist movements, the article tells about her work in the Italian Socialist party, Zimmerwald movement and emigration.

В. Мотылёв. О трех источниках марксизма: Правда и вымыслы (Полемические заметки)

V. Motylyov. On the Three Sources of Marxism: The Truth and Fantasies (Polemic notes)

Ключевые слова: классическая английская политэкономия, трудовая теория стоимости у Рикардо и Маркса, роль капитала и его накопления, физиократы, материалистическое понимание истории.

Keywords: classical English political economy, the labour theory of value in the works of Ricardo and Marx, role of capital and capital accumulation, physiocrats, materialistic understanding of history.

В заметке делается попытка показать, почему английская и французская классическая политэкономия не может рассматриваться как источник экономического учения Маркса. Взгляды классиков буржуазной политэкономии на происхождение стоимости шире марксовой теории трудовой стоимости.

Arguing that the English and French classical political economy can not be regarded as a source of Marx's economic teaching, the author shows that the views of the main figures of the pre-Marxist economy were much wider than those postulated in the Marx's labour theory of value.

Р.С. Гранин. Русская религиозно-философская традиция: От утопизма к тоталитаризму

R.S. Granin. Russian Religio-Philosophical Tradition: From Utopism to Totalitarism

Ключевые слова: историческая эсхатология, апокалиптика, тоталитарная утопия, русский религиозно-философский ренессанс.

Keywords: historic eschatology, apocalyptic theories, totalitarian utopia, the Russian religio-philosophical renaissance.

В широком историко-философском контексте русского религиозно-философского самосознания прослежены ключевые этапы развития эсхатологических идей и представлений от Древней Руси до культуры Серебряного века и послереволюционной эмигрантской философии. Фундаментальными чертами русского религиозно-философского мировоззрения являются: историософичность, мессианизм, апокалиптизм и утопизм.

Tracing the key stages of the development of eschatological ideas from the times of ancient Rus' to the Silver Age in Russian culture and post-revolutionary expatriate philosophy, the author postulates the fundamental features of the Russian religio-philosophical outlook, these being messianiasm, apocalyptism and utopism.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР» ЗА 2016 г.

Памяти Юрия Ивановича Игрицкого ..... № 1, с. 6

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

О.А. Александрова. Борьба с бедностью и неравенством: Мифы и аксиомы ..... № 3, с. 25

С.Ю. Барсукова. Новый российский капитализм: Институционализация коррупции ..... № 4. с. 21

Л.Н. Верчёнов. «Человек русский», год 2014: Кто мы, куда идем ..... № 1, с. 59

И.И. Глебова. Россия 2014–2016: Новый курс ..... № 1, с. 35

В.А. Ковалёв. «Гайзергейт» в Республике Коми: Нерабо-тающие институты авторитарного администрирования и политический порядок ..... № 2, с. 22

Е.А. Лукьянова. Об итогах парламентских выборов в России: Участь победителей ..... № 4, с. 40

Д.В. Мельник. Модернизация экономики России: В поисках субъекта ..... № 3, с. 40

И.Г. Минервин. Живучи на Руси социокультурные стерео-типы (Читая историю страны) ..... № 4, с. 6

М.Н. Муханова. Занятость сельского населения России в неформальном секторе ..... № 4, с. 72

Ю.С. Пивоваров. «Грядет шестнадцатый год» ..... № 1, с. 8

И.А. Помигуев. Законодательный процесс в России: Отсутствие решения – тоже решение? ..... № 1, с. 81

Л.С. Ржаницына. «Детский бюджет»: Новая управленческая технология в социальной сфере ..... № 4, с. 62

Э.Н. Соболев. Россия: Заработная плата и динамика забастовочной активности ..... № 3, с. 6

А.К. Соловьёв. Старение населения России
как фактор бюджетного кризиса ..... № 4, с. 53
Б.А. Хейфец. Импортозамещение и конкурентоспособность ..... № 2, с. 6

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

В.Н. Бабенко. «Майданная» Украина (2005–2014):
Между Россией и Евросоюзом ..... № 3, с. 115
В.Н. Бабенко. Правовые и социальные последствия
европейского выбора Украины ..... № 1, с. 121
Т.Г. Биткова. Россия во внешнеполитических приоритетах
Румынии ..... № 2, с. 49
М.В. Братерский. «Жесткая» сила как «мягкий» инструмент внешней политики России в Евразии ..... № 2, с. 39
Т.Э. Валева. Российско-болгарские отношения сегодня ..... № 3, с. 105
А.А. Горелов. Мегатенденция современного мирового
развития ..... № 3, с. 56
З.А. Дадабаева. Присоединение Таджикистана к ЕАЭС:
Преимущества и риски ..... № 4, с. 161
В.Ю. Даренский. Массовый национализм в современной
Украине: Необходимость осмысления ..... № 3, с. 129
В.Е. Дементьев, Р.И. Хабибуллин. Коллективные предприятия: Анализ зарубежного опыта ..... № 2, с. 123
О.А. Кислицына. Место России в международных рейтингах качества жизни ..... № 4, с. 86
В.А. Ковалёв. «Лишние» люди – новые расколы:
Основа конфликтов в современном мире ..... № 3, с. 76
Л.С. Косикова. Российско-украинская дезинтеграция ..... № 1, с. 107
Т.В. Леженина, М.Е. Тригубенко. К проблеме отношений
России с КНДР в современных условиях ..... № 2, с. 64
Л.С. Лыкошина. Национализм в современной Польше ..... № 2, с. 71
Е.В. Пинюгина. КНР, Россия, Германия, Казахстан:
Тенденции развития партнерства ..... № 4, с. 131
В.А. Радзиевский. О современных украинских мифах ..... № 3, с. 141
И.Ф. Селиванова. Приднестровское урегулирование:
Особенности современного этапа ..... № 1, с. 132
И.С. Синицина. Некоторые итоги социального развития
стран Центральной и Юго-Восточной Европы за годы
системной трансформации ..... № 3, с. 88

Т.В. Соколова. Социальные итоги независимого развития постсоветских государств (К 25-летию образования СНГ)..... № 4, с. 116
Ф.О. Трунов. Позиции России и Германии по «сирийскому вопросу»: Взаимодействие или взаимное отчуждение?..... № 4, с 145
Н.В. Фейт, Э.Я. Шейнин. Экономические отношения России со странами Центральной и Восточной Европы ..... № 4, с. 97
В.Н. Чернега. «Брексит» и европейские перспективы России..... № 3, с. 65
В.Н. Чернега. Россия в многополюсном мире ..... № 1, с. 94
Е.Е. Шестакова. Дольше работать, больше копить: Западные рецепты решения пенсионных проблем ..... № 2, с. 107
А.В. Шурубович. Экономика Белоруссии: 25 лет на пути системной трансформации ..... № 2, с. 90

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Л.И. Бородкин. ГУЛАГ в годы войны ..... № 1, с. 148
Н.В. Петров. КГБ и XX съезд КПСС (1954–1960 гг.) ..... № 2, с. 136

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

А. Брглез. Организации русских эмигрантов в Словении..... № 4. с. 190
Е.Я. Виттенберг. Из истории становления социальной ответственности предпринимателей в России..... № 1, с. 159
М.И. Воейков. Наследие М.И. Туган-Барановского ..... № 2, с. 180
В.М. Головач. Западнорусизм как концепция белорусского этногенеза..... № 3, с. 209
А.В. Гордон. Китай при Си Цзиньпине: Проблемы и перспективы..... № 3, с. 182
Р.С. Гранин. Русская религиозно-философская традиция: От утопизма к тоталитаризму ..... № 4, с. 215
Л.С. Дегтярь, Е.Е. Шестакова. Социальное страхование КНР на этапе преобразований..... № 3, с. 198
А.Г. Донгаров. Пакт Молотова–Риббентропа: Запланированный экспромт ..... № 3, с. 148
Б.Й. Желицки. Место Венгрии в восточноевропейских преобразованиях XX века..... № 1, с. 173

Б.Н. Ковалёв. Досуг как форма пропаганды на оккупированной нацистами территории России (1941–1944) ..... № 2, с. 169
Л.В. Колпина. О специфике русского патриотизма ..... № 4, с. 182
Т.В. Кругликова. Проблемы формирования «зелёной экономики» в России ..... № 2, с. 155
В.М. Кулькина. Особенности современной прозы: Деконструкция текста у В. Пелевина и П. Остера ..... № 3, с. 229
С.Я. Левит. Творчество М.О. Гершензона в восприятии современников ..... № 3, с. 217
В.П. Любин. Анжелика Балабанова и итальянские социалисты ..... № 4, с. 201
А.А. Мигранян, М.Ф. Ткаченко. Правовые аспекты гармонизации трудового миграционного законодательства ..... № 3, с. 168
Д.С. Миронова. Трансформация НАТО и интересы России ..... № 1, с. 183
В. Мотылёв. О трех источниках марксизма: Правда и вымыслы (Полемические заметки) ..... № 4, с. 208
И.Г. Шаблинский. Российские авторы о двух десятилетиях реформ (Размышления на полях книг) ..... № 4, с. 169
И.С. Яжборовская. Российско-польское научное сотрудничество: Основные этапы ..... № 1, с. 194

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

В.С. Авдонин. Организационная структура политической науки в институтах РАН ..... № 1, с. 201
Н.А. Комочев. К юбилею Русского исторического общества ..... № 3, с. 236
В.Б. Ленцова. Дом-музей М.Ю. Лермонтова в Москве ..... № 2, с. 214
В.В. Леонидов. «Посольство на Таганском холме». Дом русского зарубежья им. А. Солженицына ..... № 3, с. 242
Л.В. Митрашенкова. Музей-панорама «Бородинская битва» ..... № 4, с. 233
Л.П. Муромцева. Зарубежные архивы российской эмиграции ..... № 2, с. 189
Б.А. Хейфец. Первые Богомоловские чтения ..... № 4, с. 225
П.М. Шульгин, О.Е. Штеле. Земский опыт местного самоуправления: Сохранить уникальное российское наследие ..... № 2, с. 207

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

Барч Я. Основные направления организационной реформы Европейского союза (институционально-правовые аспекты)..... № 1, с. 219
Клаус В. Мы, Европа и мир ..... № 2, с. 219
МакАллистер Я., Уайт Ст. Лукашенко и его избиратели (реферат)..... № 4, с. 247
Петерсен К. «Исламское государство» и Центральная Азия ..... № 2, с. 227
Право на забвение: Интернет и проблемы прав человека ..... № 2, с. 231
Человек, объявивший войну всему миру / Гюбер Р., Энен Н., Перье Г., Висьер А..... № 1, с. 222
Т.Я. Четвернина, А.В. Четвернина. Миграционная политика: Обзор новых зарубежных исследований..... № 4, с. 240
Экономические санкции и международная торговля ..... № 3, с. 246

АННОТАЦИИ

№ 1 ..... с. 224
№ 2 ..... с. 239
№ 3 ..... с. 251
№ 4 ..... с. 255

К сведению авторов

Требования к рукописям, поступающим в журнал «Россия и современный мир»

Рукописи принимаются в виде компьютерной распечатки (междустрочный электронный интервал 1,5, соответствующий машинописному интервалу 2; кегль 14; гарнитура Times New Roman); к распечатке прилагается дискета, текст на которой должен иметь те же параметры. Допустимо предоставление вместо дискеты флэшки для переноса файла в компьютер редакции (флэшка возвращается автору).

Объем публикуемых рукописей не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. электронных знаков с пробелами) и может зависеть от рубрики и жанра рукописи (статья, сообщение, заметка и т.д.). В отдельных случаях возможно согласование объема с редакцией.

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. Обязательно предоставление сведений об авторе на первой странице рукописи после заголовка. Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты даются на первой странице в подстрочнике.

Исследовательские статьи, основанные на использовании более трех источников, сопровождаются алфавитными и пронумерованными списками литературы, в которых каждый источник, независимо от количества ссылок на него в тексте, имеет один номер; ссылки на него даются в тексте в скобках, где фигурируют этот номер и, через запятую, та страница(ы), к которой отсылается читатель; если в одном месте в тексте необходима отсылка к нескольким источникам, их номера указываются в одних скобках через точку с запятой. При использовании литературы на русском и иностранных языках сначала указываются русскоязычные источники, а затем иноязычные с одной сплошной нумерацией.

В так называемом подстрочнике могут помещаться авторские примечания (комментарии, разъяснения, оценки, сравнения и т.д.) в виде имеющих сплошную нумерацию сносок. Если в такого рода сносках упоминаются письменные источники, они оформляются точно так же, как и в тексте (номер и страницы в скобках). В подстрочнике помещаются также ссылки на архивные документы с общей нумерацией с примечаниями.

Источники из Интернета помещаются в списке литературы, если известны автор и / или название источника; «глухие» ссылки на Интернет даются в подстрочнике наряду с примечаниями и с общей нумерацией.

Опубликованные источники описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место и год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: 1) Иванов И.И. Проблемы науки. – М., 2010. – 250 с.; 2) Петров П.П. К вопросу о… // Россия и современный мир. – М., 2011. – № 4. – С. 5–25; 3) Сидоров С.С. Еще раз о… // Сборник статей… / Отв. ред. Иванов И.И. – М., 2012. – С. 7–27.

Рекомендуем всем авторам ознакомиться с правилами оформления научного аппарата, взяв в руки последние номера нашего журнала!

ЗА ПУБЛИКАЦИЮ МАТЕРИАЛОВ ПЛАТА НЕ ВЗИМАЕТСЯ.
ГОНОРАРЫ НЕ ВЫПЛАЧИВАЮТСЯ

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru

Россия и современный мир № 4 – 2016 (93)

Верстка Н.М. Власова

Корректор
О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999г.
Подписано к печати 05.12.2016 г.
Формат 70x100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Цена свободная
Усл. печ. л. 22,1 Уч.-изд. л. 15,9
Тираж 870 экз. Заказ № 194

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

042(02)9